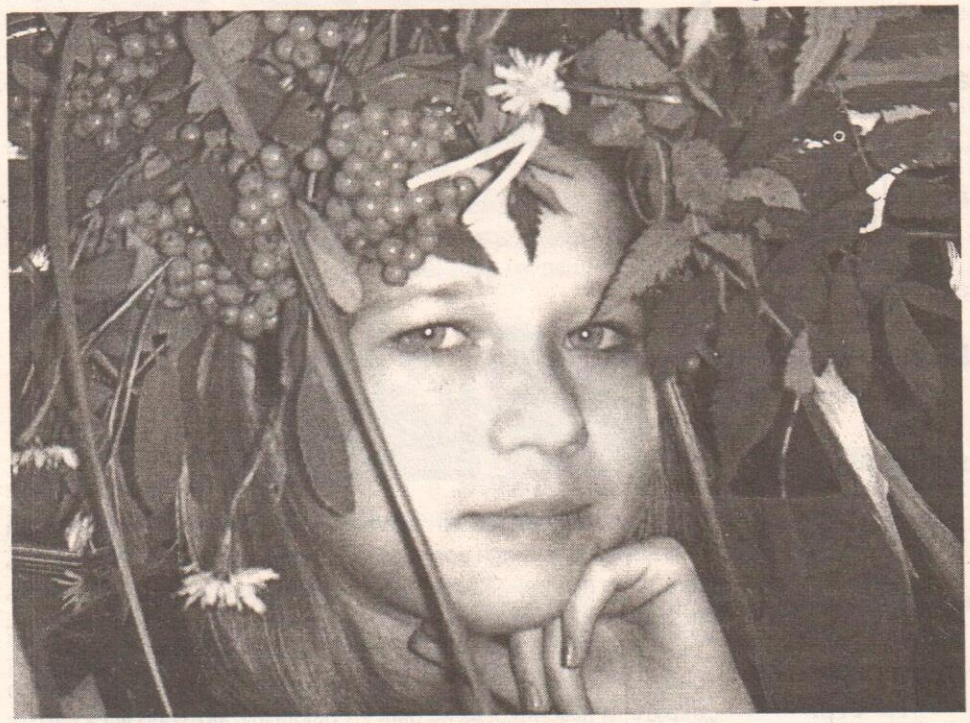
Югорский Глаголъ

№ 1(1) октябрь 2007

Культуро-просветительская газета

РИСУЕТ СЕНТЯБРЬ...

Рисует сентябрь
На память цветок багряный...

Первые листья,
С веток тонких срываясь,
Падают в ноги...
Нам не увидеть
Отсвет границы рая
На небосклоне –

Все еще бьет в глаза
Солнце, лежащее рядом...

Татьяна КУДИНОВА
г. Москва

Фото Фатимы ХАЗЫРОВОЙ

СЛОВО РЕДАКТОРА

Здравствуй, уважаемый читатель.

Давно мы не общались вот так доверительно, когда в твоих руках очередной номер «Глагола» и твои сердце и душа откликаются на стихи, прозу и те материалы, которые газета дарит тебе с любовью. Почти три года прошло с момента нашей последней встречи, и потому, ты поймёшь, некоторую напряжённость и чувства опасения из-за того, что за это время твой интерес к газете охладел, а посему всё придётся начинать заново.

За это время в культурной жизни и города, и региона, и округа произошло множество интересных, радостных и не очень событий. Знаешь, какое большое сожаление об упущенном времени и неиспользованых замечательных поводах для встреч и материалов испытываешь. Но отголоски некоторых событий всё-таки звучат в этом номере, тех, мимо которых не позволили пройти обстоятельства и совесть.

Как ты уже успел заметить, уважаемый читатель, название газеты несколько изменилось. Произошло это потому, что при получении свидетельства о регистрации издании вдруг выяснилось, что на огромной российской территории где-то выходит ещё одно издание с таким же названием. Думаю, со временем удастся поближе познакомиться с тёзкой, и может быть появятся новые интересные темы.

В остальном же «Глагол» не претерпел больших изменений, потому как цели и задачи, которые стоят перед изданием остались неизменными – быть объединяющей силой для людей, живущих творчеством, искусством и духовными задачами, всех тех, кто участвует в формировании культурного пространства округа, а также для тех, кто делает свои первые шаги в искусстве – начинающих художников, прозаиков и поэтов, музыкантов. По большому счёту, «Глагол» мечтает достучаться до каждого сердца.

Теперь у газеты есть свой электронный адрес: glagol66@mail.ru. И смею вас уверить, что ни одно письмо пришедшее на электронную почту, не будет оставлено без внимания. Современные информационные технологии расширили наши возможности для общения практически до безграничности, в результате возникли некоторые идеи, которые будут постепенно реализовываться на страницах газеты. Так появилась новая рубрика litsovet.ru. Думаю, что она понравится вам. Это отголосок, тех новых творческих, литературных знакомств и контактов, которые появились в последнее время, и с которыми хочется поделиться.

Ну что ж, дорогой читатель, желаю тебе найти в этом номере то, что заставит твою душу сопереживать, откликнется на твои потаённые мысли и поиски духа.

Татьяна ЮРГЕНСОН

СОДЕРЖАНИЕ:

Мысли вслух
Крепостное право муниципалитета 4 стр.
Открытое письмо бывшим и настоящим руководителям Мегиона 5 стр.
Поэзия
Сергей Семянников. Расщеплённый Богом свет. 6 стр.
Ирина Калистратова. Громко-громко кричит тишина. 21 стр.
Лев Леонтьев. 39 стр.
Газета в газете. Тиливсама` 7 стр.
Сочинение на тему
А. Любимова. Почему огонь превратился в птицу Феникс. 11 стр.
В. Ковальчук. Почему дракон превратился в воду.. 11 стр.
Е. Винокурова. Как ветер превратился в белого тигра. 11 стр.
Д. Перепелюк. Огонь 11 стр.
К. Валишина. Я – вода. 11 стр.
Краевед
А. Кичигаева. Духи – покровители народа манси. 12 стр.
Р. Ибраева. Стерх – северная птица счастья. 28 стр.
С. Кравченко. Казымские заметки. 32 стр.
Проба пера
Дмитрий Бояркин 15 стр.
Людмила Михальчишина 15 стр.
Мария Рыбченко 15 стр.
В начале было Слово
Русские Веды 16 стр.
Пословицы. 41 стр.
Проза
Николай Кинев. Букет земляники. 22 стр.
Чудаки
Е. Храпова. В эфире – центр СССР! 30 стр.
Наша презентация
С. Луцкий. Молодое вино литературы. 35 стр.
Целая планета в подарок. 35 стр.
Очарование странствий
Л. Ковалева. Для чего нужна культура. 36 стр.
Гармония
А Зубайдуллин. Неизбежность космического мышления на пути решения глабальных экологических проблем. 40 стр.
Палитра
Е. Храпова. Раздумья ненецкие, раздумья башкирские. 42 стр.
Litsovet/ru
Алиса Минина-Пожарская. Миниатюры. 45 стр.
Гость
Т. Юргенсон. «Волга-Волга» зазвучит на сцене. 46 стр.
Наша Афиша

Как часто слышим от знакомых: «Купим журнал (газету), а там - одна реклама и пропаганда гламурной жизни. А почитать для души нечего». Таким людям хочется предложить оформить подписку на журнал «ЮГРА», который издается в нашем округе. «Югра» ?- это журнал для тех, кто любит читать умные доброжелательные очерки о людях, о природе, об истории нашего округа. В нём никогда не бывает рекламы, зато обо всех самых важных событиях в культурной, социальной жизни, в экономике округа журнал рассказывает гораздо обстоятельней, чем газеты. В каждом номере обязательно журнал рассказывает о каком-то конкретном человеке – геологе-первопроходце, фронтовике, учителе года или другом заслуженном человеке, и рассказывает добротно, подробно. О многих людях этот журнал уже успел рассказать, а о скольких замечательных жителях ещё предстоит написать! И журнал обязательно будет публиковать очерки о людях, благодаря которым округ наш становится всё краше и лучше. Журнал будет интересен каждому жителю округа, а для учителей истории и географии, которым необходимо на уроках рассказывать о нашем крае, он может стать незаменимым пособием.

Каждый, кто впервые видит «Югру», сначала удивляется тому, сколь красив этот журнал. Внешнюю красоту обеспечивают лучшие в округе и, можно сказать, во всей Тюменской области фотографы и высококачественная полноцветная печать.

Уже дважды журнал «Югра» в 2005 и 2006 году был отмечен на Международной профессиональной выставке «Пресса» (г.Москва) Знаком отличия «Золотой фонд прессы». При награждении члены жюри отметили, что «Югра» – это издание, «пропагандирующее высокие этические и нравственные принципы, способствующие интеллектуальному оздоровлению и духовному обогащению человека».

Есть и еще одна причина для того, чтобы подписаться на журнал «Югра» – его цена. «Югра» выходит ежемесячно, а цена подписки для индивидуальных подписчиков – 180 рублей, то есть один номер журнала стоит всего 30 рублей. Подписку на него можно оформить в отделениях связи.

НОВОСТИ

Прогулки по Бродвею.

Художественный коллектив «Вдохновение» открыл концертный сезон джазовой программой «Прогулки по Бродвею». Данный проект, удостоен Гранта Губернатора Югры в сфере профессионального сценического искусства.

Идея создания мюзикла принадлежит художественному руководителю Ирине Стоцкой. «Хотелось донести до слушателя самые разные музыкальные композиции, показать всю красоту и колорит джаза, поэтому и выбрана форма путешествия по городу, а Бродвей - самое подходящее место», – объяснила Ирина Павловна. Гуляя по этой улице в 30 – 40 годы двадцатого столетия, можно было услышать мотивы негритянских песен, жизнерадостную будоражащую кровь испанскую музыку, по пути заглянуть в кабаре или небольшой театр, а если захотелось тишины и уединения, то дорога приводила в храм. Пока на суд публики музыканты представили 12 концертных номеров, так как не хватает денежных средств на пошив костюмов и до конца не завершена работа над декорациями. Деньги, полученные за грант, ушли на приобретение новых микрофонов.

Несмотря на отдельные шероховатости, исполнительское мастерство, было на высоте. А ведь коллективу пришлось осваивать материал на английском, испанском, португальском языках, причём перестраиваться с академического пения на эстрадный вокал. Истинные любители музыки по достоинству оценили это. «Я в восторге! Столько экспрессии! Божественно! «Вдохновение» – наша жемчужина!», – с восхищением говорила преподаватель школы искусств Ирина Тимофеева.

В программе «Прогулки по Бродвею» прозвучали произведения Джипси Кинга, спиричуэл в аранжировке Дэвида Лантца, попурри из одноименного мюзикла на мелодии группы «Абба» и другие известные композиции.

Тысяча цветов Натальи Камбуловой.

Это стало своеобразной традицией – проводить персональные выставки преподавателей детской художественной школы в администрации Мегиона. В экспозиции Натальи Камбуловой «Тысяча цветов» представлены вытканные гобелены, декоративные панно из батика и рисунки, выполненные гуашью.

Учебный год в ДХШ принято начинать с персональных выставок преподавателей, чтобы задать определённую планку, показать, юным художникам к чему им нужно стремиться. В этом году новый творческий сезон открыла Наталья Васильевна Камбулова. В проект «Тысяча цветов» вошло 25 работ, которые она создавала в течение 7 лет. «Над гобеленом приходиться работать долго, по 6, 7 месяцев. За это время прикипаешь сердцем к полотну. Оно становится родным. Поэтому, я очень трудно расстаюсь со своими работами», – пояснила художница. На большей части полотен – цветы, в которых отражён солнечный краснодарский край, откуда 1,5 года назад и приехала в Мегион [illegible] Камбулова. Любовь к творчеству привила мама. Она [illegible]их пор работает учителем рисования в родной станице. С самого детства Камбуловой нравилось ручное ткачество. Специализация «художественный текстиль» остаётся ее любимой техникой в творчестве. Сейчас гобелены занимают большую часть в коллекции автора: декоративный рисунок соседствует с вечерним пейзажем родного города, рядом работы, навеянные под впечатлением дуновения ветра, яркой вспышки звезды. «Приступая к эскизу будущего панно, я, прежде всего, должна увидеть его в материале, создать образ. Творчество многогранно – оно несёт в себе стадии поиска, становления, перерождения», – рассказывала Наталья Васильевна. С большим удовольствием художница занимается батиком, который даёт возможность использовать весь широкий спектр современных средств и приёмов.

Не менее важное место в жизни Натальи Камбуловой занимает педагогическая работа. Девять лет Наталья Васильевна работает педагогом. Сейчас занимается мегионскими детьми, с удовольствием посвящая их в секреты изобразительного искусства. И, конечно, уже начала подготовку к новой выставке, которая будет посвящена природе северного края, Мегиону.

С победами домой...

Детская школа искусств № 2 посёлка Высокий муниципального образования город Мегион, приняла участие во Всероссийском фестивале – конкурсе народного творчества «**ХРАНИТЕЛИ**», который был организован при участии Федерального агентства по культуре и кинематографии РФ, детским благотворительным фондом «Артфестиваль – Роза ветров» и управлением культуры администрации города Сызрани, где и завоевала призовые места.

Дипломами 1степени в номинации «Куклы» награждены следующие учащиеся: Мулъминат Исаева, Ирина Захарова, Елена Нягу. Специальными дипломами отмечены и их преподаватели: Наталья Олех и Юлия Демченко. Заведующая отделением изобразительного искусства школы номер два Елена Фокина, разработала программу «Основы компьютерной графики». Её работа получила высокую оценку дирекции фестиваля, рекомендована к сертификации Всероссийского фестиваля-конкурса народного творчества «Хранители», и для внедрения в учебный процесс в учреждениях дополнительно образования. Елене Фокиной вручили диплом – сертификат за учебную программу «Основы компьютерной графики».

Президент фестиваля «Роза ветров» отметил активную работу и директора школы Галины Кузнецовой, вручив ей диплом за участие.

Материалы подготовлены
Ангелиной ЛАВРЕНОВОЙ

КРЕПОСТНОЕ ПРАВО МУНИЦИПАЛИТЕТА

Так получилось, что на протяжении многих лет я была, нет, не бесстрастным наблюдателем, а одним из активных участников формирования культурного пространства Мегиона. И дело было не только и не столько в моей профессии журналиста, которая обязывала быть в курсе всех событий, а во внутренней убеждённости, что без культурного пространства у города не будет своего лица, и все природные богатства так и останутся просто сырьём, которое в урбанизированных и заматерилизованных умах имеют одну единственную ценность, определяемую только долларовым эквивалентом.

Что происходило тогда в городе?

Ещё три года назад рождались идеи и выстраивались планы по дальнейшему развитию учреждений культуры, по усилению их позиций и улучшению материальной базы. Может быть это делалось не так быстро, как хотелось бы, но... Рассматривались варианты строительства собственного здания для школы искусств «Камертон», планировалось строительство нового здания для библиотечной системы, непросто, но отрабатывался в округе вопрос по строительству театрального здания для художественного коллектива «Вдохновение», делались эскизы и варианты расчётов для расширения площадей Детской художественной школы за счет строительства специализированного городского выставочного зала.

Городское литературное объединение «Логос», после очередного, замечательно прошедшего на базе Мегиона, регионального литературного семинара строил планы на новые творческие встречи.

Город по праву был признан культурным центром восточного региона округа, ведь большинство творческих идей и инициатив мегионских деятелей культуры и искусства нашли поддержку и дальнейшее развитие по всей Югре. Один только окружной конкурс юных художников «Северная фантазия», придуманый директором Мегионской художественной школы Альфиёй Мухаметовой, чего стоит.

Чувство востребованности и хорошей перспективы поддерживало творческие силы города. И тогда уже казалось, что откат назад, к временам невнимания, пренебрежительного отношения и отсутствия финансирования просто невозможен. Но...

То, что происходит сейчас в городе на находит никакого нормального, логичного, с точки зрения современного, цивилизованного, культурного человека, объяснения.

Прессинг на учреждения культуры начался практически сразу с приходом к руководству нового главы города, то есть весной 2006 года. Первым под давление попал региональный историко-культурный, экологический центр – учреждение, объединяющее в себе краеведческий музей и музей-стойбище под открытым небом. С расстояния времени в полтора года уже можно сказать, что дело было не столько в нарушениях первого директора и вообще создателя этого учреждения культуры В.И. Сподиной, сегодня, при желании, нарушения, ошибки и просчеты можно найти абсолютно у каждого руководителя, в какой бы отрасли он не работал, а в том, что это был человек с собственным мнением, собственной позицией, и вряд ли бы он спокойно воспринял новую политику в городе, в которой не находится места пониманию того, что такое культурное прстранство в городе.

Следующим шагом к уничтожению этого учреждения стало решение о выселении музея неизвестно куда, якобы для того, чтобы реконструировать помещение под детский сад. Знаете, история учит неоднократно, что все самые грязные дела делаются под самыми благовидными предлогами. А здравый смысл говорит, что на реконструкцию старого здания, требующего капитального ремонта, денег уйдет даже больше, чем на строительство нового современного здания для детского сада, и это без учета затрат на переселение музея со всеми его фондами, экспозициями.

Музей пока, славо Богу, не переселили, но вот атмосферу напряженности и неуверенности в завтрашнем дне в коллективе экоцентра, да и у интеллигенции города, безусловно, сформировали. После чего и у тогдашнего руководителя отдела культуры, и у директоров городских учреждений культуры сработал горький принцип: лучше молчать, чтобы не накликать на себя беду, то бишь гнев барина... Ничего не напоминает, а?

Весной этого года события начали развиваться с новой силой, хотя подспудно они готовились зимой. После проведения в городе нескольких массовых, ресурсоемких, но не предусмотренных городским бюджетом на 2007 год мероприятий, на которые были истрачены деньги учреждений культуры и образования города, финансовая ситуация в городе ухудшилась настолько, что начались судорожные поиски новых средств.

И опять на повестке дня у руководства города встал вопрос о «лишних ртах» в виде учреждений культуры. Я описываю ситуацию так, как она видится со стороны. И вот тогда возникла шокирующая всех нормальных людей идея, о присоединении художественного коллектива «Вдохновение» к Дому культуры «Прометей» со снятием с «Вдохновения» статуса муниципального коллектива и переводом его в художественную самодеятельность. И это речь о коллективе, который был приглашён для участия в праздничных мероприятиях, посвящённых 850-летию Москвы, который участвовал в международном профессиональном фестивале духовной музыки «Святки-2000» в Санкт-Петербурга, коллективе, в котором выросла и работает победитель, обладатель гран-при шестого международного фестиваля исполнителей русского романса имени Изабеллы Юрьевой [illegible] Наталья Оснач, коллективе, имя которой занесено во Всероссийскую энциклопедию «Лучшие люди России» наряду с Вишневской и Гергиевым!

Что значит для города этот художественный коллектив, знают жители Мегиона, для которых этот город дорог. Похоже, что у тех, кто сегодня Мегионом руководит, совершенно противоположные чувства и отношения к нему.

По всей видимости, «новаторские идеи» остановились только благодаря активности общественности, которая обратилась в окружные инстанции с просьбой о защите всех учреждений культуры Мегиона. Но, как показывает время, это реформаторов остановило ненадолго.

Если и были какие-то иллюзии относительно того, что глава города не в полной мере владеет ситуацией, потому как её обрисовывает со своей точки зрения его свита, а сам он «белый и пушис-

тый», то после целой серии заказных интервью, прошедших в изданиях не ниже окружного уровня (чего мелочиться) – в «Новостях Югры», «Комсомольской правде» и так далее, эти иллюзии исчезли. Потому что не незнание ситуации, а собственная позиция бизнесмена, насквозь прагматика, воспринимающего культуру только на уровне шоу-бизнеса, движет решениями А.А. Кузьмина.

Другого объяснения для его последней «гениальной идеи», прозвучавшей буквально на днях, просто не найти. На этот раз он на полном серьёзе предложил художественному коллективу «Вдохновение» поучаствовать в телевизионном шоу «Минута славы» для того, чтобы коллектив «опозорился». Более кощунственного и иезуитского предложения придумать было нельзя.

Знаю, что была сказана ещё одна фраза: «Раз такие талантливые, пусть сами зарабатывают». Но, даже самый неопытный бизнесмен понимает, что, для того, чтобы получать дивиденды от чего либо, надо сначала в этот проект вложить собственные средства. В данном случае – на строительство здания театра, на новые постановки и приобретение соответствующих костюмов. Это с одной стороны, а с другой, даже Большой театр и Мариинка находятся на содержание у государства. В Мегионе масштабы поменьше, но духовное и культурное значение художественного коллектива не меньше, а даже больше. Потому как в больших городах, тем более в столицах, существует выбор для нормального удовлетворения духовных потребностей человека. На уровне маленького города такого выбора нет. Не стоит забывать, что это неотъемлемое право каждого человека, жителя планеты, законодательно утверждённое ООН.

В итоге приходишь к совершенно неутешительному выводу. В Мегионе возродилось крепостное право, когда его жители, особенно деятели культуры и искусства низведены до роли крепостных артистов, от которых требуются только зрелища, причем при минимуме хлеба на потребу избранной публике. Простые горожане являются людьми даже не второго сорта, и на их духовные потребности можно не обращать внимания, убеждая всех с закупленных газетных страниц, что всё делается на благо и во имя народа. Но мы то с вами знаем, куда ведет путь выстланный благими намерениями...

Татьяна ЮРГЕНСОН,
член Союза писателей России,
главный редактор

Открытое письмо к бывшим и настоящим руководителям Мегиона

Даже, если это были бы только слухи, все равно страшно от происходящего кощунства. Но дело, кажется, приобрело серьезный оборот. Мегионский профессиональный коллектив духовной музыки присоединяют к художественной самодеятельности городского дворца культуры «Прометей». Кто присоединяет? Администрация города. Да. Да. Та самая администрация, представители которой в октябре 2006 года в том же самом «Прометее» на юбилейном концерте хора, задыхаясь от волнения, говорили о гордости, которую они испытывают, гордости за город, за округ-Югра, обладающие таким ансамблем. Двадцать лет назад был создан этот коллектив. Двадцать лет назад прекрасный педагог, талантливейший дирижер, хормейстер и музыкант Ирина Павловна Стоцкая собрала 10-12-летних девчонок и стала вместе с ними строить Храм, одновременно уча их петь, причем, не просто петь, а жить в искусстве. Через пять лет коллектив стал профессиональным. После споров и непонимания чиновников, отсутствия финансирования и многочисленных «нельзя». И уже через год коллектив отблагодарил «отцов» города и всех его жителей с триумфом проехав всю Южную Англию от Саунтгемптона до Лондона, дав десять концертов в залах и Кафедральных соборах. В морской деревне и на юбилейном вечере Ротари клуба. А далее - конкурсы и фестивали, рукоплескания, награды, выступления с ведущими солистами и оркестрами России. Вершинами были участие в праздничном концерте на Красной площади в честь 850-летия Москвы, рождественский концерт в Смольном соборе и в Санкт-Петербургской филармонии. Для того, что бы стать бриллиантовым ожерельем России, просто у не самого бедного города Мегиона не оказалось средств на «огранку». Конечно, проблем много. Но «Вдохновение» уже является территорией культуры, совсем новой средой обитания. Девчонки выросли, окончили престижные учебные заведения (в их списке даже Петербургская консерватория), стали высокопрофессиональными исполнителями и педагогами. Сам коллектив из чисто художественного превратился и в школу обучения и выращивания юных талантов. Теперь это настоящий музыкальный театр со своим хором, младшей группой, ансамблем Фламенко. С разнообразным светским и Духовным репертуаром и со своим зрителем не только в округе, но и далеко за его пределами. Правда, многое было потеряно. Постепенно уменьшилось количество приглашений из-за рубежа. После Англии, так и не нашлось денег на дорогу в страны зарубежья. И по стране поездок было меньше, чем приглашений. Но в округе и городе, как и раньше аншлаги и восторженные отзывы.

А что теперь? Надежды на лучшее практически растаяли. И я обращаюсь к тем, с кем мы вместе на протяжении всех этих пролетевших долгих лет, соприкасались с настоящим Чудом, общаясь с членами коллектива, по мере сил (но явно недостаточно) помогая ему. А что если все же попробовать вместе?

Вы слышите меня? Егор Иванович Горбатов и Анатолий Петрович Чепайкин. Два человека, стоявших в разное время у руля Мегиона. Один из Вас подписал распоряжение о создании профессионального коллектива, благословил и профинансировал поездку в Англию. Благодаря второму у «Вдохновения» появилось помещение с, пусть небольшим, но собственным концертным залом.

Борис Сергеевич Хохряков! Вы помните как мы с Вами вместе с членами Регионального Фонда развития Нижневартовского района зимой 1995 года в холодном зале ДК «Прометей» слушали выступление ансамбля и восхищенно говорили, что это навсегда и дело чести всех учредителей Фонда помочь и сохранить то, что мы только что видели. Может быть, еще не поздно пригласить коллектив на работу в Нижневартовск и попытаться его сохранить?

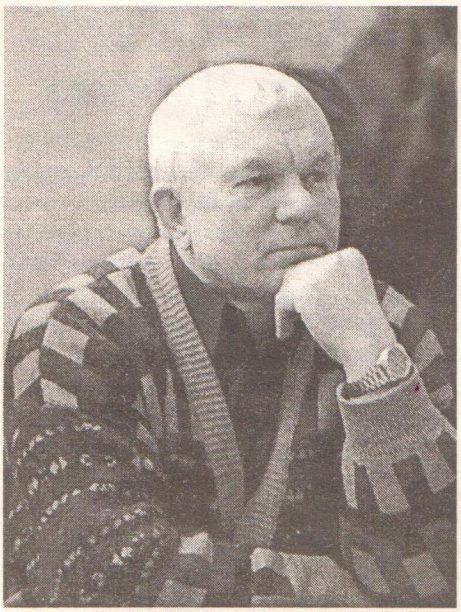
Галина Сергеевна Шмойлова, Константин Иванович Лопатин! Никто, так как Вы не заботится об улучшении экологии нашего региона. Мегион – Ваш город, Здесь Ваши корни и творческое начало. И если экология наш Дом, как же можно оставить его без души и без вдохновения.

Александр Анатольевич Кузьмин! После большого перерыва Ваша фамилия снова звучит в Мегионе. Вы стали руководителем города. И это, наверное, символично. Я верю, что Вы можете быть с нами. И пусть «короля играет свита», далеко не всегда она побеждает. Есть что-то непреходящее, необходимое всем, что сильнее любой свиты, любых «нельзя и надо».

Давайте не допустим того, чего допустить невозможно просто, потому что это выходит за рамки понимания. Еще не поздно. Еще не звонит колокол!

Анатолий ФИЛАНОВСКИЙ
06.06.2007г.

ПОЭЗИЯ

Сергей
СЕМЯНЧИКОВ
г. Челябинск

Из книги:
Расщепленный Богом свет

Раздумье

Самоуверенно
шагаем по дороге,
Как боги природы,
хозяева положения...
А может быть, просто
переставляем ноги,
И Земля делает нам навстречу
движенье?
Мысль о второстепенности,
конечно, не радует.
И кто-то обязательно
выскажет сомнение.
Но
шаг не в ногу и –
душа падает!
Чем объяснить
причину падения?
Наша сила
нами же приукрашена.
И мне кажется порой
в минуты отчаянья:
Страшнее громкого
самодовольства нашего
Природы
подозрительное молчание.

***

О поздней осени жестокость!
Под жуткий свист
Сорвался с дерева, как в пропасть,
Последний лист.

Упал на плаху тротуара,
Асфальт круша,
И содрогнулась от удара
Моя душа.

Результат

Ухватившись за стрелку часов,
Я набегался по циферблату:
Словно стая натравленных псов,
Цифры гнали меня к результату.

остановишься, передохнешь –
Стрелка сзади уже, как секира.
Колотила смертельная дрожь
Все нутро заведенного мира.

Но однажды, как мог, превзойдя
Центробежного беса проделки,
Я по стрелке дошел до гвоздя,
На котором вращаются стрелки.

До оси! До центральных идей!
До разгадки всего механизма!
Вот конец бесполезных страстей
И вращательных сил фанатизма.

Что искал я на страшном краю,
Ошалев от бессмысленной гонки?
Как спокойно сегодня стою
Там, где сходятся все шестеренки.

Только сердце исколото сплошь,
Да течет из него по гвоздочку...
Все пройдет через правду и ложь.
Все найдет оптимальную точку.

***

1.

Можно жить, ничего не читая,
и не хуже других понимать,
Что кричит журавлиная стая,
Покидая родимую гать.

2.

Можно много читать о природе,
разбираться, где правда, где ложь.
И не знать ничего о народе,
О земле, на которой живешь.

Отдалённый свет

... И пред вечным сумраком природы
Горит свеча – окошечко моё.
Николай Тряпкин

1.

А в мудрости печаль была светла.
Хотя в самом жилище было тёмно...
Так жил Поэт, сгорающий дотла,
И догорел. С достоинством, но скромно.

Ни панихид. Ни в прессе громких слов.
Ни по TV пространных некрологов.
Проснулся, может, старший Михалков
И вновь уснул, регалии потрогав.

А я проспал. И этот день и час.
Узнал об этой смерти слишком поздно.
Вот почему не спится мне сейчас
И на душе по-зимнему морозно.

Хотя опять в окно стучит сирень,
И пятьдесят – не возраст для печали,
Но каждый день, но каждый божий день
Я тоже начал думать о причале!

Открылся счет. Открылся сам собой.
Не потому, что все в стихах ранимы,
А потому, что, связаны судьбой,
Мы с ней во многом были неделимы.

Но эта связь внезапно прервалась.
И в жутком одиночестве удела
Душа опять спешит наладить связь,
Поглядывая в небо то и дело.

И я пишу. Не в «стол», а в пустоту.
Нам и она уже как Божья милость...
Погас огонь. Но видно за версту
окошечко, что искренне светилось.

2.

Спроси поэта-полуночника,
И прозвучит земной ответ:
«Не существует без источника
Необходимый жизни свет».

Не те, как видно, расстояния,
Не то единство у лучей...
Но в точках противостояния
Всегда огонь горит. Ничей.

Он освещает обе Стороны
Под небом истины одним.
Вот почему земные вороны
Все время кружатся над ним.

И не найдут никак источника.
Он сам – источник для всего...
Спроси поэта-полуночника,
Откуда свет в душе его,

Что освещает веру тёмную,
Когда он смотрит в небеса
И ощущает власть огромную
Того, что видят *не* глаза?

ТИЛ ИВСАМА' № 10

газета в газете

Юрий Вэлла – вулы тась тайты ху
Татьяна Юргенсон – потар ханшты нэ

Лунтап лыпина лунтап

Хотнат велапса

(хоятнан потар)

Арал хотан лэпты айхопием
(Уръёх араң –монсяң потрат эвалт)

* * *
– Омаматсиё:
Хой сита пушас юхат хося ларыйл?
Хой сита ныр юхат хося сыийл?
Вотан ант-ки кетапса,
Хойн унши юх нохар сыстапса?
Вотан ант-ки кетапса,
Хойн нохар юх нохар сэм порса?

* * *
– Лангкийн?

* * *
– Антом ант моштасэн!
Ма наңэн нётлэм:
Муң куртэв кималан
Юхвош ангкал вул, тохи савнэ ёхтылыйл...

* * *
– ..?

* * *
– Алаңсахат
Ов ел пелак харна савнэ наварал...
Па хоты? Лув наварал.

* * *
– Вантатса, муй хорпи савнэ!

* * *
– Яна, сит савнэ па нохрлэтнэ.
Лын сит иса кашң хатал мойң отңан.

Омаслатан юхат илта пелак нувата,
Пушас юхата питам лонсь ил паркатлаңан,
Увты сыйн,
Исимет кутармалтан.
Лын ёхан питар шик утан уллатан.

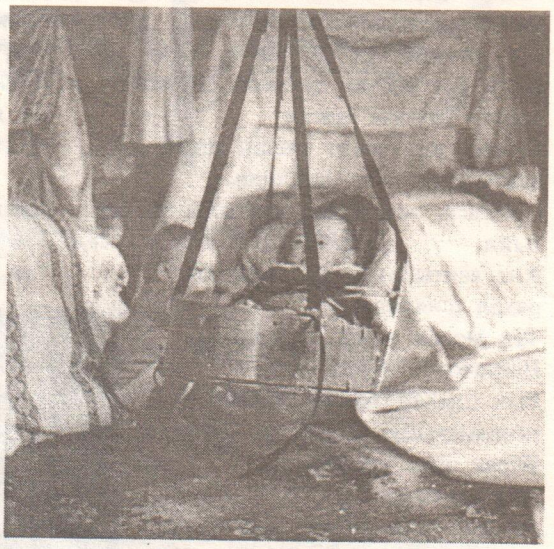
* * *
– Ма ант вуйтлэм, муй симась юур тайл
єэр мув хуват овты ай ёханыи.
Кашң пуш, хун ма, ёш вортман, кур вортман,
шик анши юхат мохты,
етлаң пэслаң мохты манлам
йи пуш куш кепа па си ай ёханыи ванттыя,
Шиялаты, лув исимет шэпан йингкал...
Мирониха, ястал...

* * *
– Кашң ёхан лув овты
Па вулты сир тайл.
Ястадат, маттыки лыпел сясян ёхатла –
Лув тамхатал няхман овал,
Халэват па номпсал шакман овал...
Алаңсахат ма ёхан питара ёхатсам,
Ёхан рувал мохты
Манэм хойс,
Исимет ин си велсишак,
Ёхан муви шанш пелакан,
Нуманшак вулты ёхат
Няврэмат пилан ёнтас.
Ёхан йингкал кентат,
Тасяң ёх няврэмат, няхман,
Йиңка ёвлам кеват туслы...

* * *
– Лыллам номаслам вушар йиңк
– шеңк па такан ларылат,
Оваң асэн йиңкал хорн нисьта войн наварлат...
Исематты ин си велси, ас муваел шанш пелакан,
Марэмием самем каши сясьлы питал молты сиран.

Морытыйм шанш вур лэңкем, ал си вантман нох туңамал.
Турам партам кат тохална си лот эвалт энамлайм.
Си кут си ма моштантылам –
юурэм лэвас ушмал антом
Митал тынаң тынаң митан манэм ёхлы сохаптамал.

Пурлатыя, пурлатыя, няврэм вулмат сиран, ма такан си

лаңхалайм,
Ант нёхтаты вер ант вуйтлам – ун номпсат па ун карэкат иси тайлам.
Верам верэм сикуш ар куш,
вантом отэм холна шимал.
Ин халэвта понам верлам ям лунгтара ма ханшлаллам.

* * *
– Пурламан тохална яңхты!
Сит муй лаварт тайл –
Йи курам, кимет курам...
Тохалңалан лакки тувемалы па ...
Антом, ал тэрматыя.
Олаңна мувен keратман ванты.
Тамхатал
Ма кат тор вантсам,
Дын сота лотан шушилыстан,
Сядта унт хуват ярхсатан,
Сиңансяя, машинайт яңхты юша питсатан...
Туп хун ма шеңкшак вана
Лын хосяйн ёхатсам,
Си порайн лын туп,
Нох пурлаты ант лытман,
Олаңан нэ войл,
Сялта па ху войл
Тохаллан алэмаслан,
Ай кумии нумассатан,
Нур тувман ма пелаем аңкармастан.
Сиңансяя, лэлтан-лэлтан
Пурламан мантсатан...

Куртэмана ёхатламан,
Ма нангэн айхопема лэллэм па

Тови курта манламан.
Моса сита холна
Тови рувал еша-еша
Хасяс...

* * *

– Ма тамхатал манмем кут иса нумассам,
Манты сир сит – исимет пурламан манлан.
Мет шопаң хун си юш
Елпи ант вуйтам тахаята, елпи ант вантам тахаята ёхатал.
Симась юш эвалт кашаң ишан ант вантылаңал вер лайллан.
Синсан, исипа ант вантылаңал вер тыйл.
Ант вантылаңал вер куш хота рахал шиялаты,
Туп мосал такан лаңхалаты.
Вантатса – вурты рых.
Рых сэмлал тынаң саклак поталыет иты
Варас нува тахартамат.
Ант вантылаңал!
Антом – ки па сэр мув хуват овты ёхан
(тами мосаң турам партам сир, кашң порайн ясңэм муй верэм иса ехана хойл, унт лора хойл...)
веншвантысох хорпи, Сыстам йиңкал мохты ныла, йингкал ай эвии хорпи.
Сит иси ант вантылаңал!
Антом-ки па вулэт. Лув, турам партам сиран, талаңа вуллат.
Ант вантылаңал!
Мет ант вантылаңал сит,
Там кат холам хатал сыс ма сясьна ёхатсайм.
Си сясь сит –
номпсэм веськата ис.
Сялта па...

Ма ар пуш вантсэм
Хоты мува хатал ёхатал –
Хурыманшак, ропханшак.
Хатал лум сайн
Кашаң торн лэрыи ныла,
Кашң нялак лор йиңкна кал...
Ма па лангхалайм мув шанш элты ситы яңхты;
Торн лэр ант кетамман.
Атъйиңк торн эвалт ил атат посмал.
Най ёш тайлал атъйиңк сэмна ат нысайт.
Тохал таклл ситы верты ант верытлан.

* * *

– Олаң пуш наң айхопа хун лэллан,
Олаң пуш хун луплан йиңка моралллалдан
Хун олаң пуш
Лупен поткалэн...
Ловалмалэн...
Нох алямлэн...
Наң мохты мошталэн
(Ма вуйтлэм)
Исимет наң пурламан манлан.
Наң лупен
Ловалматэн юпина па нох алямлэн
Па ялпа ловалматы ураңна,
Нулъюхан похнам йиңк ил посыйл –
Лупңалан сит наң тохалңалан.
Тув шанш пелакна –
Тув.

Ас шанш пелакна –
Ас.
Алаңсахат юпина –
Алаңсахата па ил.
Сус юпина –
Товен этал.
Сялта,
Тув пуңална вулты сяхарна
Лонсял лолам,
Урхотэв лойты,
Мув лотыина
Пэши сэма питал.
Сяха, халэват
Лув тась юпина
Юураңашак ювам ёшан-куран манал...
Наң айхопен,
Хомп тайн ховиман,
Турам хуват палңат нупийн манал,
Туван хорлал шохитты
Хусат нумпийн манал.
Кашаң ловалматы юпина
Наң исимет тохална пурламан манлан,
Сирэнна па кентат.
Сора тохаллан-луплан ал ёвлалы.
Лылэн ерамты верытал.
Ал тэрмася.
Сиренна тохаллан ат вуллат,
Сиренна лалта,
Яра номпсат тая,
Сясьлан иси сиренна ат пурламан манлат.

* * *

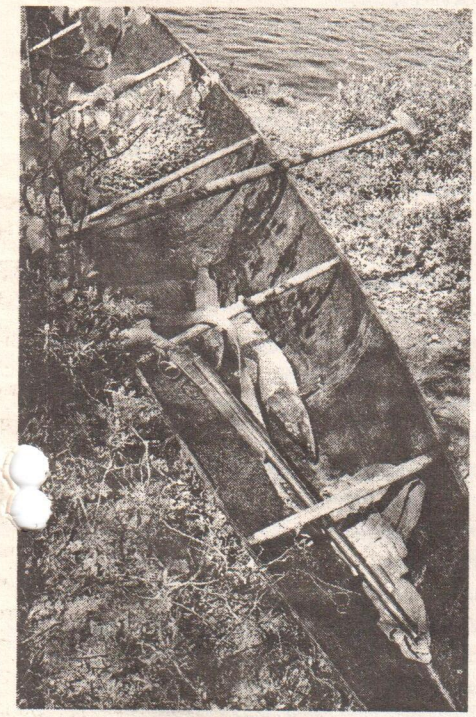
– Ма меншатлам, мэншатлам еллы, тэрмасьлам,
Лытлам верат иса верты,
Лытлам манэм кертман лойты молтэт апалтыя,
Лытлам манэм кертман вулты мохет сама рахалтыя,
Турам партам сусэн хатлал,
Товен найң алаң алңал,
Вотас лонсен вопты сыйл,
Сялта, луңен кейты арал...
Уталты манэм там турам сама рахалты,
Уталты манэм веськат номпсат тайты...
Ма молты тахайн си верат холты уштаслам,
Молты ишан ма ситы иси хошсам.
Сит ураңан, илампа,
Ма си ловатан пурламан яңхты лытлайм.
Самэн таклы верат кенат ант питлат.
Кеңтат-ки вуллан, тохлаңа ант илан.
Тохаллы ат пурлалан...

Яна си торлы, айхоп тохлаң воен хорпи.
Туп ма, тохаллы урайң вой пошах хорпи,
Айхопна пурламан холна ант яңхлам.
Ал туп йи лотан йиңк сяран
Йиңка похнам палңат пилан,
Унши юхат па яха нэрасты торнат пилан
Ларылам па ллрылам.
Ситы си уталтыман вой пошхат тохла питлат.
Ма иси уталтылам...
Муйкем уллам си кем уталтылам па ант луңатлам:
Муй арат хатал хасяс, тылась па таллуң
Ма сэма питам хатлэм вуш эвалт.
Арэн хатал, арэн тылась юур хун ёхатал луңаттыя.
Ма исипа торлы вуйтлэм,
Ин си тата, иси кураман, там хатлат кеман
Ма велси турам сэма питам няврэм сясян ёхатлайм.
Турамна ма ванна тайты шеңк питлайм...

* * *

– Яна, ойяр хатдат тумпина,

Нэш,
Ал верасты хатлат па вултэл.
Кашвантты хошап лыпи эвалт
Номпсат шакатты верат этлат:
Имолтына
Амуй чечен рут мир пох,
Амуй па палестин мир эвалт ус

Сэма питам курталан
Велса.
Там йис этам тарам юуран.
Аңкиел па
Русят эвалты Турмел иты,
Лылңа,
Ёшлал – курлал лакки талламат
Ляльна тайты карты ухал
Юуранг пошкан лоңлал элты.
Муй ураңан ситы велса?
Лдам тылась ловат няврэмиел,
йлатыя номас тайман,
ошкан лув нэш ёша вуймал.
Ишаклэв! –
Ляль водатты пошканэл.
Ишаклэв! –
Па турам мират пошканэл.
Ишаклэв! –
Америка ёх па русь ёх пошканэл.
Сялта мохты лоймтаты
Тынанг мэвалкарты вутыя!
Муйкем аршак хоят веллан
Сикеман мевалкартэн тынаңшак.
Манэм иси сита лот хаяты...
Тамхатал
Амуй чечен, амуй па палестин рут ху
Вуймал па вунал эвалт вун
тынасты хот
Нэман польха шукатмал.
Лув рутлал вэламат ураңан.
Мохты си сыйл тайты сыйң туран,
Халэват пелак эвалт
Найл лоңты пелак унты,
Йи тур хуват ел увалсат:
Нэмал верлы велсаюв!!!
Нэмал верлы велсаюв!!!
Нэмал верлы велсаюв!!!
Хун муң хоятат веллув,
Сит хоятат велты ант ясталэв.
Сит ураңан па ясңат тайлув:
«Мув атом хоятат эвалт
сыстаплэв»,
«Атом отат каншлув, велты
ураңан»...

Я, мета, номас тыел-тохел
поныльты нын эвалтан (антом наң
эвалтэн).
Яна си, ин нын питлаты
Манэм мув ловатан велты ураңан
канштыя –
Катлалан лувел, катлалан!..
Нын ма пилэман потрэматы
Кум ант тайлаты.
Ин
Ма велпаслаты таха эвалт ёхатсам.
Ма пошканэм
Тамхатал йи пуш холна ант
орэмас.
Няврэмлам, хилылам,
Сялта па ими лэңкем
Етан васы песь нёхи ант лэлат.
Ма па, ма пелаем ликасьман,
Ил оллам.
Оламлы атэм хасьты курлэм,
Исимет холпа хойм хул иты,
Ма хосяем тахарлал оламлы ат.

Турам пела вантман,
Ма манэм си па ясталам:
«Юурэм – сёмэм ат тармал
Хоятат велты сир –
Хоятат велты сира торлы ястаты».

* * *
– Ма молхатал шеңк палтамас
Хотңат шияламеман.
Лув нэмалты ант вуйтман,
Еланшак вулты туван усятлысат.
Лув велты ломисайт...

Ма хурысам наң орэматы сыен
хултыя.
Наң тумпенан мув ловатан
Шеңк артат пошканат тохлат.
Атэл пошкан тохты сый ант сясял.
Воллы ал кумилат –
Хоятат велты нарассов сясял,
Хоятат велты ляль сов сясял...

Наң молхатал орэмасан-ки...
Сит лулан велпаслаты сир ант вус.
Турам машья сов рэнь ант тайс.
Я... Ат... Лукашал...
Там ропханг сясьлам
Айкел китты пормас эвалт ёхатсат,
Вулапсаев сират эвалт манэм
хойсат.
Ант-ки хулсаллам лулан, ямшак
вус...

Муйл ям кимет венша керлаты...
Канш венш тайты.
Манэм кератты лакмаң турмеман
Кăшев шимла ювмал антом,
Атмем шимла ювмал антом...

(Луңтар юпи ясаң:
Ма уйтлэм, ма каматса хатал
партал юпина, вун вошан рупата
кутан, ар сыр верат кутан унтан
ёхтам сясят ёрэмаллам... Туп хун
манэм шеңк лаварт питал
вултэман, ма нох нумалмаллам си
порайн ай куртна вулам
хаталлам. Лув манэм ой па сюнь
тулат.)

* * *
– Ма па,
Хун вошан вуллам,
Вулылам вантлам.
Лув иса ма пилэман вуллат:
Куш тохлаңхопан, куш карты юшан,
Вун мирхот пуншилытына –
Ма иса лувилал нумман
тайлаллам.
Манэм холна сэмңалам лап тухарты
ант мосал.
Нётайң сяхарна
Йи пуңална яңхлам войлам пилан,
Кашаң вулэм лалты сыйл хуллэм.
Ма хув шеңк ант верытлам вошан
вултыя
Сора, сора марэмалайм.
Исимет войлам эвалт ёхи-ки
хасьлам –
Таплам там турамна.

* * *

– Ма тамхатал
Хомасволаң сота лотан хась тапсам!
Хомасволан калсялсайм.
Йи хомасвол алэмалам,
Ванттэман кимет сюңкалан рыхал
уншак.
Сиңанся, хулмет сюңкалан холна
уншак.
Ситы лулн си холты пела мантсам
рых юпийн па
Елды верты номпса понам верлам
юпийн.
Номасан ант тайсэм,
Хоты рахал мохты ныты кална
таптыя?...

* * *
– Там па муй хомсвол!
Муң мувеван мет ар хомасволаң ёхан –
Русь ясаңан – Ампута.
Уръёх ясаңан –
Вампухта.
Ханты мир ясаңан –
Кавахын – кавanэң ёхан.
Ёхан питарал самэң калаң.
Сотайлал иса хомасволаңат.
Уръёх ясаңат питал –
Кутаң верат этты ёхан.
Ястаңат,
Хунтэтна тата
Шошең муваң ёх кутаңа ювмел.
Ляласты питмел.
Хув ляласмел,
Тараммел унты.

* * *
– Хун кат ям хоят,
Си тумпина холна
лын самлан яха рахалман
вуллатан,
Кутаңа илтан, ликасьлатан.
Ма номпсэм шакман, нумаслам –
Вулапса симась.
Самэм каши –
Шеңк каши!
Хотсат,
Ма сама рахам хоятэм пилан кутасьсам...
Хулметхаталан наң манэм
Йи ясңии ант ханшсан.
Амуй яна муй мосас наң манэм иса ястасэн.
Моса па еллы па потарты ант лойл?..

Молхатал ма шеңк яма пурлыман яңхсам,
Си юпина,
Исимет,
Мува ил эсластыя ант верытла.
Муван хоятат экрасьман вуллат.
Кератман атом веншна вантлат,
Кутасьлат па аратылат.
Си атом верлаллна си
Ил каталлайт...
Па хоты верты,
Си эвалт ма ант моштантымэм...

* * *
– Палңат тураман палтат лойлат?
Анта,
Шенгк палтат антом.
Найен па палаңат эвалт палаңшак лойл,
Лув рувал
Ма лаңкарңалама хойл.
Тувен шанш пелакна вулты унтэн хуван?
Анта,
Шеңк хуван антом.
Ма ёшпатэман йиңсяр нёхтасэм,
Хомпат тыйса,
Йиңкна похнам унтэм нёхлас.
Палңат лэлтан лойлат,
Унтэм ванан.
Мет ван лухсэм –
Хуван.
Сикуш лухсэм ёшал –
Тата си,
Ваныина,
Сикуш мин яха йи хопан омасламан,
Атом ясаңан
Мин кутэман хува верса.

Юпиясаң

Айхопем йиңк сяр элты хэңхалял,
Сый ант верман.
Тураман партам сир еллы тайты мосал.
Пурлатлыты хотңат верытлат тохалан,
Пурлатлаты хоят верытал веськат номасан.

Номпса ант лэпты ясңат вотан лакки ат тулайт...

Сёхр тылась 9–15 хатлат 2001 тал

Услышать любовь

Конаков Борис
студент II курса отделения журналистики филологического факультета Тюменского государственного университета. 2006 г.

Для меня гармония – это прежде всего жить в согласии с самим собой, т.е. своими чувствами, желаниями и потребностями. Из этого истекает жизнь в согласии с остальным миром, стойкость в тех испытаниях, которые он преподносит и философско-практичное отношение к тому, что происходит вокруг.

Книга «Поговори со мной» - олицетворение того, как я понимаю гармонию. Эта книга сама по себе гармония. Кажущиеся на первый взгляд несовместимыми и абсолютно разными по смыслу триптихи, загадки, диалоги, топонимические понятия как раз связаны и очень тесно. Одним словом. Любовь.

Да, ведь именно на любви основана вся жизнь. Жизнь начинается с любви. Любовь в разных ипостасях раскрывается, когда читаешь «Поговори со мной». Любовь к природе, любовь к Богу, любовь к человеку, любовь к родине, любовь к своей профессии. Из любви течет гармония. Не любя – не будет у тебя гармонии. Если не любишь – ты не увидишь красоту того, что вокруг тебя. Если не любишь… Твоя нелюбовь может довести до гонки вооружений, кровопролития. Когда человек не любит, он не понимает, что нужно искать и находить Любовь, растить ее в большое дерево. Когда человек не любит, нелюбовь становится истинной целью его жизни, не достижение гармонии… Появляются ложные цели – вооружиться, воровать, убить… Может после этого человек будет счастлив. И когда он не становится счастлив, ему незачем больше жить.

Юрий Вэлла сумел познать истинный смысл жизни. Он добился гармонии. Обретя ее, он хочет поделиться ей со всеми, кого он любит. А он любит всех. Он верит в нас, студентов. Наши мозги еще не зачерствели, наши мысли еще не посерели, наши души еще умеют летать и рваться ввысь. Кому как не нам в нашем возрасте. С нашей энергией добиваться гармонии?!

«Поговори со мной» – это кни... помощник. Прочитав ее, задумываешься – а той ли дорогой ты идешь, не сбился ли ты с того пути, что предначертала тебе Судьба.

«Поговори со мной» - передай мне частичку себя, своего тепла, скажи мне то, что ты ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ХОЧЕШЬ сказать, не пряча это за дежурными фразами. Поговори и послушай, поговори и выслушай. Дай совет и получи его. Поговорим и помолчим, послушаем тишину. Думаешь, слова исчезают? Нет, они вплетаются в материю мира и живет… Говорят… Послушаем тишину. Это говорят сказанные нами слова… Слышишь? Они говорят самое главное слово… Они зовут его…

…любовь…
…Любовь…
…ЛЮБОВЬ!..

Александра
ЛЮБИМОВА

Почему Огонь превратился в птицу феникс

Было это в давние-давние времена, когда земля ещё была молода, и древние люди жили племенами.

Так в одном племени жил-был Огонь. Люди очень бережно обращались с ним. Ночью в пещере кто-то следил за огнём, подкармливал его сухими веточками, пел ему тихонько песни, и Огонь дремал вместе с племенем. Когда племя находило другую пещеру для житья, Огонь всегда выносили первым, находили ему удобное место. В честь Огня собирали гору хвороста, выкладывали его на поляне. Потом подносили огонь, он бежал по веткам (длинными языками пламя взвивалось в ночное небо). Все ...елились, пели, танцевали, ели жаре...е мясо.

И Огонь платил людям добром. Он согревал их зимними ночами, отпугивал от пещеры диких зверей, помогал готовить пищу, освещал людям путь в ночи.

Но однажды вожак племени, которого звали Ту, решил напасть на другое племя. Это племя жило неподалеку от них, в шалашах, сплетённых из сухой травы. И когда их охотники ушли в лес на охоту, Ту с другими мужчинами напали на племя и подожгли шалаши, в которых остались женщины и дети. В огне погибла маленькая девочка. Племя в страхе убежало, а Ту со своим племенем праздновал победу. Они разожгли на поляне большой костёр. Но вдруг стало тихо, и Огонь заговорил:

– Ту, ты обманщик, ты заставил ...ня убить невинное дитя. Я не хочу быть ...ами!

И на глазах изумлённого племени Огонь превратился в большую ярко-красную птицу феникс, которая взмахнула несколько раз крыльями, с которых сыпались искры. Она улетела навсегда.

Влад
КОВАЛЬЧУК

Почему дракон превратился в воду

Жил-был Дракон. У него не было друзей, потому что он был угрюмым и замкнутым, а самое главное, не любил по утрам умываться. За это звери его не любили.

Однажды, гуляя по лесу, Дракон встретил волшебную сову. Она сидела на дереве и внимательно читала книгу. Увидев Дракона, Сова возмутилась его нечистоплотностью и решила с ним поговорить. Дракону это не понравилось, и он попытался выпустить изо рта струю пламени. Сова быстро взмахнула крыльями и превратила Дракона в воду.

Дарья
ПЕРЕПЕЛЮК

Огонь

Однажды вечером я пришла с танцев. На улице было очень холодно. Я села у камина и стала греться. Но вдруг из пламени вылетела искра и сразу превратилась в очаровательную девушку. Её огненные волосы развевались около камина, а её красивое платье состояло из тысячи искр. Мне показалось, что я во сне, но потом я поняла, что это реальность. И я спросила у неё:

– Ты кто?

–Я огонь, – ответила девушка.

Мне стало страшно, ведь огонь может обжечь меня, и я спросила у неё:

– Ты не обожжёшь меня?

– Нет, я только зашла поздороваться, – ответила мне девушка.

Так мы проговорили весь вечер, пока папа не позвал меня спать. И на прощанье я сказала огню:

– А ты ещё придёшь?

– Конечно, приду, я везде, люди говорят, даже в человеческом сердце! – ответила мне девушка и прыгнула в камин, где догорали угольки.

СОЧИНЕНИЕ НА ТЕМУ

Катя
ВИНОКУРОВА

Как ветер превратился в белого тигра

Давным-давно, в стародавние времена, в далёкой стране, которую теперь мы называем Китаем, жил человек по имени Дзен Цзы. Как-то раз, взяв топор, Дзен Цзы отправился в лес за дровами, но, перепутав тропинки, заблудился и попал в неизвестные ему места. Он огляделся вокруг и увидел, что его окружает дремучий, тёмный и страшный лес. Ни одной живой души не было вокруг, и только лёгкий ветерок, как бы заблудившись, играл с кронами окружавших Дзен Цзы деревьев. Куда идти? Неизвестно. Сел Дзен Цзы на корягу, подумал и обратился с просьбой к ветру:

– О, ветер, ты свободный и лёгкий, ты везде бываешь и всё знаешь, помоги мне, выведи меня из этой чащобы…

Но не успел он закончить, как зашумели кусты, и из них выскочил огромный, свирепый, чёрный кабан. Бешеные красные глаза, клыки, как кинжал, привели Дзен Цзы в ужас. Он вскочил на ноги и бросился бежать. И тут случилось чудо. Легко дувший ветерок вмиг превратился в свирепо заревевший ураганный ветер, обратившийся затем в ослепительно белого тигра.

Он преградил дорогу кабану, шерсть на его загривке стала дыбом и, сделав мощный прыжок, тигр подмял под себя кабана.

Налетел буйный вихрь, всё вокруг утихло. Пропали во мраке и белый тигр, и свирепый кабан…

Тьма рассеялась, и увидел Дзен Цзы, что стоит он на опушке леса, что перед ним его деревенька, и что рядом лежит целая гора дров. Обрадовался он, горячо поблагодарил ветер за помощь, быстро связал дрова в вязанку и понес домой.

Я – Вода

Кристина
ВАЛИШИНА

Я – Вода. Вам кажется, дети, что во мне нет ничего особенного? Просто бесцветная жидкость, без вкуса и запаха. Но это совсем не так. Начнем с того, что без меня просто не обойтись ни людям, ни животным, ни растениям. Я нужна им, чтобы жить. Меня можно встретить повсюду: в океане, реке, ручейке, роднич-ке. С вами я встречаюсь каждое утро, когда вы умываетесь. А ещё скажу вам по секрету, дети, что я волшебница и постоянно совершаю разные чудеса и превращения. В реке или озере я пресная, и меня можно пить, а в море я солёная. Когда я замерзаю, то превращаюсь в твёрдый, блестящий лёд. По мне можно кататься даже на коньках. А ещё, вы не поверите, я умею летать. Когда я нагреваюсь, то в виде пара поднимаюсь в воздух и могу путешествовать с помощью моего друга ветра. Иногда я возвращаюсь на землю каплями дождя или в виде красивых снежинок. Обычно я хорошая и добрая, но если меня разозлить, то берегитесь. Я могу переворачивать корабли в море и затоплять целые города. Воздух и Земля мои друзья, а вот Огонь я недолюбливаю. Когда мы с ним встречаемся, я всегда просто закипаю от раздражения. А если Огонь слишком разойдётся и начнёт сжигать всё на своём пути, люди всегда зовут меня на помощь. Ну вот, дети, я немного рассказала вам о себе. А теперь я побежала, у меня куча дел.

КРАЕВЕД

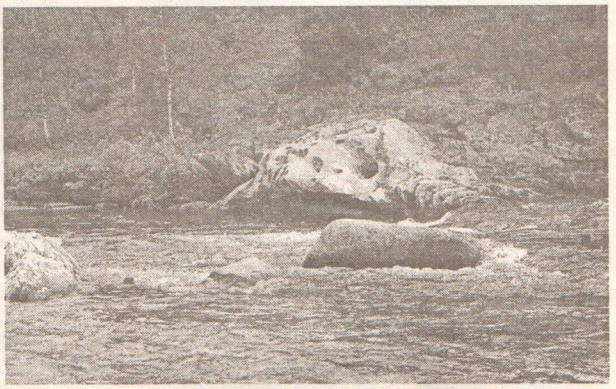
Анна ***КИЧИГАЕВА***
студентка ЮГУ

ДУХИ — ПОКРОВИТЕЛИ НАРОДА МАНСИ

Манси поклонялись най отырам, буквально героиням, богатырям. В представлении манси – это души предков. Они тоже занимались охотой, рыболовством, оленеводством, были сильными и мудрыми. Манси говорят так: «В прошлом наши героини, богатыри жили, как и мы, лишь затем их сделали бессмертными». Ещё при жизни най отыры или прославили себя чем-либо, или сделали что-либо значительное для своего народа, и по этой причине после смерти их души не погибали вместе с ними, а продолжают жить на земле и оказывают добрую помощь, услугу людям, если эти люди хранят память о них, почитают их и если эти люди добры и кротки. Души предков могут помочь людям в их охоте или рыбной ловле, в сохранении жизни и здоровья. А люди, в свою очередь, должны помнить их, поклоняться им, символически угощать их, устраивая обрядовые поминки-угощения после удачной охоты, рыбной ловли. Они могут также обращаться к ним за помощью в самые тяжелые минуты жизни: во время голода, болезни, при этом, обещая вознаградить того или иного духа-предка при первой же возможности появления у человека чего-либо ценного или вкусного.

По преданиям и сказаниям, одни най отыры считаются древними, другие более поздними или пришедшими из других краёв, но также прославившими себя чем-либо при жизни. Сведения обо всём этом изложены в призывных песнях най отыров или сказаниях о них. Некоторые из духов-покровителей были одинокими, молодыми и даже детьми, другие – взрослыми и семейными. Некоторые из этих детей впоследствии тоже были признаны бессмертными, подобно их родителям. Считалось, что и они тоже могут помогать людям в жизни в сохранении их покоя, счастья.

Судя по преданиям и героическим песням сыгвинских манси, первоначальных предков, положивших основу жизни на территории Сосьвы, Сыгвы, Оби и Пельма, было шесть най отыров героинь и богатырей. Все они и по настоящее время именуются по названиям тех мест, где их считали хозяевами. Это: **Тэк ойка** и **Ханылсам най эква.** По преданиям, все они были дети Нуми торума. Жили они на небе. Все пять братьев и их сестра на земле оказались будто случайно. Сыновья Нуми торума, набираясь сил, мужества и мудрости, осмелились оспаривать волю отца. Тогда Нуми торум ойка «хозяин неба» рассердился на сыновей и дочь, спустил в наказание всех своих детей на землю, на необитаемый остров, находившийся посередине незамерзаемого моря, поставил стол и туда посадил их, ожидая, что же будут делать они там. Сыновья и дочь оказались мудрыми, вышли живыми с необитаемого острова: самый младший из братьев Тэк ойка в образе лисы сел лицом к северному ветру и голосом лисицы начал молить у земной силы похолодания.

Вскоре подул северный ветер, море покрылось тонким слоем льда, и тогда все братья и их сестра перебрались на сушу по льду и разбежались в разные стороны, в леса, воды и, в конце концов, оказались в тех уголках земли, где их считали хранителями земли, и там положили начало жизни. Там они прославились, там о них люди сложили сказки, песни – так говорится в сказаниях и в песнях их призыва. (Насколько нам известно, предания не сохраняют сведений о том, где именно находился этот остров среди тёплого моря. Отец якобы жил на небе).

Най отыры были сильными и мудрыми. Слава одних най отыров заключалась в том, что они помогли в прошлом освоить земли и обосноваться манси там, где теперь живут, другие отразили врагов, посягавших на их территории, третьи спасли от голода людей в трудные годы, четвертые положили начало сильному здоровому потомству, и т.д.

Одним из выдающихся первопредков считался Тагт котильойка. Он жил на 20 километров ниже Сортыньи и являлся главой всех най отыров тех мест, поэтому из всей Сосьвы, из Сыгвы и Оби осенью к нему привозили различных най отыров и одевали их, наряжали, тут приносили им жертвы, угощали их, прося от них благополучного зимовья до следующего года этого же времени. Это делалось в Петров день, когда люди возвращались с Оби после ловли рыбы с богатыми запасами продуктов на зиму. Сбор таких людей проходил у речки Охыр сунт. Туда собиралось очень много народу из разных мест. В дни этого обряда молодёжь вечерами устраивала разные игры, знакомились девушки и юноши, а затем намечались сватовства и свадьбы.

Тагт котиль ойка был очень си[ль]ным и здоровым, он даже, как говорит[ся], не горел в огне, был одет в кольчугу и вооружён саблями, луком и стрелами. Мужеству, ловкости и храбрости о[н] своих детей обучал. Был он мудры[м] умным человеком, врагов не пропускал ни вверх по реке, ни вниз по реке. Там, где находился его город, он перегородил р. Сосьву камнями, сделал плотину (перегородку) из камней, и никто не мог проехать по реке. Однажды его перегородка была сломана: сверху по реке на плоту плыли семь богатырей из Верхней Лозьвы. Они дошли до плотины, погрузились в воду и через некоторое время всплыли на поверхность немного ниже этой перегородки. Таким образом, была сломана каменная плотина, и люди получили возможность ездить по реке. Но проезжая мимо этой плотины – каменистого переката, обязательно было нужно бросить серебряную монету в воду или связанных вместе семь лоскутков материи, если нет монеты. Вода и земля на этом месте считались священными, поэтому нельзя было наступить на зем-

лю, нельзя было уронить в воду ни малейшей соринки, волоска. Этого обычая манси придерживаются до сих пор, они говорят: *«Лылын соссыл, лылын юрл сансын аки» («Он дух, у которого живые змеи обитают, такой он сильный»).* В пределах этой запретной территории имеются нерестилища рыб, главным образом чебака *(на ман. яхул «речная рыба» или манъси хул «мансийская рыба»).* Так именовали манси эту скоропортящуюся рыбу потому, что её промышленники не принимали; манси из неё выплавляли полезный и нужный людям рыбий жир.

Сказывают, что сыновья его метко попадали во врага, они стреляли по врагу из лука такой огромной величины, что его могли бы поднять только семь современных мужчин.

В одном из преданий говорится, [с] снизу по реке шёл большой великан [Ха]нкв ойка (в образе его представляет[ся], по-видимому, один из сильных врагов). Он хвастал, что растопчет, уничтожит Тагт котиль ойку и не почувствует его силы. Сыновья Тагт катиль ойки заволновались. Тогда сказал Тагт котиль ойка: *«Не волнуйтесь, дети, подпустите его ближе и прицельтесь прямо в ту точку, где на груди соединяются ключицы. Это у него самое уязвимое место!»* Сыновья его так и сделали. Метким выстрелом из лука они сразили врага, и тот разлетелся на куски, все части его тела и его вещи унесло течением на десятки километров вниз по реке, и теперь по их названию именуются там местности от Олттумпа до Нижнего Сопокломта: Олттумпыт – это три острова, ко[то]рые один за другим именуются по на[зва]нию внутренностей: Энтап овыл ягыг [дв]е реки концов его ремня», Люль намп я – это река с названием его члена, Уля хурыг тумп *«Остров его огнива»,* Польхос тур *«Озеро от развалившегося его желудка»,* Яныг сопак ломт *«Большая часть его сапога»,* Пещлув воль *«Плес его бедренной кости»* (это очень длинный плес выше Сопокломта). Во время падения от удара стрелы сыновей Тагт котиль ойки враг сильно закричал (на каком-то языке!): *«Охыр – охыр - охыр!»* Что значит: *«Круто – круто – круто!».* От этого крика, от силы выдоха великана образовалась речка, она так и называется Охыр. Находится она выше зимней деревни Куртья.

В пределах Северного Урала на Сыгве и по ее притокам хозяином считался Нер ойка, младший брат Тагт котиль ойки. Двери его *«хрустального дома»,* как говорится в сказании о нём, никто не может найти до сих пор. Кто бы ни пытался сделать это, все погибали. Нер ойка считается самым мирным героем из всех братьев. Настолько он был сильным, что в руки не брал оружия, кровь он не проливал, а враги от одного его взгляда обращались в бегство или окаменевали.

Он был хозяином всех оленей на Урале, были у него и помощники-пастухи Хущ ойка. Их дома – горные вершины, разбросаны неподалеку от его крепости горы Нер ойка. Нер ойка славен ещё тем, что он украл жену себе у своего старшего брата Тагт котиль ойки. Тот погнался за ними, не догнал их.

Тогда Тагт котиль ойка запустил вслед им свою могучую стрелу. Жена Тагт котиль ойки от волнений во время пути преждевременно рожает сына неподалёку от Хартума. Этого ребёнка мать и отчим Нер ойка оставляют в том месте, где он родился. Люди это место считают священным, а мальчика хранителем тех мест, а также хранителем жизни и счастья людей на Хартуме. Люди ему поклоняются, т.к. он сын сильного богатыря-предка, люди к нему обращаются с мольбой за добром, за здоровьем, счастьем.

Жену и брата Тагт котиль ойка не догнал, дошёл он до дому Нер ойки, обошёл вокруг, не нашёл ни двери, ни окна. Младший брат тогда говорит ему, что бесполезно пытается попасть в его крепость, пусть лучше смирится с бедой возьмет взамен своей жены всех его оленей. Старший брат согласился с этим, поехал домой, и потянулись за ним олени; отныне богатство оленей будет не на Урале, а на Средней Сосьве. Однако Тагт котиль ойка нарушил условие, поставленное братом Нер ойкой – не оглядываться назад. Тагт котиль ойка остановился, оглянулся назад: олени нарушили стройную нить движения за его нартой и побежали обратно. Лишь часть из них потом пошла за ним и дошла до Сосьвы. Теперь говорят, что по этой причине, якобы, и нет оленей в средней и нижней Сосьве.

Пока стоял Тагт котиль ойка на реке и разглядывал оленей, кисти от подвязки его обуви примёрзли ко льду. Тогда он вытащил острый нож из ножен, обрезал эти примёрзшие кисти и при этом сказал: *«Пусть они превратятся в двух больших священных змей, и пусть через их спины не проедет ни одна женщина и девочка».*

Примечание. *И действительно, этот наказ люди соблюдали. До самой весны 1940-41 гг., пока не начал ходить пароход «Петр Шлеев» по Сосьве, женщины по специально вырубленной прямой дороге пешком от Нэтлех до Ахватас пунк павыла вместе со своими дочками малыми или большими шли по этой дороге при поездках вниз или вверх по реке. По воде на лодке плыли только мужчины с детьми мужского пола. Правда, тяжело больных женщин или девочек оставляли на лодке, при этом их сверху покрывали священным шёлковым халатом. За борт лодки, пока плывут по этому священному месту, нельзя плюнуть, нельзя уронить в воду соринку. На этом священном месте тоже нерестилище рыб, главным образом нельмы.*

Нер ойка манси при необходимости приносят в жертву белого оленёнка. Самым дорогим даром для него является оленёнок белой масти. Его одежда и обувь – белый мех.

Третий брат – Полум ойка, позднее, якобы, его начали называть Полум торум ойка в связи с его спорами с Хонт торум ойкой, являвшимся покровителем в деревне Мувынтес по реке Сакв-я. Споры у них были за высшее звание Торум *«Бог».* Эти споры переходили даже в драку. Тогда, якобы, их небесный отец Торум связал этих двух враждующих сыновей за волосы и бросил через поперечную жердь, повесил их за волосы и сказал: «Кто из вас скажет слово «больно, тот и проспорит». Сыновья одинаково оказались стойкими, никто из них не вымолвил ни слова. Отец снял их с жерди и дал им равные права, одинаково назвал их торумами.

Полум торум ойка находился на реке Пелым в среднем его течении и был там главным защитником людей от всех бед. Он был хранителем богатств по реке Пелым и по сторонам, прилегающим к этой реке. Людей он щедро кормил рыбой из этой реки. Полум ойке в жертву подают самый простой дар – три узкие полоски сукна шириной с палец и три куска из продуктов, которые можно сразу взять в рот. Так было наказан Хонт торум ойкой потому, что тот с ним враждовал, и Хонт торум ойка вышел победителем.

Четвертый брат – Аяс ойка. Он был хранителем людей и просторов на нижней Сосьве. Крепость Аяс ойки находится напротив Березово. Этот брат умел предсказывать погоду, вовремя направлять людей на хороший улов обской рыбы. Говорят, что он славился суровостью и строгостью: мог причинить беду людям, мог не давать рыбы и заготовлять запасы рыбы и рыбьего жира на

зиму. (Рыбий жир считался самой питательной пищей и лекарством для больных, истощённых людей). Аяс ойка считался хозяином грозы – Щахыл торум. Ездит он по небу, якобы, на коне. Если сверкает молния – это сверкает его кнут. Он был настолько сильный и суровый, что однажды создал ненастный день и погубил собственного сына. Тем самым предупредил и всех будущих потомков быть осторожным с природой.

Пятый брат, самый младший – Тэк ойка (позднее стали называть Тэк отыр, т.е. «богатырь деревни Тэк»). Был он хранителем людей и мест за пределами реки Берёзовой к Уралу и ниже по течению реки в лесных и водных просторах притоков Оби. Жильё его находилось недалеко от населённого пункта Теги. (Теперь там живут ханты). Он может преобразиться в рыжую лису.

Шестой из первоначальных най отыров – это сестра пяти названных выше братьев, она называется Ханылсам най эква или Нярс най эква. Её владения простирались в верховьях Сосьвы, начиная вверх по течению от деревни Нильдино. Она считалась хозяйкой дорогих пушных зверей – соболя, горностая, бобра и выдры, хозяйкой лосей и иных богатств. Её священными зверями считаются лягушки (как и у Тагт котиль ойки). Она может показаться в глаза людям в виде лягушки. Это героиня-покровительница прославилась тем, что она дала сильное здоровое потомство, её дети-потомки всегда были краснощёкими. Она сама, по-видимому, тоже была румяная, поэтому и называют её Нярс най эква *«румяная героиня»*, от нар ос *«румяная кожа лица»*.

Важно отметить, что огромные территориальные владения первоначальных духов-покровителей совпадают с регионами диалектных групп мансийского языка (верхнесосьвинского – владения Ханылсам най эквы, среднесосьвинского – владения Тагт котиль ойки, нижнесосьвинского – владения Ялиус ойки; обского устьсосьвинского – владения Аяс ойки и сыгвинского – владения Нер ойки, пелымского – владения Полум ойки и т.д.).

Родственные отношения одной группы манси с другой до сих пор сохраняются те же самые, в каких состояли между собой их предки, душам которых они поклоняются.

Антропологические исследования, проводившиеся среди северной группы манси, тоже позволяют выделить несколько более или менее отличающихся друг от друга самостоятельных групп, границы которых совпадают с границами первоначальных предков и диалектных групп, выделенных на основе некоторых языковых отличий.

В преданиях и героических песнях о предках отражена та или иная историческая действительность народа манси, то или иное событие, происходившее в их жизни.

У манси имеются и другие духи-покровители, которых народ начал почитать несколько позднее.

Хозяин земли – *«ма-вит кущай»*, *«ус кущай»* – хозяин деревни, города, позднее у них появились дети, некоторые

из них тоже прославили себя в своё время чем-либо перед народом, и потомки о них тоже сохраняют память и почитают их.

Из «Дедов и бабушек» в деревне Петкас на Сосьве прославил себя сын Полум ойки тем, что в трудный голодный год, когда люди падали и гибли от голода, он нашёл семь озёр с рыбой, повёл туда людей и спас своих сородичей от голода.

Потомки этого героя представляют его как могучего, сильного богатыря, он жил долго, ходил всегда пешком, опирался на большие посохи. На медвежьем празднике его представляют богато одетым, важным, с двумя посохами: держит в одной руке сосну, в другой руке кедр, таким образом, он делает семь поворотов, и затем выводят его на улицу из помещения.

Таким образом, манси поклоняются и духам-предкам. Одни из них помогли им освоить земли и обосноваться там, где они теперь живут, другие отразили врагов, посягавших на их территорию, третьи спасали от голода людей в трудные годы, четвертые положили начало сильному здоровому потомству. Все заслуги далёких предков сохраняются в памяти и передаются из поколения в поколение. Территории, где жили в далеком прошлом именитые предки, потомками объявлены священными. В некоторых местах они охватывают огромные лесные массивы, десятки километров по рекам и речкам. В таких местах нельзя показываться человеку, ни под каким видом, тем более в целях охоты или рыболовства, заготовки ягод или грибов, вырубки леса или вывоза сухостоев на дрова. Одним словом здесь всё запрещено, даже переложить сухую палочку, чок.

Молебные сооружения духам-предкам находились на окраине, границе священной и доступной территории, близко от водоёма. Там разводили костер, приготавливали горячую пищу, символически угощали духов, приглашая их речитативом или музыкальной мелодией. После этого акта люди садились есть эту пищу, беседовать о добрых делах настоящих и будущих. Затем, завершив обряд молебна, возвращались в свои деревни, брались за свои повседневные дела с уверенностью, что духи им обязательно помогут, и будет удача в жизни, покой и мир. Данные заповедные зоны – являются источником жизненных основ манси.

Чтобы разобраться в духовной культуре народа манси, нужно войти в духовный мир народа, а не наездами брать некоторый материал и толковать его по своему усмотрению.

Список использованной литературы

1. Е.И. Ромбандеева История народа манси (вогулов) и его духовная культура. Сургут: АИИК «Северный дом», 1993 г., стр. 50.

2. Языки и культура народов ханты и манси: материалы международной конференции посвящённой 10-летию НИИ Угроведения. Томск: Изд-во Том, унта, 2002., стр. 27.

Дмитрий
БОЯРКИН

***

Напиши что-нибудь плаксиво-
нежное,
Розово-голубым.
Мне так хочется заплакать
несдержанно.
ать непохожим на них, иным.
За окном чёрно-белое дерево
грубости,
Корни в наших сердцах.
Юность зла, и прелестное время
глупостей
Каменеет у нас на глазах.

***

До свидания.
Мягкий шёпот дождя за окном.
Не прощаемся.
Понарошку с тобой вдвоём.
Дверь захлопнута.
Лифта тихий шум.
Ты с надеждою
Будешь ждать звонка.
а вокзале.
инокий мой взгляд в пустоту.
ук колёс.
Не вернусь я домой, не к кому.

***

Не хотел.
Не думал.
В глазах уже полусонный туман.
Всё просто замечательно.
Иногда
Капает снег… С тучи…
Он дышит.
Кто-то расслышит
Ветер на небе.
……
Вот где я так давно не был.

Людмила
МИХАЛЬЧИШИНА

***

На глазах – тень.
А от дуба – пень.
А от сна – часок.
Шаг вперёд, бросок…

Щит и меч – в руках.
И круженье птах,
И кобылы смех –
Всё твердит – успех…

Смерть и бег – врагу!
Отомщу, смогу!
Не пугайтесь зря.
И враги – друзья.

Синим по белому

Время торопится, время уходит,
А мне-то, какое дело?
Рука моя на бумаге выводит
Синие буквы по белому.
Время для букв этих бесконечно,
Нет для стихов пределов.
Будут руки поэтов вечно
Синим писать по белому.

Мария
РЫБЧЕНКО

Ночные признания

Моё тело – лишь оболочка,
А душа – близорукая бабочка,
Что поёт стихи среди ночи,
Признаваясь в любви моим
тапочкам.

И рисует крыльями волны,
Вспоминая слова важные,
А за то, что их вечно двое,
Признаюсь я в любви дважды.

Неряха

Знаешь, всё не так уж плохо.
Солнце в форточку мне светит.
Я всего лишь чёрный кроха –
Чайный маленький пакетик.

По три раза в три стакана
Все меня с улыбкой топят,
А потом (немного странно)
Сахар тает. Снега хлопья?
Знаешь, это даже мило:
Скромно в мусорном пакете,
Я с улыбкою влюбился
В упаковку от спагетти.

Что-то ещё осталось

Моя красота вам не понятна?
Моя любовь к одуванчикам,
К ромашкам и разноцветным
пятнам
В глазах, от солнца фруктово-
ягодного.
Людьми до конца не разгаданного.
Моя любовь… пришедшая из
прошлого.
Совсем детского, и конечно не
пошлого.
Но как её храню я жадно
Среди открыток и календариков,
В памяти о воздушных шариках,
О платье в горошинку
С аппликацией-вишенкой,
И всё-таки вышло так:
Захожу в подъезд, грустно,
Там между ящиков почтовых
Парень зажимает девчонку,
Она уже на всё готова…
А я причём?! В висках бьёт громко
Неугомонная кровь!
Во мне, между прочим, ещё
осталась
Маленькая, хрупкая,
Тонкой струнко дрожащая,
Огромными глазами смотрящая,
Но до сих пор настоящая – любовь!

Замкнутый круг

Во рту сладковато
От этого яда –
Твоих поцелуев, коварства и лжи.

Мне страшно немножко,
Я – дикая кошка,
Себя от меня ты подальше держи.

Мне стыдно за ласку,
И алая краска
Покроет вдруг щёки ажурным пятном.

Царапну упрямо,
Но думая прямо,
Ты будешь искать объясненья в
смешном.

Во рту сладковато
От этого яда,
Но спрячешься разве от губ этих, рук.

Я – дикая кошка,
И может нарочно –
По воле своей, я замкнула наш круг.

В учении не важно - молод или стар; постигнешь - и станешь мастером.

Китайская пословица

В НАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО

РУССКИЕ ВЕДЫ

(Продолжение. Нач. в №6-7, 2004 г.)

ЧЕТВЕРТЫЙ КЛУБОК

– Расскажи, Гамаюн, птица вещая, как родился Перун многомощный. Как на Землю пришёл лютый Скипер-зверь, как Перуна он в яму закапывал, и как боги Перуна спасли потом!

– Ничего не скрою, что ведаю...

- * -

Как завязано было Макошью, как велел сам Родитель, сам Пращур-Род – появился во чреве у Ладушки сын её и Сварога небесного: грозный бог Перун – многомощный бог. Стало тесно ему в чреве матери, стал толкаться он, стал проситься на свет.

Приговаривала тогда Лада-матушка:

– Как с горами сдвигаются горы, реки с реками как стекаются, так сходитеся, мои косточки, не пускайте Перуна до времени.

Как завязано было Макошью, как велел сам Родитель, сам Пращур-Род, протекли года, протекли века. И пришло урочное время – разрешиться Ладе от бремени, и Перуну явиться на белый свет.

Приговаривала тогда Лада-матушка:

– Как с горами горы расходятся, реки как растекаются с реками – раздвигайтесь так мои косточки!

Загремели тогда громы на небе, засверкали тогда в тучах молнии – и явился на свет, словно молния, сам великий Перун, многомощный бог.

Как родился Перун – во весь голос вскричал. И от гласа Перуна могучего на Земле горы начали рушиться, зашатались леса, расплескались моря, Мать Сыра Земля всколебалась.

Взял тогда Сварог тяжкий молот свой – тяжкий молот свой, да во сто пудов. Стал Перуна баюкать молотом:

– Баю-бай, Перун могучий! Вырастешь большой – женишься на Диведодоле! Победишь зверя Скипера!

Убаюкал Перуна, заснул Перун и три года спал беспробудно.

Как проснулся – вновь закричал Перун, и опять горы начали рушиться и ломаться дубы столетние.

Взял тогда Сварог тяжкий молот свой – тяжкий молот свой, да во двести пудов. Стал Перуна баюкать молотом:

– Баю-бай, Перун могучий! Вырастешь большой – женишься на Диведодоле! Победишь зверя Скипера!

Убаюкал Перуна, заснул Перун и три года спал беспробудно.

Как проснулся он – закричал опять, и опять горы начали рушиться и ломаться дубы столетние.

Взял тогда Сварог снова молот свой – тяжкий молот свой, да во триста пудов. Стал Перуна баюкать молотом:

– Баю-бай, Перун могучий! Вырастешь большой – женишься на Диведодоле! Победишь зверя Скипера!

Убаюкал Перуна, заснул Перун и три года спал беспробудно.

Как проснулся Перун, его бог Сварог сам отнёс в небесную кузницу. Он раздул меха и разжёг огонь, и призвал на помощь Сварожича. И тогда Сварог со Сварожичем закалять стали тело Перуново. Раскалили его на огне до бела и обхаживать начали молотом.

И как только его закалили они, встал Перун на ноги булатные и сказал Сварогу небесному:

– Дай мне палицу стопудовую! И коня мне дай, чтоб под стать был мне!

Засверкали тогда в тучах молнии, громы на небе загремели.

- * -

То не пыль в поле распыляется, не туманы с моря поднимаются, то с восточной земли, со высоких гор выбегало стадо звериное, что звериное стадо – змеиное. Наперёд-то бежал лютый Скипер-зверь, лютый Скипер-зверь – пасть, что в пекло дверь.

Как на Скипере шёрстка медная, а рога и копыта – булатные. Голова его – велика как гора, руки-ноги – столбы в три обхвата. Он рогами цеплялся за тучи и по своду небесному шаркал. Как бежал Скипер-зверь – Мать Земля колебалась, в море синем вода замутилась, и круты берега зашатались.

Как схватил трёх сестёр лютый Скипер-зверь – Лелю, Живу, Марену в охапочку, и вонзил в них зверь когти острые, и унёс с собой в царство тёмное.

А затем покорил весь подсолнечный мир, по Земле стал без спросу разгуливать. Тут увидел он как у реченьки, у того бел горючего камешка тихо-тихо ребёнок похаживает и играет булатною палицей, тяжкой палицей – стопудовою! Рядом с ним жеребёнок поскакивает, а от скоков его Мать Земля дрожит. То Перун, колыбельку оставивши, у горючего камня похаживал, на свирепого Скипера-зверя исподлобия хмуро поглядывал.

И сказал тогда лютый Скипер-зверь, и подвыла ему нечисть чёрная:

– Отрекись, Перун, от отца своего, поклонись, Перун, зверю-Скиперу, [illegible] борись, Перун, против наших врагов, [illegible] служи-ка царству подземному!

Отвечал Перун зверю-Скиперу:

– Ах злодей, Скипер-зверь, подземельный царь! Я не буду служить чёрной нечисти, биться против врагов зверя-Скипера! Я служу только Роду-Пращуру, Ладе-матушке богородице и отцу Сварогу небесному!

Осерчал тут злодей лютый Скипер-зверь, повелел мукой мучить Перуна он. Стали бить Перуна, рубить мечом – только лезвие затупилось, ничего Перуну не сделалось.

Повелел тогда лютый Скипер-зверь привязать его к камню тяжкому и нести топить в море синее. Но не тонет Перун с тяжким камешком, не берёт [illegible] море синее. Он поверх воды в море п[illegible] вает – ничего Перуну не сделалось.

Повелел тогда лютый Скипер-зверь закопать его в Землю-матушку. И тогда слуги верные Скипера стали яму рыть во Земле Сырой – сорока сажен глубиною, поперечины двадцать пять сажен. И сажал тогда лютый Скипер-зверь в яму ту Перуна могучего. Закрывал досками железными, запирал запорами тяжкими, задвигал щитами дубовыми. Забивал гвоздями, присыпал песками. Засыпал песками и притаптывал, а притаптывал – приговаривал:

– Не бывать Перуну на Сырой Земле, не видать Перуну света белого, света белого – Солнца Красного!

- * -

Триста лет с тех пор миновало, триста лет и ещё три года. Спал Перун мёртвым сном во Земле Сырой.

А как триста лет миновало – разгулялась непогодушка, туча грозная поднималась. Из под той из под тучи грозной – со громами гремучими и дождями ливучими вылетала могучая птица – птица Матерь Сва – Лада Матушка. И забила она крылами, стала звать Сварога на помощь:

– Ты пошли, Сварог, сыновей своих, пусть отыщут они братца милого, пусть отыщут Перуна грозного!

По велению Рода небесного, по хотенью Сварога-батюшки, поднялись из светлого Ирия, из-за гор высоких Рипейских птица Сирин – вещунья печальная с птицей явскою Алконостом. И за ними вслед из под облака появилась Стратим сильнокрылая. Подлетели они к зверю-Скиперу. Стали Скипера-зверя расспрашивать:

– Ты скажи, Скипер-зверь, где наш брат родной, где Перун младой разъясни скорей!

– А ваш брат родной в море плавает, в море плавает сизым селезнем!

– Не обманывай нас, лютый Скипер-зверь! Его палица – вон у камешка, в море синем нет серых селезней!

– А ваш брат родной в чисто полюшко погулять пошёл, поиграть пошёл!

– Не обманывай нас, лютый Скипер-зверь, никого-то нет в чистом полюшке, его конь стоит – вон у камешка!

– А ваш брат родной в небо синее полетел Орлом сизой птицею!

– Не обманывай нас, лютый Скипер-зверь, не парит Орлом в поднебесье он!

И ударились птицы грозные, в Землю-матушку грудью грянулись, обратились они, обернулись в грозных братьев-богов: Сирин в Велеса, Алконост – в Хорса, в Красное Солнышко, а Стратим в Стрибога могучего. Все те боги – братья Сварожичи, все сыны Сварога небесного.

Как увидел их лютый Скипер-зверь, поспешил назад в царство тёмное – на восток за хребты неприступные.

И задумалися Сварожичи:

– Видно нет на Земле братца нашего, как найдём мы его во Земле Сырой?

Тут сорвался добрый перунов конь с привязи у камня горючего. Побежал по чистому полюшку – вслед за ним Сварожичи двинулись. Прибежал на яму глубокую, стал он ржать, плясать, да копытом мять те песочки и камешки тяжкие.

– Видно здесь лежит братец наш Перун!

И Сварожичи братья скорым-скоро раскопали яму глубокую. Им светил бог Хорс – Солнце Красное. Бог Стрибог поднял ветры буйные и разнёс пески крутожёлтые, а щиты разметал вместе с досками Велес мощный бог.

И раскрылся тогда в подземелье гроб. В том гробу – Перун, спящий мёртвым сном.

– Как же нам разбудить братца милого, как поднять Перуна могучего?

Мудрый Велес на ухо коню прошептал – добрый конь из ямушки выскочил, поскакал по чистому полюшку, и ложился он на горючий песок.

Пролетала тут матушка птица Могол с молодыми своими детками. И сказала она, посмотрев на коня:

– Вы не трогайте, детушки, в поле коня! Не добыча то – хитрость Велеса!

Не послушали детушки птицу Могол, полетели они в чисто полюшко, и садились они на того коня.

Тут из ямушки Велес выскочил и схватил за крылышко птенчика. Тут явились братья Сварожичи – не пускают Могола к Велесу, отгоняют его в небо синее. И взмолилась матушка птица Могол:

– Отпусти птенца, буйный Велес!

– Ты слетай, Могол, ко Рипейским горам за Восточное море широкое! Как во тех горных кряжах Рипейских на горе на той Березани ты отышешь колодец с Сурьей, что обвит дурманящим Хмелем! Принесёшь из колодца живой воды – мы отпустим птенца на волю!

И привязывали братья Сварожичи бочку птице Могол под крылья, чтоб Могол зачерпнула Сурьи.

Поднималась Могол к тучам тёмным, понеслася быстрее ветра ко Рипейским горам в светлый Ирий сад. Зачерпнула живой водицы на горе на той Березани – принесла ту воду обратно.

Прилетела она и сказала:

– Вы возьмите живую воду! Отпустите птенца на волю!

Отпустили птенца на волю, а водой обмыли Перуна.

– Выходи, Перун, на Сырую Землю! Ты расправь, Перун, плечи сильные, разомни скорей ножки резвые!

Выходил Перун сын Сварожич, и увидел он яркий белый свет. Обогрело его Солнце Красное – кровь его расходилась по жилочкам. Размочило дождями ливучими уста сахарные Перуна. Усмехнулся Перун и расправил усы – золотые усы, жаром пышущие, и тряхнул бородой серебристою, головой своей златокудрою. И сказал он братьям Сварожичам:

– Как я долго спал во Земле Сырой!

– Коль не мы, тогда б век тебе здесь спать! – отвечали братья Сварожичи.

Поднесли Перуну Сварожичи рог глубокий с хмельною Сурьей, принесённой Моголом с Рипейских гор.

– Ты испей, Перун, не побрезгуй!

Выпивал Перун тот глубокий рог.

– Как, – спросили его, – чуешь силушку?

– Возвратилась мне силушка прежняя!

Поднесли вновь Перуну глубокий рог:

– Ты испей, Перун, не побрезгуй! Как, Перун, теперь себя чувствуешь?

– Я теперь чую силу великую – кабы было кольцо во Сырой Земле, повернул бы я всю Вселенную!

Меж собой зашептались Сварожичи:

– Слишком много Перуну подарено сил, он не сможет ходить по Сырой Земле! Мать Земля Перуна не вынесет.

Поднесли ему снова глубокий рог:

– Допивай, – сказали, – напиток. Сколько силы теперь в себе чувствуешь?

– Стало силы во мне вполовиночку.

– А теперь отправляйся, могучий Перун, поезжай скорей к зверю-Скиперу, отомсти ему за обидушки и за раны свои, и за милых сестёр!

И сверкнула тотчас в туче молния, раскатился по небу гром.

ПЯТЫЙ КЛУБОК

– Расскажи, Гамаюн, птица вещая, как убил Перун зверя-Скипера, как великие подвиги он совершил, и как сёстрам своим дал свободу он!

– Ничего не скрою, что ведаю...

-*-

Поезжал Перун по Сырой Земле, мимо гор Рипейских и Ирия. Встретил он в горах Ладу-матушку, Мать небесную, богородицу. Поклонилась Перуну матушка, поклонилась и стала расспрашивать:

– Ты куда, сынок, отправляешься? Держишь путь куда в чистом полюшке?

– Государыня, Лада-матушка, Мать небесная, богородица, путь неблизок мой в чистом полюшке. Направляюсь я к зверю-Скиперу, чтоб открыть ему кровь поганую, вынуть сердце его из развёрстой груди и забросить его в море синее! Чтоб родных сестёр, дочерей твоих, из неволюшки лютой вызволить!

Тяжела дорожка к Скиперу! По дороженьке прямоезжей птица быстрая не пролётывала, зверь рыскучий давно не прорыскивал, на коне никто не проезживал! Заколодела дорожка, замуравела, горы там с горами сдвигаются, реки с реками там стекаются! И сидит у грязи у чёрной там, да у той ли речки Смородины люта птица-Грифон во сыром бору. Закричит как Грифон по-звериному, как засвищет Грифон по-змеиному – все травушки-муравы уплетаются, все лазоревы цветочки осыпаются, тёмны лесушки к земле приклоняются, а кто есть живой – все мертвы лежат!

– Государыня, Лада-матушка, Мать небесная, богородица! Дай святое мне благословение, отпусти меня к зверю-Скиперу! Отплачу ему дружбу прежнюю, отолью ему кровь горячую!

– Поезжай, Перун, к зверю-Скиперу, отплати ему дружбу прежнюю и отлей ему кровь горячую!

Бил коня Перун да по тучным бёдрам – рассердился тогда под Перуном конь. С гор на горы он перескакивал, он с холма на холм перемахивал, он озёра и реки хвостом устилал, мелки реченьки промеж ног пускал.

И подъехал к первой заставе. Там леса с лесами сходились, там коренья с кореньем свивались, там сплетались колючка с колючкою. Не пройти, не проехать Перуну!

И сказал Перун тёмным лесушкам:

– Вы леса – дремучие, тёмные! Разойдитеся, расступитеся, становитесь лесочки по-старому. Да по-старому всё и по-прежнему. Буду вас иначе я бить-ломать и рубить на мелкие щепочки!

Все лесочки встали по-старому – та застава ему миновалась.

Грозный бог Перун ехал полюшком, грудь свою копьём ограждая и небесный закон утверждая. С гор на горы он перескакивал, он с холма на холм перемахивал, мелки реченьки промеж ног пускал.

Наезжал на быстрые реки, реки быстрые и текучие. Там волна с волною сходились, с берегов крутых камни сыпались. Не пройти, не проехать Перуну!

И сказал Перун рекам быстрым:

– Ой вы реки, реки текучие! Потеките, реки, по всей Земле, по крутым горам, по широким долам, и по тёмным лесам дремучим. Там теките, реки, где Род велел!

По велению Рода небесного, по хотенью Перуна мощного, потекли эти реки, где Род велел, – та застава ему миновалась.

Грозный бог Перун ехал полюшком, грудь свою копьем ограждая и небесный закон утверждая. С гор на горы он перескакивал, он с холма на холм перемахивал, мелки реченьки промеж ног пускал.

И наехал на горы толкучие: горы там с горами сходились, а сходились и не расходились, там пески с песками ссыпались, и сдвигались каменья с каменьями. Не пройти, не проехать Перуну!

И сказал Перун тем толкучим горам:

– Ой, вы горы, горы толкучие! Разойдитеся, расшатнитеся! Ну-ка, станьте, горы, по-старому! А иначе буду вас бить-крошить и копьём на каменья раскалывать!

Встали горы на место по старому – та застава ему миновалась.

Грозный бог Перун ехал полюшком, грудь свою копьём ограждая и небесный закон утверждая. С гор на горы он перескакивал, он с холма на холм перемахивал, мелки реченьки промеж ног пускал.

И подъехал он к грязи чёрной и ко той ли речке Смородине. Не случилось у речки Смородины ни мосточков, ни перевозчиков. И зачал Перун вырывать дубы, и зачал через реченьку мост мостить. Переехал он на ту сторону.

Видит он – сидит у Смородины на двенадцати на сырых дубах люта птица Грифон страховитая, под той птицей дубы прогибаются, а в когтях её рыба дивная чудо-юдище рыба-Кит морской.

Зарычал Грифон по-звериному, засвистал Грифон по-змеиному – все травушки-муравы уплетались, все лазоревы цветочки осыпались, тёмны лесушки к земле приклонились. Добрый конь под Перуном попятился. Не пройти, не проехать Перуну!

Закричал коню грозный бог Перун:

– Ах, ты волчья сыть, травяной мешок! Что же ты подо мной спотыкаешься? Аль не слышал крику звериного? Аль не слышал свиста змеиного?

Тут снимал Перун лук тугой с плеча, натянул тетивочку шёлковую – и пустил стрелу позлачёную. Прострелил птице правое крылышко – из гнезда тотчас птица выпала.

И сказал Перун грозной птице той:

– Ой ты, гой еси, люта птица Грифон! Ты лети, Грифон, к морю синему, отпусти Кита в море синее. Пей и ешь, Грифон, ты из синя моря – будешь ты, Грифон, без меня сыта! А иначе, Грифон, птица лютая, я тебя убью – не помилую!

Полетел Грифон к морю синему – та застава ему миновалась.

-*-

Грозный бог Перун ехал полюшком, грудь свою копьём ограждая и небесный закон утверждая. С гор на горы он перескакивал, он с холма на холм перемахивал, мелки реченьки промеж ног пускал.

И наехал на стадо свирепое, на звериное стадо – змеиное. Змеи те Перуна палят огнем, изо ртов у них пламя жаркое, из ушей у них дым валит столбом.

И пасут то стадо три пастыря, три пастыря – да три девицы, три родные сестрицы Перуновы: Леля, Жива, Марена – украденные триста лет назад зверем-Скипером. Набрались они духу нечистого, испоганил их лютый Скипер-зверь. Бела кожа у них – как елова кора, на них волос растёт – как ковыль-трава. Не пройти, не проехать Перуну!

И сказал Перун трём сестрицам.

– Вы пойдите, сестрицы, к Рипейским горам, вы пойдите к Ирию светлому. Окунитесь в реку молочную и в сметанное чистое озеро, искупайтеся во святых волнах и омойте-ка лица белые. Набрались вы духа нечистого от свирепого зверя-Скипера!

И сказал Перун стаду лютому, что звериному стаду – змеиному:

– Поднимайтеся, змеи лютые, ударяйтеся о Сырую Землю, рассыпайтеся вы на мелких змей! А вы, змеи, ползите к болотам, пейте-ешьте вы от Сырой Земли! А вы, лютые звери рыскучие, расступитеся разойдитеся по лесам дремучим и диким, всё по два, по три, по единому. Все вы будете без меня сыты!

Всё случилась так, как Перун сказал, – та застава ему миновалась.

-*-

Грозный бог Перун ехал полюшком, грудь свою копьём ограждая и небесный закон утверждая. С гор на горы он перескакивал, он с холма на холм перемахивал, мелки реченьки промеж ног пускал.

Вот приехал он в царство тёмное, горы там в облака упираются и чертог стоит между чёрных скал. Наезжал на палаты Скипера – стены тех палат из костей людских, вкруг палат стоит с черепами тын. У дворца ворота железные, алой кровью они повыкрашены и руками людскими подперты.

Выступал на него лютый Скипер-зверь, выходил к нему по-звериному, а шипел-свистел по-змеиному.

Он шипел:

– Я всей подвселенной царь! Как дойду до столба я небесного, ухвачу за колечко булатное, поверну всю землю на синее небо и смешаю земных я с небесными, стану я тогда всей Вселенной царь!

Но могучий Перун не страшился, наезжал он на зверя-Скипера, и рубил его, и колол копьем.

– Это что за чудо-чудесное? Али ты богатырь, аль небесный бог? Родом-Пращуром смерть мне написана, да написана и завязана лишь от сына Сварога небесного, от Перуна сильномогучего! Только тот Перун во Сырой Земле, значит быть герою убитому!

– Я не чудо-чудное, я не диводивное – а я Смерть твоя скропостижная! – отвечал Перун зверю-Скиперу.

– Только плюну я – утоплю тебя, только дуну – тебя за сто вёрст отнесёт, на ладонь положу и прихлопну другой – от тебя ничего не останется!

– Не поймавши Орла – рано перья щипать! Не хвались, Скипер-зверь, поезжая на брань! А хвались, Скипер, с поля съезжаючи!

– У меня же есть сабля острая! – зашипел тогда лютый Скипер-зверь. – Отмахну твою буйну голову!

– Ай не хвастай ты, лютый Скипер-зверь, у меня же есть острое копье, отворю твою кровь поганую!

Замахнулся зверь саблей острою, – по велению Рода небесного во плече рука застоялась, никуда рука не сгибалась, и из рук его сабля падала и изранила зверя-Скипера.

Скипер-зверь тут стал уклоняться, приклонился он ко Сырой Земле, стал просить-молить бога грозного:

– Я узнал тебя, праведный Перун! Ты не делай мне смерть – ту скорую! Смерть-ту скорую, скропостижную! Дай три года мне сроку-времени! Я тебе подарю горы золота!

Отвечал ему сильный бог Перун:

– Я не дам тебе даже трёх часов! Твоё золото всё неправое, оно кровью людскою полито!

– Ой ты, праведный, грозный бог Перун! Ты не делай мне смерть-ту скорую! Смерть-ту скорую, скропостижную! Дай ты срока мне хоть на три часа! Я тебе подарю горы золота, я отдам тебе силу всю свою!

– Я не дам тебе даже трех минут! Твоё золото всё неправое, твоя силушка – вся бессильная!

– Ой ты, праведный, грозный бог Перун! Ты не делай мне смерть-ту скорую! Смерть-ту скорую, скропостижную! Дай ты срока мне три минуточки! Я тебе подарю горы золота, я отдам тебе силу всю свою, станешь ты царём поднебесной всей!

– Я не дам тебе сроку-времени! Твоё золото всё неправое, твоя силушка вся бессильная, в тёмном царстве же правит Кривда пусть!

Тут пронзил Перун зверя-Скипера, отворил ему кровь поганую, из развёрстой груди вынул сердце он – далеко метнул в море синее. Высоко поднял зверя-Скипера и ударил его он о Матушку Землю. Мать Сыра Земля расступилась, поглотила всю кровь поганую, и упал в провал лютый Скипер-зверь. И Перун могучий тогда завалил то ущелье горами Кавказскими.

Если Скипер-зверь зашевелится под горами-хребтами Кавказскими – Мать Сыра Земля восколеблется.

- * -

И забрал Перун трёх родных сестёр, и повёл он их ко Рипейским горам, и привёл к саду Ирию светлому.

И сказал он им:

– Вы, сестрицы мои! Вы скидайте скорей кожу прежнюю, как кора еловая грубую. Искупайтеся во молочной реке и очистите тело белое.

И тогда три родные сестрицы кожу скинули заколдованную и купалися во молочной реке, омывали своё тело белое.

Приходил Перун к Ладе-матушке, светлой матери, богородице.

– Государыня, Лада-матушка, Мать небесная, богородица! Вот тебе три родимые дочери, ну а мне три сестрицы родные!

И вернулись так вместе с Лелею – Радость и Любовь легкокрылые. Вместе с Живою оживляющей Лето жаркое и Весна. А с красавицею Мареною – Осень хладная и Зима.

ШЕСТОЙ КЛУБОК

– Расскажи, Гамаюн, птица вещая, нам о свадьбе светлого Хорса, как женился Хорс на Заре-Заренице, как украл светлый Месяц у Хорса Зарю, как Перун потом покарал его...

– Ничего не скрою, что ведаю...

На далёкий остров Буян, на высокий крутой бережок солетались птицы чудесные. Собирались они, солетались – о Сырую Землю ударялись, обернулись красными девицами. Красоты они несказанной, что ни вздумать, ни сказать, ни пером описать.

То не птицы на остров слетелись – то Заря-Зареница с вечерней Зарёй, с Ночью тёмною, непроглядною встречались.

Собирались они купаться и снимали с себя сорочки – крылья лёгкие, оперение. С тела белого сняли пёрышки и пошли они к морю синему. Они в волнах играют и песни поют, и смеются они, в море плещутся.

Только скинули оперение – вышло на небо Солнце Красное, появился великий Хорс.

Поднялся светлый Хорс на небесный свод на своей золотой колеснице – многоцветной, богато украшенной жемчугами и драгоценностями. Ехал Хорс золотоокий по небесному своду синему, вниз с небес на Землю поглядывая.

И сдивился он тем красавицам, и влюбился он в красну девицу, молодую Зарю-Зареницу. И пошёл он к Макоше-матушке, чтоб спросить у неё

о своей судьбе. И сказала ему Макошь-матушка:

– Ты ступай, светлый Хорс, к бережочку тому, укради у Зари её крылышки. И твоею станет Заря-Зареница.

И спустился Хорс к бережочку, и украл у Зари её крылышки. Из воды выходили сестрицы – надевали крылья и пёрышки, поднимались они в небо синее. Улетела Ночь непроглядная, улетела и Зорька вечерняя. Лишь Заря-Зареница найти не смогла золочёные, лёгкие пёрышки и свои невесомые крылышки.

И тогда Зареница промолвила:

– Отзовись, кто взял мои крылышки! Коль ты красная девица – будешь сестричкой, если женщина – будешь мне тётушкой, а мужчина – тогда будешь дядюшкой. Ну а если ты – добрый молодец, – будешь мужем моим любезным!

Вышел Хорс и сказал Зарянице он:

– Здравствуй, Зорюшка моя ясная!

И пошла Заря – красна девица по небесному своду синему, на убранство своё нанизывая с блеском ярким цветные камни. И поднялся за ней яснолицый Хорс.

И тогда поженились великий Хорс с молодою Зарёй-Зареницею, стали вместе они коротать свой век. Ликовала на свадьбе Зари и Хорса вся Сыра Земля: Сварог с Ладою, Велес и Перун, все Сварожичи, вместе с ними – вся подвселенная.

-*-

Высоко на своде небесном светлый Месяц и частые звёзды.

Как день белый склонялся к вечеру, так выхаживал Месяц на небо, говорил он тогда частым звёздочкам:

– Все-то в царстве моем поженены, белы лебеди замуж выданы. Я один – светлый Месяц хожу холостой. Как бы мне найти красну девицу – с телом белым, как лебедино крыло, чтоб была она станом своим статна, а коса её полна волосом. Чтоб сквозь платье у ней тело виделось, а сквозь тело виднелись косточки, чтобы мозг струился по косточкам и катался бы скатным жемчугом.

И сказали частые звёздочки:

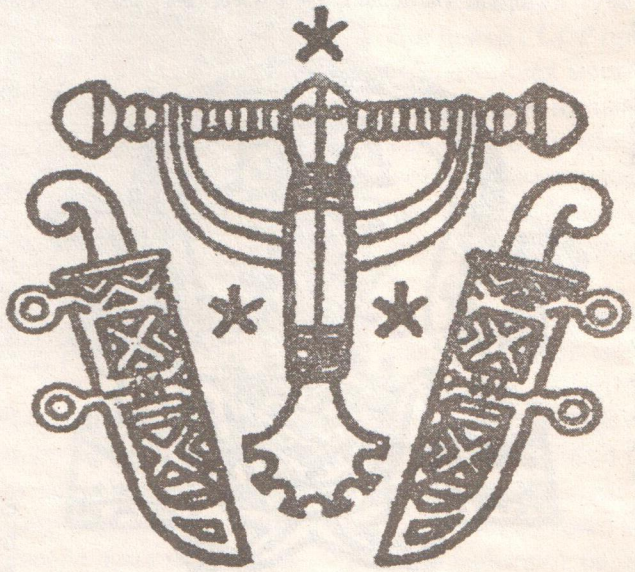
– Есть такая девица красная, нет на белом свете другой такой. То жена златоокого Хорса, молодая Заря-Зареница...

– Как у мужа живого – жену отнять? Как у Хорса отнять молодую Зарю?

– Укради её,ясный Месяц! И твоею станет Заря-Зареница!

– Как же мне украсть молодую Зарю?

– Ты построй, ясный Месяц, лодочку. Рассади ты на ней распрекрасный сад, чтоб цветы и деревья росли в саду. Посади кипарисово дерево, посади виноградное дерево. И пусти птичек певчих в зелёный сад, чтобы пели они песни чудные. И поставь кроватку тесовую, на неё положи перинушку – одеяльце клади соболиное, занавески повесь шелковые. Ну а рядом поставь золочёный стол, застели его камчатой скатертью. Будут пусть на столе явства разные, меж напитков – вино забудящее. Если выпьет вино молодая Заря – тотчас ты её увезешь с собой.

Собирался Месяц скорёшенько, снаряжал небесную лодочку – нос-корма у неё позолочены, рытым бархатом обколочены. А борта жемчугами иссечены и увиты златом и серебром. И в той лодочке будто дивный рай – кипарисовый, виноградный сад. В нём цветы цветут, птицы песнь поют. Убран яствами золочёный стол, рядом с ним кроватка тесовая.

И поплыл к Заре-Зарянице он по небесному своду синему.

А в то время пресветлый, великий Хорс собрался выезжать на небесный свод. И прошёл светлый Хорс по воде золотой, и взошёл на свою колесницу.

Провожала его Зареница, говорила ему таковы слова:

– Ты великий Хорс, Красно Солнышко! Как мне ныне спалось, во сне виделось – как из нашего сада зелёного увозили белую лебедь и с руки моей правой спадало кольцо...

Отвечал Заре-Зарянице Хорс:

– Ты спала, Заря, сон ты видела, не украли у нас лебедь белую!

Так сказал светлый Хорс и на небо пошёл.

И приплыл к Заре ясный Месяц. Он приплыл к Заре, поклонился ей, передал поклон-челобитие:

– Ты, Заря-Зареница пресветлая! Ты прими дорогие подарочки! О твоей красоте слышал весь белый свет! Твоё тело бело, как лебяжье крыло, и сквозь платье тело просвечивает, а сквозь тело видятся косточки, и твой мозг струится по косточкам и катается скатным жемчугом.

Ясный Месяц на лодку Зарю проводил, и привёл её в распрекрасный сад, и сажал за стол золочёный. И давал он ковш молодой Заре, предложил ей выпить напиточек – выпивала Заря-Зареница пития того забудящего, и заснула она, и забылась.

И поднял её Месяц на белые ручки, целовал в уста её сахарные, клал её на кроватку тесовую и уплыл с царицею по небу.

И вернулся домой златоокий Хорс, а Зари-Зареницы его жены нет уже в чертогах небесных.

И спросил Сварога пресветлый Хорс:

– Ты, Сварог небесный! Отец родной! Где искать, скажи, мне Зарю мою?

Отвечал Сварог Хорсу светлому:

– Ясный Месяц украл у тебя Зарю. Ты езжай, Хорс, вслед за угоною! Ты возьми турий рог, бог могучий Хорс! Станешь в рог трубить – я на помощь пошлю своё небесное воинство. Первый раз протрубишь – все взнуздают коней, как второй протрубишь – оседлают коней, третий раз протрубишь – жди моих сыновей!

И поехал Хорс за угоною по небесному своду синему. Как приехал он, встал у терема. А в то время Месяц по небу гулял, оставалась в тереме только Заря. И сказал Заре-Зарянице Хорс:

– Гой еси, ты моя молодая жена, ты ступай домой скоро-наскоро!

И сказала Заря Хорсу светлому:

– У тебя мне жить тяжелёшенько. По утрам вставать – долго мыть лицо и молиться Роду небесному. Здесь у Месяца жить привольно мне. Утром здесь встают и не моются, и небесному Роду не молятся!

И спросил светлый Хорс молодую Зарю:

– Если Месяц придёт, как мне спрятаться?

– Я тебя укрою периною – тем

пуховым легчайшим облаком...

Как пришёл ясный Месяц и в терем вошёл – так Заря распорола перинушку и укрыла его легким облаком, а потом спросила у Месяца:

– Что б ты сделал, муж, если б Хорс был здесь?

– Я отсёк бы ему буйну голову!

Развернула Заря ту перинушку:

– Отрубай ему буйну голову!

И сказал тогда бог пресветлый Хорс:

– Уж ты гой еси, светлый Месяц! Напоследок дай протрубить мне в рог, и проститься с зверями и птицами, и проститься мне с белым светом!

– Что ж, сыграй напоследок, могучий Хорс.

– Первый раз затрубил в турий рог бог Хорс – всколебалася Мать Сыра Земля, приклонилися все дубравушки.

Убоялся тогда ясный Месяц:

– Это что там шумит во дубравушках?

– Это птицы летят из-за гор и морей, бьют крылами они о дремучий лес!

Протрубил и второй раз могучий Хорс – всколебалася Мать Сыра земля, горы дальние порастрескались.

Убоялся тогда ясный Месяц:

– Это что там шумит во далёких горах?

– Это туры бегут по крутым горам, о Сырую Землю копытами бьют!

Как играл бог Хорс – потрясалось небо, рассыпались хоромы Месяца.

В третий раз протрубил бог могучий Хорс, всколебалася Мать Сыра Земля, гром дошёл до небесного Ирия.

Тут раскрылися небеса, и явилась сила сварогова – на крылатых конях боги мощные. Прилетел во-первых Огонь-Семаргл, а второй прискакал грозный бог Перун, вслед за ним и Велес могучий, и Стрибог закружил вихрем яростным. Все те боги братья Сварожичи, все сыны Сварога небесного.

И сказал Перуну великий Хорс:

– Месяц ясный украл у меня жену молодую Зарю-Зареницу! Покарай похитчика, брат родной!

И тогда Перун разрубил мечом ясный Месяц, лихого похитчика, и вернул Зарю Хорсу светлому.

И с тех пор ясный Месяц на небе тщетно ищет Зарю-Зареницу и не может найти молодую Зарю. Вырастает опять, но могучий Перун вновь его разрубает своим мечом.

И теперь все Перуну славу поют, и Семарглу, и Хорсу, и Велесу, и Стрибогу, и – ясному Месяцу!

Продолжение следует

Ирина
КАЛИСТРАТОВА
г. Мегион

Громко-громко кричит тишина...

***

Со стола не уронишь ты ложку;
Зря так часто подходишь к окну.
Словно рыжую спящую кошку
Я поглажу глазами луну.

Знаю, оба мы ночью не спали,
Красных жилок не смоешь печать.
Только что ж ещё, кроме печали,
Наши руки способны связать?

А вчера я спала, и мне снилось,
Как очаг твой весь день стерегу…
Да не в камень ли я превратилась,
Если плакать уже не могу?

***

Светло-рыжих волос килограмм
Собрала я вчера по коврам.
Ты расти, волосинка, до пят!
Как бессовестно мыши храпят,
Было слышно в квартирной тиши.
Не чихай, не дыши!.. Ни души.
Громко-громко кричит тишина
Там, в груди. Я не сплю. Я – одна.

***

В ночные часы,
Когда гремела гроза,
Я писала стихи
О карих глазах.
Где-то птица кричала грозно,
Я опять просыпалась поздно.
Вся земля была водою залита,
По двору плыло большое корыто.
Я садилась на мокрое окошко
И в воде холодной болтала ножкой,
А потом в корыте плыла по городу,
Чтобы где-нибудь кошку купить недорого.
В городе чего только не услышишь!
Говорят, что ночью исчезли мыши.
Ума не приложу, куда подевались?
Может быть, у них подводные норы?
Может быть, и кошки исчезнут скоро?
Вдруг, вчера последние продавались,

А я – вот досадное дело! –
Ни одной купить не успела,
И вот теперь плаваю по рынку до вечера
Будто бы дома совсем делать нечего,
Хотя там много дел существует…
«Мне б кошечку – маленькую, ЖИВУЮ!..
Ой, дай глянуть, какая глазастая!
Я беру! Ну и что, что грязная –
Искупаю на крыше, в луже…»
Назову-ка я ее Жужей.
Будет спать она под книжною полкой
И играть на полу с заколкой.
А когда вода поднимется выше,
Нам придется перебраться под крышу,
Или окна заклеить скотчем…
Погибать веселее с кошкой.

***

Весела и счастлива я с виду;
Не заметно людям в суете,
Что служу сегодня панихиду
По своей несбывшейся мечте.

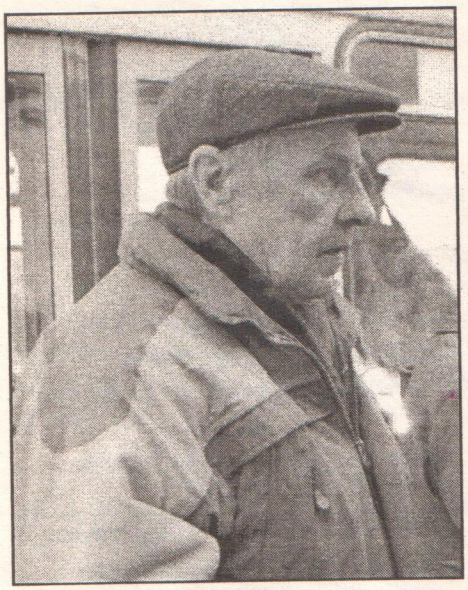
Я вчера её похоронила;
Отпевала – голос не дрожал,
Ни одной слезы не обронила,
Платом не завесила зеркал.

Я годин по ней справлять не буду
И конфеты детям раздавать.
Лишь надежду на Господне чудо
Стану я в молитвах призывать.

***

В этом городе много рассказано,
Не умеет он тайны хранить.
На моей руке туго завязана
Его улиц сплетенная нить.

Город снежный, ты тесной темницею
Или домом мне будешь родным?
Я метаюсь озябшею птицею
По узорчатым окнам твоим.

Николай КИНЕВ
г. Пермь

ПРОЗА

БУКЕТ ЗЕМЛЯНИКИ

Мама любит Марту, как человека. На пастьбе выказывать ласку своей козе нехорошо: что хозяева других коз подумают, коли увидят. А теперь, когда остались вдвоём, можно и побеседовать.

– Милушка моя, кормилица, сейчас я тебе хлебца вынесу. Какое вымечко-то у тебя сегодня полное, тугое.

Марта стоит перед хлевом – низенькая, с такими короткими ногами, что соски касаются травы, и шерсть с брюха свисает чуть не до копыт. У Марты большая голова с понятливыми тускло-зелёными глазами и выгнутыми коричневыми ресницами. Несмотря на свою неказистость, Марта выглядит самолюбивой. Такой у неё характер. Поступь у неё мерная, аккуратная, без подскоков и без остановок. Она красиво, закрывая глаза, ест траву и примерно, как вкопанная, стоит на дойке, воздев к небу крутые, ребристые рога, как будто дойка её не касается.

Алёша сидит на крыльце. Как хорошо это – сидеть в тени. Не кусают тебя, потного, слепни, не надо то и дело обгонять стадо, рвущееся к колхозному подсолнечному полю и на клевера.

– Взял бы, Алёша, ведёрки, да сходил бы по воду, – просит мать.

Он встаёт и чувствует, как противится тело, просит побыть без движения. Но мама, шагая по двору, спотыкается о выступ доски… Алёша видит это, берёт коромысло, два ведёрка и идёт на речку.

До неё пройти-то – всего ничего: обогнуть палисадник с малиной да цветами бессмертниками, свернуть в проулок, переходящий в лужайку на берегу. Лужайка зелёная, ровная, ещё недавно Алёша тут в лапту, в городки, в «глухие телефоны» играл.

На самом берегу, срывающемся в светлую воду, стоят бани. Их здесь три. Одна новая, со светящимися ещё, жёлтыми брёвнами, – не баня, а дом. Другая постарше, у неё брёвна полосатые, недошкуренные; в пазах – шершавый, обугливший-ся мох, а если по бревну провести пальцем, на нём светлая полоска остаётся. А одна баня, осевшая, расплывшаяся, совсем как уголь сверху донизу, – Алёшина с матерью. Именно она – место и боевой штаб, и схорониться на «прятанках» можно. Для видимости баня прикрывается на замок, но не ключом, а просто дужка в замочину вталкивается, и всё. «Со спичками чтоб не баловаться! – говорит мать. – А так играйте». Предбанника здесь нет, и ни кудели, ни тресты: «коноплё» мать не выращивает, потому что огород маленький.

Сегодня ребят ни на лужайке, ни около бань не видно. Слышатся голоса их и визг за рекой. Там, на большом лугу под Городищем, наверно, сейчас весело. Ребята скоро будут костры жечь, картошки печь, печёнки чёрные, палящие разламывать. Когда разломишь, картошка будто снег, комочком отсыпает[ся] от сердцевинного колёсика. А корочка поджаристая, горьковат[ая]-то-сладкая…

«Ладно, грибы дома будем есть, – думает Алёша. – Вон сколь сегодня рыжиков-то насобирали. Красные такие».

Бани бесшумны. Но что это? Будто в своей, чёрной всхлипывает кто.

Уже темновато, и одному возле бань не по себе. Алёша прислушивается: точно, кто-то всхлипывает осторожно, словно боится кого или притворяется.

Алёша для смелости звякнул одним ведром о другое, а потом ещё и коромыслом по ним прошёлся.

– Там кто?

Всхлипывание оборвалось. Потом:

– Лёша, я тут сижу. – Из двери бани показалась жидкая косичка с тряпичкой-бантиком на конце.

– Кто «я»-то? – Алёша подошёл к бане. – Манька?! Ты чего это тут?

– За мной собака бежала. Овчарка. Лаяла. Я вся перепугалась, спряталась тут.

– Никакой собаки тут нет. И вообще они маленьких не трогают.

– Дак то маленьких. Она вышла из бани, объяснила быстро: – А я к тётке за реку бегала.

– Ну, ладно. Сейчас вместе пойдём. Погоди, я воду налью.

– Ага.

Алёшка спускается к речке.

Вода по вечернему зеркально отсвечивает. Она очень светлая, прозрачная, и потому тёмный вечер над ней делается ещё темней, и дно кажется чёрным, и так внезапны взбулькивания быстрых рыб, с такой настороженностью ощущается шуршание шершавых подсолнухов в огородах над берегом… Вода залпом вливается в одно и другое ведро, и Алёша выносит их наверх. Сверху кажется, что берег слился с водой и что лодки не на берегу стоят, а на воде и сами, без людей, отчаливают от него.

– Ну, пошли, – говорит Алёша.

– Давай тогда я вёдра понесу, – предлагает Маня. – А ты впереди пойдёшь. Ты всё-таки мужик.

– Нет. Я уж сам.

– Давай я хоть маленько! – она быстрёхонько схватила

коромысло, нацепила дужки вёдер на крючки, поднатужилась и, сгорбившись, не пошла, а побежала тигой-гусишкой, всё ниже наклоняясь. Вода выбрасывается из вёдер на Манины ноги-соломки, платьице её улетело набок, черноволосая головёнка держится судорожно-прямо…

Алёша догоняет её.

– Давай мне. Слаба ишо – воду носить. Подрасти сперва.

– Ой, да я дома всё делаю! – останавливается Маня и отдаёт вёдра. – И пол завсегда мою, и кашу варю… Ой, а я и не знала, что ты такой простой! Думала – задаёшься, раз со мной не водишься. В суседях живём – а ты со мной не бегаешь.

– Да некогда.

– А вы завтра у нас едите. Мама сказывала. – Маня молчит и добавляет радостно: – у нас нынче капусты много будет. И мёду в колхозе дадут.

– Вам хорошо.

Вёдра тяжко колышутся, вода выплёскивается из них…

– Нам дадут – я вам мёду маленько принесу. Ты только за меня приставай, если на меня большие нападут или собаки.

– Мне-то мёду не надо, – останавливается Алёша. – Мама у меня кашляет, спасу нет. У ней грудь болит.

– От кашлю столетник хорошо.

– Да знаю! Он у нас растёт в горшке. Мама ест его – не знаю, как. Он шибко горький.

– Здоровья не будет – хоть чё съешь, – с каким-то укором говорит Маня.

Дошли до её ворот.

– Лёша, ну я пойду. Айда завтра бегать к нам!

– Если рано пригоним. До свиданья, Маня.

– Ты меня Марусей зови. Мне Маней меньше глянется.

Алёша вцепился в коромысло. Кажется, живот и ноги – всё куда-то под рёбра ушло, подпирает их, выгибает.

– Долго ты что-то, Алёша, – говорит мать.

– Да Маньку Прибыткову увидел. Боялась одна с берега идти.

– Отец-мать есть, братовья, а боязливая растёт, тихая. А у нас с тобой нет защитника…

Алёша идёт умываться – да и к сковороде, к жареным рыжикам.

Эх вы, грибочки, объеденье! Да не просто грибочки, а рыжички! Кто их не едал, тот и счастья не видал. Мягко-коричневые, частыми, мелкими пластиночками под шляпкой, с тяжеловато-притягательным запахом грибного, лесного, дымного, – как хрустят они на зубах, как обволакивает этим вкусным запахом нёбо и гортань! А как молоко парное усиливает этот вкус…

– Отца-то нет, – вздыхает мать. – Любил он рыжики-то. Собирать уж больно умел. Он ведь большущий, отец-то, был у тебя. – В который раз это всё рассказывает мать… – Ходит по лесу – всё в наклон да в наклон, в три погибели: ветки ломать жалел. Зато так ему и видно было все грибы. Рука большая была, вроде и повернуться-то ей – долго, а быстро собирал, незаметно. Мы с ним много грибов насаливали…

Утром, когда сон особенно прилипчив и сладостен, когда солнечный луч, пройдя сквозь стекло, размыкает ресницы, а всё ещё не веришь, что рассвело, когда сквозь недосып слышишь, как парное, шипящее молоко сквозь ситечко процеживается, когда знаешь, что опять надо пасти целый день, а ноги всё ещё ломота вытягивает, – утром мама, как всегда жалеючи, говорит тихо так:

– Лёша, вставай. Выгонять пора. Вон уж печки у людей протапливаются. – И, чтобы не успел Алёша снова уснуть, продолжает без перерыву: – Дым-то прямёхонько вверх идёт, не виляет. Вёдро будет.

Мама по утрам совсем не такая, как вечером. Весело бегает она по двору, улыбается Алёше: смотри, мол, утречко-то какое, скотина голоса подаёт, по радио никто про войну не говорит. Алёша чувствует себя взрослым рядом с утренней матерью – а что, ведь скоро уж до плеча ей – и представляет себя её заступником, надёжей и кормильцем. Это по вечерам, рядом с уставшей, измучившейся матерью он осознаёт себя недорослком, сиротиночкой, а сейчас – вот как!

Мать – маленькая, худенькая; из-за впавших щёк, тёмных больших глаз выглядит она болезненно. Но вот когда смеётся, когда радуется, то и щёки полнеют, и губы наливаются розовым цветом, и походка становится девичья, лёгонькая. А когда она ещё молодо руки закидывает, гребёнкой волосы поправляет, – как тогда идёт ей платье это скупо-розовое, с цветами сиреневыми! Вроде и не было никогда котомки пастушьей у неё за плечами, и вдовьего горя за плечами не было…

Да, а столоваться-то сегодня у Натальи Прибытковой, Маниной матери! Вспомнил об этом Алёша, и как-то не по себе ему стало. Но мама поторапливает:

– Давай скорей, Алёша!

Кроме Мани (Маруси! – вспомнил Алёша), в семье Прибытковых ещё мать, отец и двое парней: один большой уж, летом работает в колхозе прицепщиком, малой тоже за ним увивается, к технике льнёт.

Наталья – баба на удивление ворчливая, подковыристая, но это сверху, а изнутри – простодушная. Простодырой называют её в деревне. Она встречает Алёшу с матерью, стоит в стёганой фуфайке, в чёрной юбке, в чёсанках, с галошами на босу ногу. Говорит Наталья так реденько, в растяжку:

– Долго же… вы… спите… Корова моя… вся… изревелася.

Помыкивает корова Милка с чёрно-белой грустной, глупой головой. Корова эта смирная, одна никуда не бегает, придерживается стада. А молока домой приносит много.

– Картовка… простыла вся… пока вас ждала, – продолжает Наталья, отступая в глубь ограды. – Проходите.

Видно, какие широченные лопатки у Натальи. Сама она статью, как мужик, а вот дети её – что паренёчки, что Маруся – узколицые, тонкие, как хворост.

«Не знаю. Не грешна. Все от одного отца… от Фёдора… Не идут они у меня … в толщину, – говаривала Наталья соседкам. – И картовок им… не жалею, и корову… надсажаюсь держу. А… всё равно… только вверх идут, как дым».

На этот раз Наталья говорит мало. Сразу проходит на середь, снимает с большущей сковороды большущую же тарелку. Дух горячий, картошечный поднимается к потолку. Наталья прижимает к груди, к самому сердцу каравай, отрезая ножом широкие ломти хлеба. Одно это уже насыщает, входит в нутро, как пища. А аппетит не надо вызывать, есть он! Ведь он так часто вместо еды бывает…

Алёша снимает кепочку, кладёт на голбец, проходит к столу за матерью. А тут ещё грузди стоят в тарелке. Серые, скользкие, бьющие в нос солёным, хрустким. И зелёная, глазурью покрытая, – кринка на крае столешницы. В кринке сияет молоко.

У Прибытковых дом – на четыре окна, комнат в нём – две. В передней сейчас едят Алёша с матерью, а во второй, за кухонной дверью слышится обозлённый голос.

– Сиди дома, – говорит старший, – потому что твою кислую рожу со вчерашнего дни велено к трактору не пущать. Кислую твою рожу!

– Да, а мамонта… Я только мамонта погляжу – и домой. Один домой убегу – не побоюся! – ноет меньшой.

– Мамонта тебе… Вот так заверетеню тыквиной-то по

темечку! Мамонта. Над тобой поизгалялися вечор, а ты и поверил. Да мамонты все ишо при царе подохли, если хочешь знать. Реакция была!

– Дак ведь оне, мамонты, – где деревья погушше! – уверяет меньшой. – Где погушше – тамока оне! Ровно ты и не слышал, как трактористы рассказывали: мамонт в вересах лежит, трактором его можно в деревню увезти, на прицепе. На телеге оглобли не выдержат…

– Знаю, слыхал! Дурак ты, вот ты кто, если поверил!

– Шкуру бы мамонтову корове на подстилку хорошо, – хозяйственностью решил взять меньшой. И Алёше уж жалко Стёпку: так обманули…

– Корове мамонтову шкуру не надо: она не такая балда, как ты. В школе-то, вот погоди, тебе одни двойки будут ставить за твою дурную башку.

– Не пойду в школу!

– А куда ты пойдёшь?

– Трактористом ро-о-бить!

– Вот вечером папка придёт, изладит он тебе тракториста. Крапивой.

Ванька выходит на середь, видит соседей, смеяться перестаёт, чинно, занятно произносит «здрассьте» и, шумно сойдя с крыльца, деловито, широкими мужскими шагами проходит к нужнику.

Стёпка ревёт истошным голосом.

– Трактористы… будь оне… – ворчит Наталья.

И тут же выходит в переднюю Маруся, выходит так же медленно, как старший брат, только смирно, без важности:

– Здравствуйте.

А выразительные тёмные глаза её говорят: «Здравствуй, Лёша. Как хорошо, что ты пришёл. Я помню, как ты вчера меня проводил». Вслух же, подошедши к матери, она сетует:

– Просто не знаю, как с ним водиться, со Стёпкой, всё время ревёт.

– Счувай его… одёрни, – отвечает спокойно Наталья, подходя к столу и подкладывая в тарелку с груздями сметаны. – Ешь, Олеха. У нас сметана-то не куплена, не жалко.

Минуту назад Алёша радовался тёти Натальиной доброте, думал о том, что ворчит она только для виду, а кормит хорошо –не скупится; он разохотился и ест незаметно для себя с присвистом, конфузливо подталкиваемый матерью. Надеялся: спит, наверное, Маруся и не увидит, как он у них ест. Но тут вышла она, и Алёша чувствует такой стыд, такое горячее чувство обдало его изнутри, что ему показалось, будто молоко от его дыхания заскрипело, вскипая. Понял – ему хотелось с самого утра её увидеть, то ли потому, что почувствовал после вчерашнего своё над ней покровительство, то ли так уж вдруг обнаружил, что живёт с ним рядом не имя-фамилия Маруська Прибыткова, а такой вот человек, девочка, с жидкими косичками, с глазищами, как из тёмной густой воды, хрупкими ногами-соломинками.

– Ой, да я вот так уже наелся. Я и есть-то не хотел! – говорит он, не глядя на Марусю, но, так плотно ощущая на себе жалеющий свет её глаз, что страшным ему кажется сейчас выходить из-за стола, из дома, из ограды... Добро бы хоть хорошо знакомая девчонка была, добро бы, когда играл с ней, дрался или на санках с горки катался! Она была такой незаметной всегда, вроде её и не было, – и вот перед ней-то такая виноватость вдруг.

– Сегодня солнышко целый день будет. Пасти-то хорошо, – говорит Маруся и уходит обратно к своему Стёпке.

Алёша произносит:

– Спасибо.

Под окном, не глядя на дом родной, проходит к бригадной конторе Ванька, и Алёша завидует: скорей бы вырасти с Ванькино, тоже бы на разнарядку ходил, у техники был. А то пасти – конфуз один перед девчонками.

Он мысленно благодарит Марусю за то, что она ушла и ему не надо больше краснеть. Наталья ему говорит:

– На доброе здоровье. Дай-кось мешок-от.

И Наталья идёт на кухню. Сейчас положит чего-нибудь в котомку. Маруся бы не увидела... Но не возьмёшь котомку обратно, и отказываться от харчей нельзя. Это ведь не только плата за пастьбу, а ещё и угощение. А угощение – не унижение: все соседи приносят друг дружке стряпню – помянуть убиенных на войне, просто во здравие уцелевших; и отказываться от приношения нельзя – это значило бы отказываться от памяти об односельчанах, от радости за тех, кто выжил. Это хорошее дело – доброта, подмога, с войны ещё привычка к ней осталась и посейчас держится.

Может, там, на войне, отцу в его последний час вот такой подмоги не хватило, чтобы остаться живым...

Стадо погнали сначала по взгорью, зелёному издали, а на самом деле — обесстравленному уж, избитому коровьими копытами. Это большое взгорье, долгое. Коровы на нём останавливаются только потому, что натощак вышли, с голодухи. Вооб ще же они чувствуют берёзовую рощу впереди, с непокосными полянами и ложками, с пучками травы меж кустов вереса. Мать всегда радуется, когда трава подходящая находится, радуется набухающему вымени каждой коровы. Она восторженно встречает любую малюсенькую удачу, хоть свою, хоть соседскую, благодарит судьбу за неё и с любовью говорит о счастье, которое, несмотря на беды, не покидает людей.

– Вот, Лёша, как хорошо, – говорит она. – Сторонка родимая, другой такой не отыщешь... Хорошо и жить, и умирать там, где родился. Всё говорят – страшно. А по мне – если на родине умирать, за счастье надо почитать. Все тебя знают; если худа не делал — добрым словом помянут, родным помогут и на могилку придут. А и худо делал – глядишь, простят неживого-то.

Мать говорит о смерти так же просветлённо, как и о дне хорошем, о восходе солнечном, как о птицах, о песнях. Мрачнеет она только, когда вспоминает, что отец погиб на чужбине...

Утро выдалось радостное и светлое. Так явственно различимы цвета вокруг, так беспрепятственно проникают они душу. Вот едко-зелёные, покрытые остреющими иголками кусты вереса; кажется, эти кусты созданы только для того, чтобы жалить, к себе не подпускать, а нет, ягоды на них – круглей круглого, нежно-фиолетовые и нежно-сиреневые, дымчатые, на ощупь – мягкие, бархатистые... А вот тропинка между кустами, по которой идёт Алёша, – приглушённо-орехового цвета, на взъёмах переходящего в желудёвый, а на спусках, куда солнце падает, — в серебряно-сизый...

Уж конец августа подходит, и слева от взгорья лежит свежая вспашка – чёрная-чёрная; кажется, что она медленно движется далёким-далеко – в чистейшее, разбавленной голубизны небо. На небе ни облачка пока что, и солнцу не в чем растворяться, поэтому оно сейчас такое крепкое и чётко-круглое. Оно приподымается над жёстко зелёным хвойным лесом и режет глаза. Тепла от солнца нет пока, только свет — он на листьях, на коровах, красных особенно, на тропинке; крыши внизу, в деревне, — как зеркала, и жёлтой слюдою поблескивают окна домов. Река отсюда, со взгорья, кажется неподвижной ленточкой фольги, как попало брошенной на луга. Алёше удивительно, что вчера вечером, вблизи, вода была такой живой, чёрной и пугающей.

Отчётливо, как на только что переведённой атласной картин-

ке, виден березник справа. На охристом фоне стареющей листвы белизна стволов издали пронзительно сказочна. Притронуться к ним, кажется, было бы стыдно, кощунственно.

А воздух утренний – такой росистый, такой бесконечный, будто не ты им дышишь, а он тебя всё прихватывает, прихватывает, растворяет в себе, рассеивает, и тебе от этого так легко, словно нет у тебя ни веса, ни ног, ни рук — ничего, только зрение одно и душа одна. Кажется, что ты вот этим воздухом, этой невидимой бесконечностью был вечно, жил всегда, но как память о другом, чужом тебе мире осталось бывшее когда-то: коровы, вица в руке, мешок за спиной...

Что же это? Прикосновение к бесконечности? То лёгкое, радостное исчезновение, о котором без страха говорит мать, растворение в вечном, вечно сущем?

Однако всё водворилось на свои места. Вот и березник. «Земляники-то тут!» – вспоминает Алеша.

Трава в березнике тонка, но густа, обволакивает ноги, и земляника в ней крупная, влажно-красная. Каждая ягодка свисает со стебелька огромной зоревой каплей, и удивительно, как он выдерживает её: гнётся, тонюсенький, обтянутый нежным тёмно-малиновым шёлком кожицы, – гнётся, но выдерживает. Только наклонись – и увидишь вокруг множество ягод. Только притронься к ягоде – она сама упадёт в ладонь. Она тебя ждала, она тяжёлая, она вобрала столько сладкой влаги, столько берёзового воздуха! И стебелёк, от неё освободившись, прощально и раскованно вздрогнет, выпрямится и сразу взглянет на солнце: давно он, занятый своей ношей, не видел неба.

Стадо гнали поперёк берёзовой рощи совсем недолго, но Алёша успел насобирать полбанки ягод.

Подошли к просеке.

Просека прорублена для высоковольтной линии. Здесь, и на следующей горе, и на следующей – везде вровень с этой просекой прорублены такие же. На месте бывших деревьев разрослись кусты вереса. По бокам просеки, у леса, отстаивают свою жизнь бархатные безвинные пихточки. И ёлочки, так простенько одетые по сравнению с пихтами, тоже на снисхождение надеются и потому спешат вырасти до приезда высоковольтников, впитывают в себя яркие краски солнца, стойкость подземных камней, забираются корнями поглубже, понедоступней. Почувствовав простор и свободу, на просеке стала и трава расти. Благодать здесь коровам!

Вот на этой просеке растёт удивительная земляника.

Здесь она не в листве, не в земных соках главную силу берёт, а из воздуха, от солнца. Потому ягоды здесь не так круглы, как в роще, но зато твёрже, темнее, жёстко-красного цвета! Каждая земляничника усыпана железистыми искорками. И мало притронуться к просековым ягодам, чтоб они упали в ладошку, – даже самые спелые прочно прикреплены к стебельку! Эти ягоды слаще, запах от них неповторимый, на всю просеку – жарко-ароматный, обвораживающий. Принеси в избу, оставь банку, отпотевшую от них, открытой – и земляничный аромат пронижет всё в доме. И душа становится мягче, и кровь чище, и жизнь – в счастье.

Стадо обрадовалось просеке: теперь оно надолго здесь задержится.

– Мама, я землянику пособираю, пока скотина стоит, – просится Алёша.

И вот сыплются они в банку, ягоды просековые. Бросаешь их, а они не разбиваются, не мнутся, не оставляют красного следа на стенках. Банка всё выше, выше наполняется земляникой, и как хорошо, что она стеклянная, – солнышко проникает в неё, и когда вечером пойдёшь домой, то будет видно каждому издалека, что банка полнёшенька ягод. Как будто красный фонарь с искрами несёшь...

Под большим вересковым кустом Алёша натыкается вдруг на редкостный кустик земляники. Стебельков от одного корня растёт так много, такие высокие эти стебельки и столько ягод на каждом, что это выглядит как букет. Букет ягод.

Вот какое чудо выросло, вызрело! Жаль обрывать. Но...

«Отдам его Марусе. Весь унесу с собой», – внезапно думает он. И вспоминает, какие глаза у нее чернущие, какие веснушки бледные, какая боязливая она и простая, как вчера вёдра несла ему... Почему-то стало стеснительно этого воспоминания, и Алёша старается повернуть мысли на другое: «Если бы она ягоды каждый день ела, такая бы худая не была... Малокровие!»

«А мама? – вдруг вспоминает он. Ему стало стыдно, что он чуть не забыл о ней. Так неожиданно появился у него человек, о котором он стал думать заботливо. — И маме тоже букет насобираю. И маме».

Недалеко от первого земляничного кустика он нашёл ещё, поменьше, но тоже с длинными стебельками, и стал окладывать ими главный букет. В банку он одиноко растущие земляничины бросает, главное теперь – о букете думает. «Видишь, как, – говорит он себе, – дружно росли, вот и сделались баские».

Насобирал Алёша большой букет, сел на тёплую поляну и стал делить его на два. Делит поровну: не только чтоб ягод было одинаково, но чтоб и выглядели красиво. Перевязывает стебельки гибкими травинками натуго, чтоб не рассыпались, и кладёт оба пахучих букетика на верх банки.

Подходит к матери.

Она тоже ягоды собирает: наклонится, распрямится, опять наклонится – словно не просто ягоды берет, а деревьям за каждую кланяется.

– Охтимнеченьки! – удивляется она. – Сколь скоро насобирал-то!

– Вот букетик тебе.

– Ой! – мать берёт ягоды – и как смотрит на Алёшу! Будто вот и отдарил он её за всё, что она дала ему, что сделала для него, вот и отдарил... Она кладёт свой кулёчек из газеты на траву, садится рядом. В кулёчке земляника из рощи, только поверку немного с просеки, и поэтому нутро кулька всё в земляничных пятнах, так что даже от газеты пахнет ягодным соком.

Мать растягивает радость, только попробовала из букетика, любуется им.

– А свой-то букетик – ешь давай. Аль жалко?

– Я... не себе его.

– Кому нето?

– М... Марусе Прибытковой.

Мать долго молчит, смотрит на просеку, на стадо – не разбежалось бы, – потом говорит:

– Скоро уж ты совсем большой будешь. – И добавляет: – Прибытковы – люди простые, негордые. Сколько они нам помогали! Так ты уж Марусе и отдай, одной ей, а то робята ихние ишо отберут, сами съедят. Они себе и сами насобирают, большие уж. Ванька вон у них на тракторе робит.

– Конечно! Ей самой... – Алёша вздыхает: – Мне тоже на тракторе охота поробить.

– Ну, подрастёшь ишо сколь – отпущу. На тракториста учиться надо, а то, может, в прицепщики бы взяли, дак прицепщиков-то в деревне больше, чем трактористов... Недорослков много, а мужиков в силе, в могуте – с войны мало вернулось...

Так они разговаривают, и мать отдаёт Алёше ягодки из своего букетика, и он берёт их, а про второй они молчат.

– Помнишь, когда у нас Трифон, бригадир, землю надумал отрезать? – вспоминает мать. – Так отрезать-то задумал им Прибытковым. У них семья большая, а нас с тобой двое осталось. Вот. А я уж захворала тогда, год провалялась. Ты, поди, помнишь... То ли колхозница, то ли нет... Дак Наталья отказалась, в правленье сколь бегала, в сельсовет, за нас заступалась. И когда на тракторе своё пашут, то уж и наш проулочек захватят, помогут. Нас не хотят обижать и отца добром помнят.

Вот и вечер приблизился. Пора стадо гнать домой. По взгорью – это во сколько раз короче, чем по логу. Но труднее.

Вначале хорошо и здесь. Дорога ещё пологая, и скотина радуется, что скрылась от неостывающей жары, попала под широченные тени сосен. Отдыхает скотина. Но нельзя ей дать разомориться: вон уж которые коровы и прилечь готовы. Распирает им вымя. Алёша с матерью на них покрикивают чтоб шли дальше, не останавливались.

Но вот круче дорога, крупней камни на ней, всё выше и головокружительней сосны — стволами своими внизу они далеки друг от друга, а вверху встречаются ветвями, плывут под солнцем...

Коровы идут устало, каторжно. Однако среди дорожных тусклых камней вдруг почувствует какая из них былинку – тянется за ней, склоняет тяжкую выю... И не лень ей, и не жаль сил. То ли былинка так притягательна на вкус, то ли по привычке запасается корова силой на будущее.

Козы – те оступаются в следы от больших коровьих копыт ссаживают коротенькие ножонки, задавленно взмаргивают и останавливаются. Мокрая шерсть клочками, сосулькам свисает с них, раздавшиеся бока часто-часто ходят, глаза виновато-пьяные... Марта чувствует себя легче. Она шагает, не отступая от Алёшиной матери, а мать идёт по обочине дороги, по мху. Вровень с Мартой шагает прибытковская корова Милка – будто знает, что она Марте соседка и лучше всего идти с ней рядом.

У этой дороги есть щадящая особенность: всё в гору да в гору идёшь, потом – внезапный поворот налево, а за ним, оказывается, и сосны, и подъём кончились, а впереди открывается взгляду спуск.

– Ох, – облегчённо вздыхает мать. – Две минутки полежу, две минутки. – Она ложится на траву, кладёт руку на голову, прикрывает глаза, а другую руку пристраивает на бок себе, вдоль тела, и вот эта рука бьётся сильно, быстро, будто сердце из груди стремится сюда, в руку,

Алёша тем временем веники ломает: на зиму сгодится. Не в бане париться – Марте на корм. Сена всё равно вдосталь не запасти.

А скотина не больно ждёт пастухов, пока один веников наломает, другая на боку полежит. Завидев с горки родимое село, унюхав сыздаля родные хлевушки, коровы тоскующе замычали, козы замекали встревоженно, поозирались на пастухов – да и драть с горки к знакомым запахам. И теперь уж никакая былинка не может задержать их, никакой хлыст остановить. Да и не надо. Бегите, родимые, пёстрые, спотыкающиеся, парным молоком пропахшие! Бегите, вон ребятишки в кринки смотрят!

С горы спускаются трое: мать, Алёша и Марта. Алёша думает о Марусе: как он ей ягоды подарит и будет ли она рада; а мать думает о том, что в школу придётся Алёшу к сентябрю опять отпустить и остатки срока одной допасывать... Зато, по её подсчётам, зима должна оказаться не такой уж и бедной.

Алёша бережно несёт банку с земляникой и пучок ягод. Они стали томлёными, стебельки ослабли... Скорей домой!

Открывая ворота и впуская во двор Марту, мать улыбается и спрашивает:

– Что, сразу пойдешь к Прибытковым-то?

– Ага.

– Молока бы с ягодами похлебал. Раз уж мы по вечерам у людей не едим.

– Я потом. Я успею. Я скоро приду.

Во дворе у Прибытковых мычит Милка. В окнах дом. никого не видно. И Алёше вдруг захотелось убежать обратно. Как же увидеть-то её, Марусю? Не вызывать же!

Спрятав букет за спину, чтоб не увидел никто, Алёша с независимым видом проходит мимо прибытковских ворот. Сразу за домом – маленький садик. В нём растут сирень, черёмуха и малина, а к огородным дверям примыкает грядка тыквы.

Алёша удивляется: ветра нет, а листья громко шелестят в садике. Это Маруся, раздвинув ветки, зовёт Алёшу!

– Айда сюда, в садик! Я давно жду, когда вы пригоните. Мамке сказала, что тыкву поглядеть пошла: поспела какая – нет.

Маруся зовёт, стараясь высунуть из листьев лицо, но они, как живые, дурачатся, лопочут...

– У! Наросли тут! – с раздражённой озабоченностью говорит Маруся и осторожно добавляет: – Мне с тобой поговорить надо!

– Через забор?

– Не! Айда сюда!

– Тётка Наталья заругается!

– Не! Она меня уж сколь не ругала! Не за что.

Алёша проходит через двор в садик – озирается.

– Я тут давно тебя жду. Местечко нам посидеть приготовила. Хорошая изба получилась. И дождик пойдёт – не вымокнем.

Алёша видит: в углу, между тыквенной грядкой и стеной двора, стоят рядком подсолнечные дудки, а на верха дудок, в разорванные их раструбы, положены ещё такие же дудки, лёгкие палки и дощечки. Всё это сверху прикрыто половиком: крыша. Вместо стен доски и газеты, палочками прикреплённые к дудкам. А где дыра, пустое, неприкрытое место, – это, видать вход.

– Избу я высокую ладила, чтобы крышу головой не сшибить. Ежели чё не так – ты поправь. Я давно хотела изладить, чтобы в ней играть. Да одной неинтересно. Давай заходи.

У Маруси испуганное, побледневшее аж до голуба лицо.

В «избе» хорошо. Самое главное, что бросается в глаза, – это чистота. Под ногами – подметённая плотная земля, а комочки земли, мелкие подсолнуховые корешки, щепочки – всё это выметено за пределы «избы», к изгороди. К оградной стене прилажена скамеечка: досочка, вставленная в паз меж широких оградных брёвен и снизу подпертая чурбачком.

– Ну вот, садись, – говорит Маруся. – Стола только нету!

– А где ребята-то у вас? – спрашивает Алёша. Он боится, что увидят они его здесь и засмеют.

Маруся не слышит его вопроса. Расширив глаза, она смотрит на землянику. Присела на корточки, так что костистые коленки спрятались, и платьице достало чёрный пол, и смотрит.

У Алёши заныла в груди щекотливая радость. Ведь как это хорошо: вот захотел — и сделал подарок. Ну маленький, ну непокупной, а всё равно. Так радостно от этого, что кажется, будто всему миру, всей жизни сейчас его несёшь, а не одному человеку, не только Марусе.

– Это чё?

– Это я тебе нарвал в лесу сегодня. Ешь.

– Не! – быстро-быстро крутит головой Маруся.

– Чё ты! – обижается Алеша. – «Не!» Я тебе собирал. Вот и бери.

– Тебе не жалко, что ли?

– Чего тут жалеть? В лесу много ягод.

– Я знаю. Я сама собирала в пятницу. А таких не видала.

– Вот и бери.

– Я сейчас лопушок сорву, и мы туда их положим.

Приносит лопушок, сворачивает кульком, жилками книзу. Алёша ставит пучок ягод в кулёк.

– А я тебе чем за них заплачу? – спрашивает Маруся.

– Да чем? Да ничем.

– Нет, так нельзя. Надо чего-нибудь... баш на баш. – Маруся поджимает губы, долгонько молчит, будто трудно соображает, как лучше решить, а сама уж давно знает, утром ещё знала, вчера ещё вечером, чем завоевать Алёшино доверие. И вот она шепчет горячо, быстро, будто только что придумала:

– Я тебе картинок дам. Мне крёстная из городу прислала. Они у меня в «Родной речи» лежат. Ты не думай, – признаётся она, – я бы тебе их и так дала, разделила бы поровну, а ты вот ягоды принёс, как же я тебе не дам, конечно, дам. Ты мне подарок – я тебе. Так и надо жить. Если друг дружке не уноровлять – жизни не будет. А особенно в соседском деле. Ты маленько погоди, я за картинками сбегаю.

И она убегает в дом.

Алёша сидит на корточках и думает: нет у него сестёр и братьев, а Маруся теперь вроде как сестрой ему становится. Ещё бы как-то с Ванькой подружиться, но он большой, к нему подобраться трудно.

Приходит Маруся. Приносит тетрадку. Не простую – общую, с гладкими картонными корочками. На лицевую сторону корочки переведена курица с выводком цыплят. Курица чёрненькая, в белую крапинку, а цыплята – пушистые, жёлтенькие, как яичный крутой желток. На задней обложке – петух с распущенным блестящим, многоцветным хвостом,

– У меня альбом будет – все девки обзарятся, – говорит Маруся, присев перед Алёшей на корточки. – Только я песен мало знаю. Картинки у меня свои есть, только стишков мало. Вот, гляди. Это я сама рисовала. Это барышня.

У барышни – чёрные кудри круглыми кольцами вокруг тоже круглой, как солнце, головы... Щеки красные, как яблочки. Глаза голубые. Полукруглые ниточки-брови. Длинные и прямые, как лучи, ресницы. Фигурные малиновые губы. А платье с такими цветами, которые в здешних местах не растут, и такого фасона, какого здесь не шьют. Полуботиночки на каблучках. Часы на руке!

Алёша смотрит на барышню пренебрежительно, а закрывать страницу не хочется. Маруся мечтательно, с тихой тоской глядит на неё и виновато, заискивающе говорит:

– Мне срисовать барышню неоткуда было. Я так, по памяти. В книжке она такая описана. Не знаю, как получилось.

«Сама нарисовала! – поразился Алёша. – Сама придумала».

– Вот тут частушки, – Маруся переворачивает страницу.

Частушки написаны в строчку: «Незабудочка цветочек незабудочка трава не забудь меня милёнок не забуду я тебя». «У меня в ограде шуба шуба шуба у меня у меня милёнок Шура Шура Шура у меня».

– Это частушка такая, про Шуру, – спешит объяснить Маруся.

Там, где написано про незабудки, – рядышком, вереницей одна за другой, нарисованы незабудки. А там, где «Шура Шура», нарисован дом – разноцветный, яркий, с резными крашеными наличниками, и в доме раскрыто окошко, и в нём сидит барышня, облокотившись о подоконник, и глядит во все свои невероятные глаза.

– Она долго ходила по улице, ждала своего кавалера, потом устала и пошла домой. Теперь из окошка смотрит, – обсказывает Маруся. – А дальше у меня карандашом написано, чернил не хватило.

На следующей странице переписана песня: «По долинам и по взгорьям шла дивизия вперед...»

– Тут не знаю, чего рисовать. Про войну не умею. Может, когда чего подрисуешь? Когда переводные танки в заготларёк придут, я прилеплю сюда.

– Я как-то даже самолёт переводной видел. Его сюда хорошо бы.

– Наверно, бывают и самолёты. Но до деревни не доходят. Ребята в городе раскупают.

– Само собой.

– Вообще-то, если хочешь, я тебе домой могу дать почитать. Можешь всё прочитать. Только там есть бессовестное – про любовь... А в конце тетрадки много новеньких картинок, я их пока не прилепляла. Возьми себе.

– Не знаю.

– Возьми. Если станешь ладить себе альбом, я могу тебе чего-нибудь нарисовать. Я сейчас учусь розу рисовать.

Так они всё разговаривают, а ягоды всё лежат в кулёчке, а воздух нежный, тихий, пахнет землёй и тыквами, небо над лесом горит малиновым огнём с солнцем в середине...

В это время слышатся шаги в ограде, стук двери, и в садике появляется Ванька. Он сердитый, чумазый, колени в солярке.

– А, это ты, Манька, – он глядит резко, по-мужичьи. – Я думаю, кто разговаривает.

Ни земляники, ни альбома он, кажется, не замечает. Алёшку, однако, спрашивает:

– Чё, пригнали уж стадо-то?

– Пригнали.

– Я всегда в одночас с тобой трактор ставил, – ревностно стал объяснять Ванька, – а с третьево дни у нас – аврал. – Ванька с удовольствием протягивает это слово. – Тятька ещё остался в эмтээсе насчёт дров договориться.

В это время в садик стремглав залетел Стёпка. Под носом у него подпрыгивают две развесёлые капли.

– Ванька-а! Мне тятя в обед гайку принес! Навовсе!

– Балда ты, – устало говорит Ванька.

– Ванька-а-а! Айда, покажу гайку! С резьбой! Завтре возьмёшь меня с собой? Возьмёшь? А? Гайку в како место привернём – чтоб трактор пушше робил!

– Шиш тебе, – Ванька подумал и хохотнул: – Мамонта твоего се дни видел.

Издалека, откуда-то от моста, слышится тракторный гул.

– Не папка ли едет? – беспокойно спрашивает Ванька и уходит на улицу. За ним – Стёпка.

– Ой, я ведь тебе вот что хотела сказать! – торопится

Маруся. – Само-то главно чуть не забыла! – Она останавливается, неуверенно смотрит на Алёшку:

– Давай, Алёша, дружить. А то у меня дружить не с кем. Моей ровни близко нету. Ты хоть и парень, но с тобой дружить можно.

– Ну давай, – краснеет Алеша.

– Мы можем никому не говорить, что дружим, а то дразнить будут.

– Ну давай, – отворачивается Алёша.

– Видишь, как у нас всё хорошо получилось, – радостно говорит Маруся. – Ты мне ягоды принёс, я – картинки тебе. Давай наперёд друг с дружкой делиться, если кому что перепадёт. Тогда мы будем друг дружку уважать и дружба дольше протянется.

– Ну давай...

– А ягодки я не всё съем, сколь-нибудь Стёпке дам, а сколь останется – посажу в грядку: может, они вырастут.

Алёша не ответил.

Маруся помолчала-помолчала, потом спросила:

– Ты завтра придёшь?

– Ладно...

Тракторный треск уже совсем рядом, он – с наплывами, перепадами. Показался трактор, а за ним – прицеп, гружёный дровами. Дрова – берёзовые, маслянисто-жёлтые на сколах, сахарно-белые поверху. Шелестящие берестовые плёночки полетели на ветки сирени.

– Ой, тятька дров привёз! – хлопнула себя ладошками по платьишку Маруся.

И тут же тётка Наталья во дворе заговорила:

– Да где это Маруська-то у меня? Посчувала бы Стёпку, ревёт там. Трактористы, будь оне...

– Я иду, мама! – откликается Маруся, а Алёшке говорит:

– Завтра придёшь, мы и посмотрим, отрастут ягодки или нет.

Она убегает искать Стёпку. Алёша выходит на улицу. Там уже летят из кузова поленья – со струнным звоном ударяются друг о дружку, бересту относит к воротам.

Фёдор Прибытков стоит в кузове, с маху по два полена враз сбрасывает, кричит готовому к работе Ваньке:

– Берегись там!

Тётка Наталья бегает по ограде с метлой: расчищает в углу под надёжной крышей место для будущей поленницы.

Алёша видит: у крыльца стоят тяжёлые носилки со следами земли, глины и навоза. Он боязливо подходит к Ваньке:

– Слышь, Вань... Давай это... давай носилки возьмём, да носилках дрова-то...

Ванька смотрит на Алёшу серьёзно, не смеётся.

– Тяжело, поди, будет.

– А мы помаленьку, – радуется Алёша.

Они идут к носилкам, берут их, несут. Ванька идёт спереди и его край носилок чуть выше Алёшиного. Алёша приподнимает руки, чтоб было вровень, и сызбоку смотрит на дядю Фёдора. Тот пока ребят не видит, он, как заведённый, бросает вниз два да по два полена. Лицо у него мокрое, сапоги – в берестовых шелестинках. Слышно его ускоренное дыхание.

«Хорошо я подоспел, – удовлетворённо думает Алёша. Помогчи надо».

Из окна смотрит Маруся.

...Солнце между тем красивое, огненное, закатывается. Жалко бы его отпускать. Но оно людей не слушается...

КРАЕВЕД

Расима ИБРАЕВА

региональный экоцентр

Кто задумывался, сколько на свете журавлей, и какие они? Наверное, мало кто. А они представители одних из самых интересных, но весьма уязвимых групп птиц на Земле. Обитают они на всех континентах Земли за исключением Южной Америки и Антарктиды. В целом известно 14 видов журавлей и подразделяются они на три рода: настоящие журавли, красавки и венценосные журавли. Самый высокий из журавлей – индийский. Его рост до 180 с самый массивный – японский: взрослые птицы весят до 10 – 12 кг при высоте чуть больше 150 см. самый мелкий журавль – красавка. Ее рост не превышает 95 – 97 см, а масса тела – 3,5 кг.

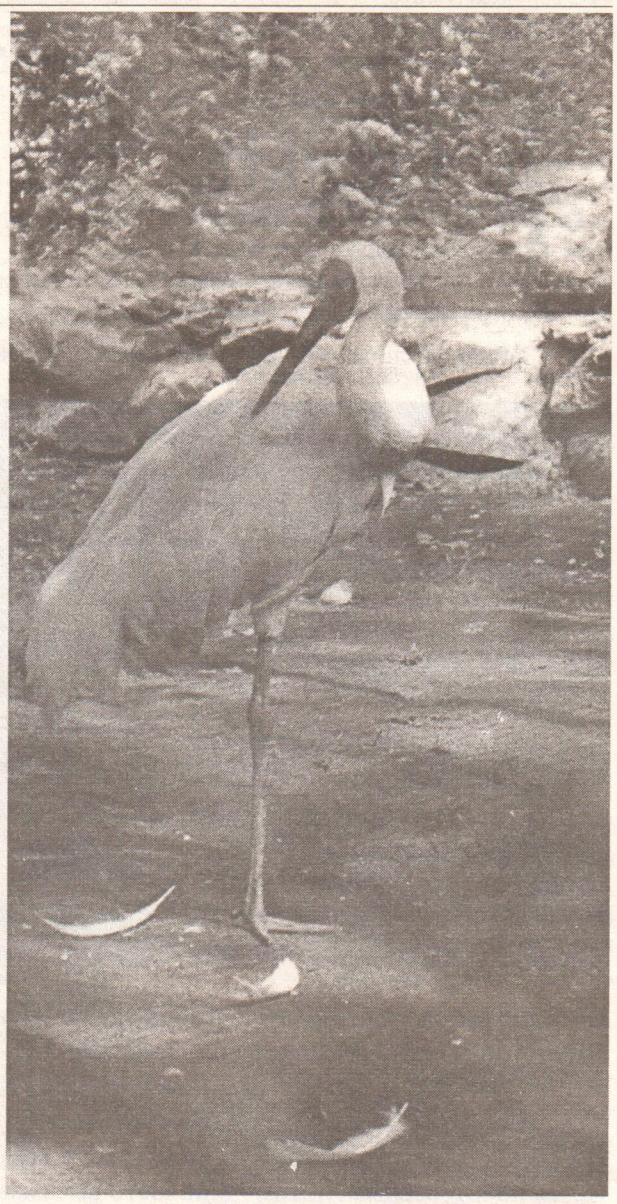
Сокровищем Азии является – стерх, крупный журавль весом около 7 кг, ростом 140 см. Он типичный реликтовый вид, эндемик России, и один из самых малочисленных и уязвимых видов журавлей, поэтому основная ответственность за его сохранение лежит на нашем государстве и на нас.

Изящное, идеально белое оперение, изысканно сложный танец и «серебряный» голос притягивают людей к этому журавлю тысячами лет. Коренные народы Севера, где гнездится сибирский белый журавль – стерх, обожествляют эту птицу.

Для западносибирских хантов и манси стерх – важный персонаж мифологии и религии. Это тотем и олицетворение счастья. Белый журавль является непременным участником Медвежьего праздника. У хантов и манси существует запрет на посещение болот, где гнездятся стерхи, чтобы не причинить им беспокойства. В Западной Сибири и Якутии верят, что встреча со стерхом предвещает удачу и может исцелить больного человека, а нанесенный ему вред навлечет беду. На зимовке в Индии этих журавлей называли «птицами – лилиями». Возможно из-за их поведения на воде. Стоя на воде и опустив клюв глубоко в болотный ил, они отыскивают корм – мелких животных (мышевидных грызунов, яйца и птенцов, реже рыбу) корневища и клубни водных растений. При этом наблюдателю со стороны напоминают водные лилии. Спектр кормов стерха меняется в зависимости от сезона. По сравнению с другими журавлями, у стерхов – самый длинный клюв, а их местообитания ограничены переувлажненными болотными комплексами в Якутии, ХМАО и в районе поселка Уват на северной границе Тюменской области.

Почти все журавли являются перелетными птицами. Во время двукратных ежегодных миграций они, в большинстве случаев, преодолевают огромные расстояния. В частности миграционный путь стерха с мест гнездования в За-

Стерх — северная птица счастья

падной Сибири до зимовок в Индии составляет около 6 тысяч километров. Еще более длинный путь совершают стерхи, гнездящиеся в Якутии – они летят до реки Янцзы в Китае. Сезонные миграции требуют огромных энергетических затрат, которые необходимо регулярно компенсировать. Поэтому эволюционно сложился особый порядок и очередность (своего рода стратегия) реализации сезонных миграций с минимальными затратами энергии и времени.

В конце августа, когда болота в Арктике уже начинают замерзать, пары журавлей с подросшими птенцами отправляются в длинный путь на юг. Пролет обычно начинается поздним утром, при ясной погоде и попутном ветре, позволяющим журавлям подняться в небо с восходящими потоками теплого воздуха. Там, на высоте, они преодолевают сотни километров по пути, проложенному предками, а с наступлением сумерек садятся у болота или озера, которое помнят с прошлых перелетов. Именно так, от одного болотного массива до другого и проходит каждый дневной перелет. Стерхи очень требовательны к условиям обитания. Они нуждаются в обширных пространствах болот. Плотины и дамбы, возводимые человеком для сельскохозяйственных и коммунальных нужд, кардинально изменяют естественный гидрологический режим и приводят к деградации водно-болотных угодий и болота часто высыхают. Новым фактором, угрожающим состоянию гнездовых местообитаний стерха в Западной Сибири, становится нефти - газодобывающая промышленность.

Стерх относится к числу видов, находящихся под угрозой полного исчезновения. Проблема его сохранения стоит достаточно остро уже много лет. Например: в 1974 году на зимовках в Индии наблюдали 75 птиц, а к 1996 году их сократилось до единственной пары. **В 2002 году исчезла и эта последняя пара.** Иранская популяция зимующих стерхов, насчитывающая 10-12 особей, оставалась стабильной в течении 1978-1998 годов., а потом стала постепенно уменьшаться – в 2007 году зарегистрирован только один самец стерха. В Китае численность стерхов на зимовке в бассейне оз. Поянху в 2005 году составляла более 3000 особей. Обская популяция стерхов насчитывает всего несколько особей! Это самая редкая из наших птиц. В рамках решения данной проблемы был создан международный проект, целью которого является поддержание экологической целостности сети водно-болотных угодий, обеспечивающей важнейшие местообитании для многих видов перелетных птиц, в том числе для белого журавля-стерха. Для спасения белого журавля, нужна и Ваша помощь. Если Вам повезло, и Вы встретили эту редчайшую птицу, заполните анкету, отрежьте и отправьте, указав свои координаты, чтобы могли с Вами связаться, в случае необходимости.

по адресу:628458, заповедник «Юганский», с.Угут, Сургутский р-н, ХМАО-Югра
тел. 8 3462 737834

АНКЕТА

Ф.И.О.
Дата встречи
Место встречи *(как можно подробнее: ближайший населенный пункт, если есть координаты GPS и т.д.)*
Описание местности *(болото, берег реки (какой?), лес, озеро (название) и т.д.)*
Сколько птиц встречено? *(были ли среди белых птиц буроватые, сколько?)*
Что они делали в момент встречи? *(пролетали, кормились, гуляли с птенцами)*
Другие детали встречи, важные на Ваш взгляд *(может быть птица имела цветные кольца, или передатчик с антенной?)*
Еесли вам рассказали об этой встрече*, укажите с чьих слов записано и как связаться с этим человеком.*

ЧУДАКИ

Елена ХРАПОВА

«В эфире – центр СССР!»

Забавные люди эти радиолюбители, готовы сутками сидеть за рацией, чтобы общаться с такими же фанатами. К слову сказать, радиолюбительство – хобби многих богатых и знаменитых людей. Шейхи, принцы, даже покойный Папа римский были радиолюбителями. Но просто выходить в эфир из своего дома многим кажется неинтересным, потому они часто выезжают в какое-нибудь экзотическое место вместе со всем оборудованием, и общаются со всем миром оттуда.

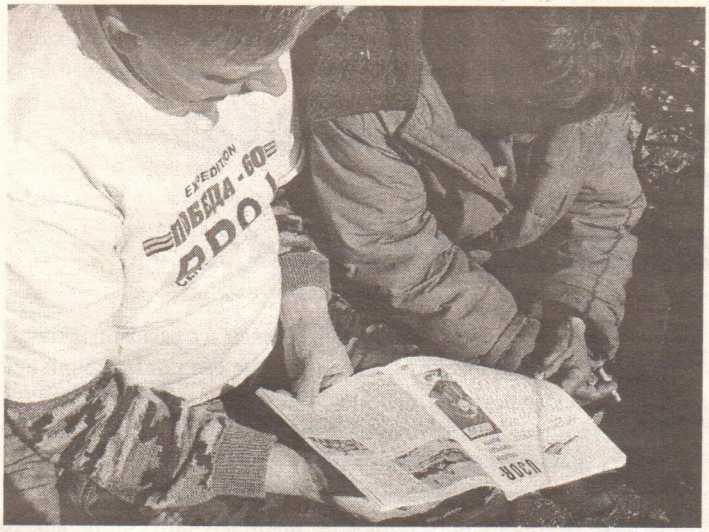
С 1974 г. стал проводиться Мемориал Победы. До этого каких-то акций, посвященных памяти фронтовиков, в эфире не было. Открытие мемориала хотелось сделать значительным, запоминающимся, потому радиодесант, которому предстояло первым выйти в эфир, вылетел в географический центр СССР. Координаты его ученые-географы вычислили как раз незадолго до этого, эта точка находится в труднодоступных болотах на северо-востоке Ханты-Мансийского округа.

Операторы Иван Казанский, Олег Неручев, Борис Рыжавский и журналист Лев Быковских вылетели туда из Нижневартовска вертолетом и работали в эфире 8-10 мая. Они летели на МИ-4, где бортмехаником была Людмила Кошиль (единственная тогда женщина-вертолетчица в СССР). По летным правилам бортмеханик обязан первым выходить из вертолета, и мужчины шутили, что в центр Союза первой ступила грациозная женская ножка. Однако они поспешили с выводами. На этой земле издавна пасут оленей ханты из рода Прасиных, и не успели еще радисты развернуть антенны, как к ним пожаловали гости – Данил и Илья Прасины.

С тех пор мемориал Победы в эфире проводится ежегодно. Но более 30 лет сеансов связи из центра СССР не было – смельчаки, рискнувшие слетать туда, нашлись лишь в 2005 г. В десант-2005, который возглавил Валерий Нестеров, вошли восемь радистов из Нижневартовска, Мегиона и Новосибирска. Вылетели туда 4 мая. Поскольку географический центр СССР приходится на озеро, а вокруг него заболоченная местность, приземлились чуть в стороне. Вскоре на лыжах пришли двое охотников. Оказалось, это тот самый Илья Данилович Прасин, ч[illegible] с отцом навещал первую экспедицию. Илье было 20 лет, и он прекрасно помнит радистов и «шибко красивую вертолётчицу». А теперь рядом с ним был его сын Кирилл.

По регламенту старт мемориала назначен на 5 мая, в 10 часов московского времени. И вот звучат позывные: «ВНИМАНИЕ ВСЕМ, RP9J – РАДИО ПОБЕДЫ, ЭКСПЕДИЦИЯ В ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ЦЕНТР СОВЕТСКОГО СОЮЗА, ВСЕМ ПРИЁМ» на русском и английском языках. В ответ – десятки зовущих станций со всего мира. Сменяя друг друга, круглосуточно работают радисты. Мало теперь молодых людей, которые понимают увлечение старших, но пожилые люди, ветераны войны из республик бывшего СССР, из-за рубежа работают в эфире с огромным интересом – ведь здесь звучат живые голоса, и их может слышать весь мир. Потому радиоэкспедиция «Центр СССР – 2005» собрала много благодарных отзывов.

Вызывающих станций было невероятно много, со всего мира, никто не хотел упускать возможность поздравить россиян с праздником Победы через радиостанцию, работающую из центра СССР. Радисты попытались найти участников десанта-1974. Выяснили, что все живы, но не выходят в эфир, а вот Неручев сейчас в ЮАР, обеспечивает радиосвязь с полярниками. Дозвонились до него. Юрий Заруба только успел сказать, что говорит экспедиция из центра Советского Союза, как раздался стук, это Олег от волнения выронил трубку. Затем Неручев рассказал о себе, и попросил отыскать бортмеханика Людочку. Узнав, что Людмила Алексеевна стала восьмикратной рекордсменкой мира в вертолётном спорте и что именно по её инициативе состоялась эта экспедиция, надолго замолчал. Наверное, вспоминалось ему многое в эти минуты.

В новом сеансе радиосвязи с Неручевым решили подключить к разговору Людмилу Кошиль, создать радиомост: Кейптаун (Неручев) – центр СССР (Прасин) – Нижневартовск (Кошиль)! Набрали номер Кошиль по спутниковому телефону… И она ответила из Вашингтона, со всемирного форума женщин-вертолётчиц! Спираль времени разбросала этих людей по планете, но радио и мобильная связь объединили! Этим людям было о чём поговорить, и их разговор слушал весь мир. Таким образом, экспедиция-2005 была посвящена не только 60-летию Победы, а и 30-летию первого радиодесанта.

В 2006 г. для участия в Мемориале Победы Валерий Нестеров со своей группой радистов выезжал в с. Ларьяк и брал позывной «Труженики тыла». Он посчитал, что посещение центра СССР – событие значимое, и ежегодно повторяться не может. Но в августе-сентябре 2006 г. в географическом центре СССР побывала группа преподавателей Нижневартовского гуманитарного университета и водрузила там красивую стелу из белого металла в виде нефтяной вышки. Валерий Нестеров как опытный радист и путешественник также входил в состав той экспедиции, и на табличке, прикрепленной к стеле, указана и его фамилия. И в 2007 году Валерий для своей команды снова взял позывной, что впервые прозвучал в 1974 г.

Продолжая традиции, открывать мемориал Победы должен географический центр СССР. Попытались договориться с вертолётом, но всё же это очень дорого, ибо радисты выезжают за свой счёт. Нашли место, за Ваховском, самое близкое к центру, до которого можно доехать на машинах в весеннюю распутицу. Там стоят в тайге две заброшенных радиорелейные мачты, там радисты и остановятся. Валерию есть о чём рассказать миру.

Радио мемориал Победы 2007 года открывали нижневартовец Валерий Нестеров и мегионец Андрей Печёрин. Со 2-го по 10 мая они провели чуть ли не 8 тысяч сеансов связи, даже больше, чем в прошлом году. Кто знает, может быть это поможет Валерию Нестерову удержать титул Чемпиона России в радиолюбительском спорте, который он впервые завоевал прошедшей зимой. До этого он неоднократно был бронзовым и серебряным призёром.

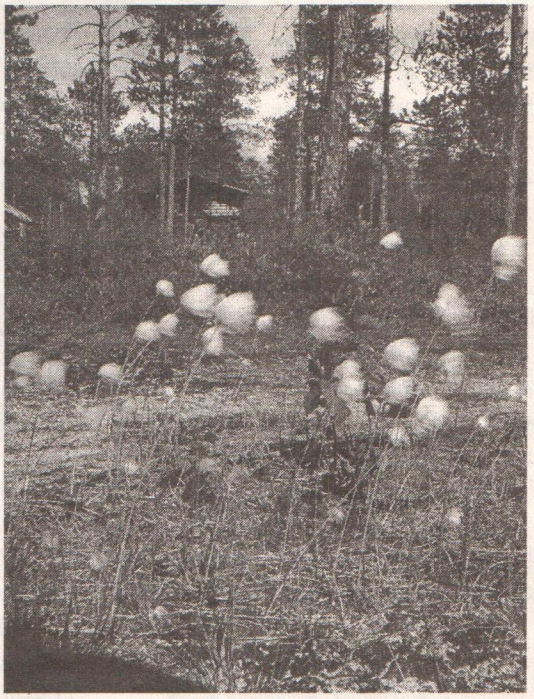
Такие вот они – мечтатели, романтики, совершенно особенные – настоящие мужики.

КРАЕВЕД

Сергей КРАВЧЕНКО,
г. Ханты-Мансийск

Казымские заметки

С дядей Колей судьба меня свела во время осенней, в середине ноября, охоты на глухаря в верховьях реки Казым, что находится в Белоярском районе. На охоту меня пригласили друзья из одноименного посёлка, обещая незабываемые ощущения. Из Ханты-Мансийска на самолёте я прилетел в город Белоярский. В аэропорту меня встретила машина «Газель», куда были загружены вещи и охотничье снаряжение. Расположившись в теплом салоне, мы начали своё путешествие по Казымской земле, или, как нам рассказал водитель, по «Земле Соболиных коленей», как называют этот край местные жители – ханты, издревле населяющие эту территорию. Духом-покровителем Казымской земли почитается Казымская богиня, один из образов которой – соболь. И все люди сидят на её коленях.

Водитель Сергей всю дорогу рассказывал о местах, мимо которых мы проезжали.

– Вот озеро Кислор, через которое мы проезжаем по мосту. Здесь раньше жили семьи Спиридоновых, Тасьмановых и других родов, а теперь расположен дачный посёлок Комарово. В озере всегда водилась рыба, да и теперь вон рыбаки сидят, окуней тягают. А это место называется Красные пески, здесь недалеко берег реки Казым. Мой отец мальчишкой бегал сюда рыбачить, рассказывал, что это одно из самых красивых мест на реке было, а потом пришли сейсмопартии, технику пригнали…

– Сколько же отсюда до деревни? – спросил я. – Вроде жилья-то рядом нет.

– Да километров двадцать по дороге, а напрямую – так в два раза меньше.

Вот и подъезжаем к посёлку Казым. Из-за леса появились трубы котельных и вышка связи.

– Справа, – говорит Сергей, – звероферма, где выращивают серебристо-черных лис. Раньше она была одной из лучших в Союзе, а теперь шкурки почему-то никому не нужны, так что совхоз бедствует потихоньку, только за счёт торговли олениной и спасается.

Посёлок удивил своей ухоженностью. Широкие улицы, многоквартирные дома вперемежку с частными застройками, солидные здания поселковой администрации и больницы.

Наша машина подъехала к небольшому домику на краю Казыма. Нас уже встречали. Подъезжая к посёлку, водитель заранее позвонил по сотовому телефону, предупреждая о скором прибытии.

Возле домика стояли мои приятели Серёга с Петром и ещё один незнакомый мне мужчина средних лет, одетый в какие-то меховые сапоги, без верхней одежды и с улыбкой на лице. Это и был дядя Коля. Хотя, конечно, мне его представили как Николая, не столь уж велика у нас разница в возрасте, но, глядя в его светящиеся какой-то необычной мудростью глаза, к нему хотелось обращаться именно «дядя Коля», что я и делал.

Про этого человека мне рассказывал Пётр, как-то приехав в гости. Был у него однажды такой случай. Решил как-то Пётр пройтись по осеннему лесу, дичь посмотреть да свежим воздухом подышать. Перешёл старицу, поднялся на сопку и услышал, как недалеко рябчики пересвистываются. Подкрался поближе, а и вправду – табунчик штук двадцать. Только приладился выстрелить – что-то спугнуло рябчиков, и они перелетели чуть подальше. Пётр снова за ними, а они еще дальше – и так до тех пор, пока он не увидел, что места вокруг стали незнакомыми, и ни одной тропинки рядом нет. Как-то надо выходить. Прикинул примерно, как шёл по солнцу, развернулся – и обратно. Уже вечереть стало, а избушки всё не видно. Сел перекурить, и вместе с сигаретами нащупал сотовый телефон, который второпях утром забыл выложить. Достал, включил. Как ни странно, связь была. Решил позвонить, но вот вопрос – кому, кто может помочь? Подумал и через некоторое время решил набрать номер дяди Коли: кто, как не он, лучше всего эти места знает. Может, что и подскажет.

Дядя Коля в это время находился на озере. Попросил Петра подробно описать место, в котором он находится, немного подумал. И посоветовал вот что: повернувшись лицом к солнцу, пройти прямо метров пятьсот; выйдя на профиль, повернуть направо, мол, так можно прийти к озеру, на котором дядя Коля сети ставит, а там уж он его и заберёт.

Немного посомневавшись, Пётр решил, что терять нечего, и пошёл. Действительно, где-то минут через сорок он вышел на берег озера, где его и ждал дядя Коля.

Я, если честно, не поверил в эту историю, посчитав её за очередную лесную байку.

И вот я в Казыме. Меня встречает человек, про которого мне рассказывали. И почему-то, глядя на него, я наконец поверил в ту историю с Петром.

Выезжать на охоту было решено с утра, а вечером хорошенько отдохнуть и сходить в баньку.

Баня нас встретила жаром и запахом пихты. Оказалось, что наряду с березовыми вениками на Севере широко используются и пихтовые. Их вяжут, когда уже становится холодно, и пихта не сохнет, а замерзает. Веники складывают пластами в сарай, перекладывая листами фанеры, чтобы они стали плоскими. Такими удобнее париться.

Баня удалась на славу.

Через четыре часа мы с трудом добрались до дому. Дома ждал обильный ужин. Отварная голова оленя, густой бульон и, конечно же, строганина из оленьего мяса. Голова оказалась действительно очень вкусной, нам предложили попробовать язык, губы, уши. А вкус замороженой оленины вообще не поддается описанию. Рассказали, что в тайге, зайдя домой с мороза, первым делом едят мёрзлое мясо (так быстрее согреваешься), затем пьют горячий чай, а уже потом, через некоторое время, можно есть и горячие блюда.

Проснувшись утром, я не обнаружил хозяина дома. Вышел во двор. Стояла ясная морозная погода. За оградой увидел два снаряжённых снегохода с санями. Дядя Коля заканчивал укладывать вещи.

– Пойдемте пить чай, и в дорогу, – пригласил он всех в дом.

«Ну вот, я с утра еще воды не хлебал, а ехать-то явно далеко, и обед не скоро», – подумал я.

Но оказалось, что «попить чаю» подразумевает очень плотный завтрак, состоящий из отварной оленины и жареной рыбы. Плотно позавтракав и напившись чаю, настоянного на травах, мы начали одеваться в дорогу. Мою тёплую верхнюю одежду и обувь тут же забраковали, сказав, что в ней легко замёрзнуть, если ехать долго. Дядя Коля достал из сарая меховые малицу и тоборы. Малица сшита из оленьей шкуры мехом вовнутрь, сверху на нее надевается чехол из плотной ткани. Тоборы похожи на болотные сапоги, они шьются из шкуры с ног оленя мехом наружу. Слегка сомневаясь, я все же надел предложенный наряд, чувствуя, что выгляжу смешно. Но оказалось, в нем удобно и тепло. Как настоящему ханты, мне дали специальный пояс с ножнами – антупкел.

Погрузившись на нарты, мы отправились в дорогу. С нами на нартах поехали и собаки. Путь был неблизким. По дороге ничего примечательного не случилось, если не считать вышедших на дорогу лосей – взрослого самца и лосихи с лосёнком. Увидев нас, они развернулись и не спеша скрылись в зарослях тальника на краю болота.

Позже я спросил дядю Колю, почему мы не остановились и не попытались добыть лосей. Он ответил, что в настоящее время нет нужды в мясе, да и охотиться мы поехали на боровую дичь, а добыв лося, пришлось бы возвращаться домой.

Примерно через два часа мы остановились на слиянии небольшой реки Амня с широким Казымом. Оказалось, что здесь обязательно надо сделать «поры», то есть остановиться, накрыть стол и «пригласить» на трапезу духов. Устья всех рек считаются священными местами, на них живут духи-охранители. Разложив нехитрую снедь на нарте, мы разлили из термоса чай, дядя Коля что-то пошептал на своем языке, немного помолчал. Теперь можно самим чай пить, духи насытились. По поверью, они питаются парами горячей пищи и чая.

За едой дядя Коля рассказал мне случай, приключившийся с ним недалеко от этих мест.

– Как-то зимой, в декабре, возвращался я из избушки лесной в деревню. Ездил морды проверять на ручьях. Время уже позднее было. Буран у меня старенький, едет потихоньку. Сильно не гоню, лишь бы добраться до дому. Вдруг – что такое? Обороты упали, и буран потянуло в сторону от дороги. Я остановился. Смотрю, а у меня, оказывается, правая гусянка порвалась. Ну и что делать? Почесал голову, огляделся. Нашел недалеко деревце небольшое, слегка загнутое. Отвернул катки, подвеску, привязал это деревце в виде полоза, да так до дому и доехал. А пришлось бы пешком почти тридцать километров до деревни топать, а дорога-то рыхлая, да мороз градусов тридцать…

Собравшись, мы отправились дальше. Ещё часа через два мы подъехали к стойбищу, стоящему на берегу вытянутого озера, над другой стороной которого нависали высокие сопки. Оно состояло из пары избушек, одна – побольше, другая – поменьше, двух сараев на столбиках, которые называются лабазы, и небольшой баньки. Всё аккуратно, ухожено, к каждому строению ведут тропинки. Чувствовалась хозяйская рука. Меня удивило, что избушки еле-еле торчат из снега. Подумалось – а как в них ходить, только согнувшись? Наверно, дядя Коля специально под себя строил. Но когда мы вошли, я был крайне удивлён: внутри места было гораздо больше, чем казалось снаружи. Избушки были слегка утоплены в землю и не имели потолка, поэтому ходить в них можно было свободно. Когда людей бывает много, то живут в двух избах, ну а мы расположились с комфортом в одной.

Сварили уху из щуки, попили чай и стали строить планы. На глухарей было решено пойти на следующее утро. По всем приметам должно было потеплеть, и снег не будет так хрустеть. Больше шансов подойти поближе к птицам. А сегодня после обеда дядя Коля решил сводить нас на озеро, половить окуньков.

Поднявшись в один из лабазов, он достал снасти. Каждому нашлась удочка, снаряжённая для зимней рыбалки. Взяв с собой перекусить, мы пошли по утоптанной дороге. Через двадцать минут вышли на берег небольшого озера. Было видно, что мы здесь не первые желающие проверить рыбацкую удачу. То там, то здесь виднелись замёрзшие лунки. Дядя Коля показал, где можно бурить лунки. На берегу нашлись специальные невысокие скамеечки, обитые шкурой оленя.

Закинув снасть, я уже через пару минут почувствовал поклёвку. Выбрав леску, обнаружил на крючке окуня грамм на двести пятьдесят. Порадовался первой добыче. Забросил – и снова клёв. Так в течение получаса надёргали вместе ведро рыбы.

Решили передохнуть, попить чаю. На берегу развели небольшой костёр. Мне захотелось прогуляться по озеру. Дядя Коля вызвался меня сопровождать.

Пройдя немного, я заметил недалеко тёмное пятно. Оказалось – открытая вода. Дядя Коля сказал, что это живун. Из-под сопки бьёт подземный ключ и вода не замерзает всю зиму. Во время загара в этом месте щук можно руками ловить, они сами на лёд выпрыгивают. Но сейчас близко лучше не подходить, провалиться можно.

Я спросил дядю Колю, как они чаще всего зимой ловят рыбу. Оказалось, что на озёрах ставят сети и неводят, на реках устанавливают специальные запоры – морды. Это такая плетёная из деревянных реек ловушка, её ещё иногда называют гимга. И тут же дядя Коля повёл меня на другой конец озера – показывать поставленную сеть.

Я увидел только два кола, торчащие из снега.

– Как же её проверять? – спросил я.

Оказалось, всё просто. К одному концу сети привязывается верёвка, за другой конец сеть выбирается, верёвка уходит под воду. Когда сеть проверена, за веревку её снова затягивают под лёд. Я попросил показать ещё какой-нибудь интересный способ лова.

– Могу научить, как больших щук ловить с помощью палки, проволоки и верёвки, – ответил мне дядя Коля. – Берёшь сухую еловую ветку. Вырезаешь из неё рогатульку с тремя остро заточенными концами сантиметров по пять. В середине привязываем мягкую проволоку. Выбираешь мелкую рыбёшку для наживки. Вспарываешь её, убираешь внутренности. Рогатуль-

ку вставляешь так, чтобы разветвление было к хвосту, а поводок продеваешь возле спинного плавника. Привязываешь к верёвке метров семь-десять. Опускаешь в лунку. Другой конец верёвки привязываешь к крепкой палке, которую кладёшь поперёк лунки. Щука рыбу хватает и заглатывает с головы. Когда глубоко заглотит, рогатулька встанет поперёк и щука будет поймана. Так ещё мой дед рыбачил.

Вернувшись к стану, сели пить чай. Уже начало темнеть. Решили рыбалку не продолжать, так как рыбы было уже достаточно, да и время не позволяло. Пошли обратно на стойбище.

На ужин дядя Коля решил пожарить окуней. Пока ужин готовился, я и Пётр вышли на улицу наколоть дров на ночь и на утро. Пётр достал топор. Поставил чурочку. И за несколько ударов расколол её на поленья – при этом чурка у него ни разу не упала.

Меня удивил такой способ колки дров. Я попросил показать, как он это сделал. Пётр мне объяснил. Во время удара топор надо держать под небольшим углом к поверхности чурки. Когда топор входит в дерево, резко поворачиваешь лезвие топора и как бы откалываешь полено, а топором придерживаешь чурку, чтобы не упала.

Я взял топор и решил попробовать такой способ колки дров. Оказалось, что это не так просто. То топор застревал, то чурка отлетала в другую сторону.

Наколов побольше дров мы пошли в избушку. Уже совсем стемнело, и дядя Коля завёл переносную электростанцию. Внутри было светло, тепло и стоял изумительный запах рыбы. Плотно поужинав, мы легли отдыхать на нары. Мне объяснили, что они сделаны так, как это было принято у охотников ханты. Их не сколачивали, а делали из земли. Сверху укладывали плетёные циновки из тальника, сухую траву и шкуры оленя. В современном варианте ещё добавились спальники. Если в такой избушке живут семьи, то ещё натягиваются полога. Получаются небольшие спальни. В них и зимой теплее, и летом комары не достают.

Шкура оленя обладает удивительными свойствами. На ней не холодно, даже если лежишь на мёрзлой земле. Постелив её, можно спать в снегу, не боясь замёрзнуть. Правда, желательно под шкуру постелить лапник. И развести костер, положив в него несколько сырых брёвен, чтобы подольше горел.

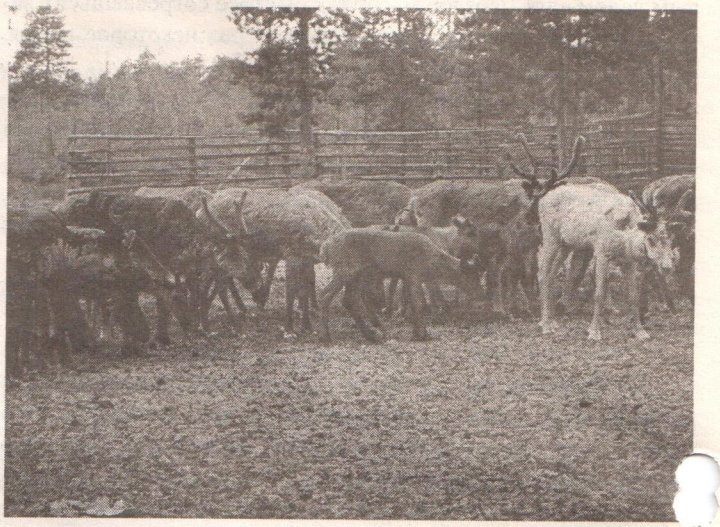
Каждый занялся своим делом. Проверяли оружие для завтрашней охоты. Серёга с Петром играли в шахматы. Я сел писать дневник. И попросил дядю Колю рассказать что-нибудь интересное из жизни. Прослушав несколько историй и вдоволь насмеявшись, я попросил дать совет, который мог бы пригодиться на рыбалке или охоте. Вот что посоветовал дядя Коля. Совет – как быстро просушить сапоги. Надо снять сапоги и не забыть из них вылить воду. Накидать туда красных углей, закрыть голяшку и хорошенько потрясти. Остывшие угли высыпать и добавить горячих. И так несколько раз. Сапоги и высохнут. Если честно, то я как-то засомневался, ну а попробовать не было возможности. Ещё немного поговорив, мы улеглись спать.

Проснувшись утром и выйдя на улицу, я удивился, как изменилась погода. Было тепло и пасмурно. Шёл небольшой снег. Дядя Коля сказал, что это самая подходящая погода для охоты на боровую дичь. Собаки весело лаяли в предвкушении предстоящего приключения. Оделись полегче, так как ходить везде надо было пешком. Надев снаряжение и взяв ружья, мы пошли за дядей Колей. Снег был не очень глубокий, лыжи нам не понадобились. Через полчаса ходьбы мы вышли на край болота, собаки уже убежали вперёд и лаяли где-то вдалеке. Дядя Коля прислушался.

– Это они на белку, но долго лаять не будут. Мы не подойдём, и они дальше побегут, глухарей искать. Сейчас болото перейдём и в дальнем бору глухари должны быть, – сказал он.

Переход через болото много времени не занял. Зайдя в бор, мы снова услышали лай собаки.

– А вот это уже глухарь, – сказал дядя Коля, – сильно не шумите.

Молча выстроившись в цепь, мы осторожно двинулись дальше. Лай приближался. Вот наконец увидели собак, которые сидели под деревом и смотрели вверх. Дядя Коля что-то показал мне рукой. Приглядевшись, я увидел на вершине сосёнки глухаря. Он сидел, вытянув шею, и разглядывал сидящую внизу собаку.

– Пока он на собаку смотрит, можно подкрасться, – шепнул дядя Коля. Сняв ружье, я двинулся вперед. Вдруг сбоку раздался сильный шум. Испугавшись, я начал оглядываться по сторонам. Оказалось, что на ели, стоящей чуть в стороне, сидела ещё пара глухарей. Растерявшись, я не мог решить, что делать – стрелять в глухарей, летящих надо мной или в того, что на дереве? В это время сидящий на дереве глухарь, услышав шум, взлетел. Оставалось только стрелять. Вскинув ружье и почти не целясь, я выстрелил по птице, улетающей в глубь леса.

Неожиданно сбоку от меня раздался выстрел. Оглянувшись, я увидел чернеющего на снегу глухаря – одного из тех что взлетели первыми. В своего я промазал. Немного расстроившись, я подошел к дяде Коле, уже подобравшему свою добычу.

– Когда к птице подкрадываешься, надо внимательно по сторонам смотреть, иногда по близости ещё глухари бывают, – сказал он мне. – Ну ничего, день длинный, ещё найдем.

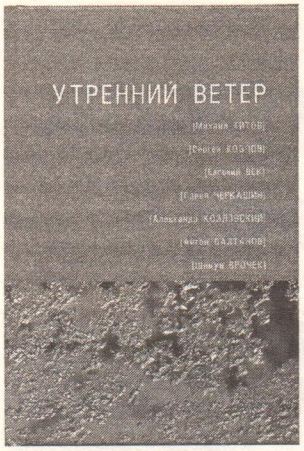
И вправду: в скором времени собаки нас вывели ещё на табунчик глухарей. Здесь мне улыбнулась удача. Я подстрелил крупного самца.

Так, побродив по бору и вволю наохотившись, к обеду мы вернулись в избушку. Надо было собираться в обратный путь… А уезжать совсем не хотелось. Дядя Коля оставался в лесу. Мне же на следующий день надо было быть в Ханты-Мансийске. Я поинтересовался, когда ещё можно будет приехать на Казымскую землю. И получил приглашение приехать летом, в августе, на рыбалку. На хариусов.

От автора:

Если вы желаете побольше узнать о традиции народов ханты и манси, об их культуре и быте, вы можете зайти в Интернете на сайты: www.obsky-uqry.by.ru, www.etnic.ru

НАША ПРЕЗЕНТАЦИЯ

Сергей ЛУЦКИЙ,
редактор-составитель

Молодое вино литературы

Прозаиков – в отличие от стихотворцев – природа производит не так уж часто. В чем здесь дело, приходится только гадать. Может, так случается потому, что людям более свойственна эмоциональная реакция на события. Но вполне вероятно, что причина в другом – хорошего прозаика без регулярного труда, без усидчивости не бывает. А на это способен далеко не каждый литератор, пусть даже одарённый.

Сказанное в полной мере относится к молодому поколению югорских прозаиков. Интерес они вызывают особый. Объясняется он не только тем, что пишущих прозу в округе не так много. Молодые приносят в литературу то новое и свежее, что появляется в жизни. И зачастую им это удаётся лучше, чем кому бы то ни было.

Причина проста. Эти литераторы – сами продукт нового времени. Они знают его изнутри во всём комплексе складывающихся отношений и правил, которые для людей старшего поколения могут казаться чуждыми и неприемлемыми. Разумеется, абсолютной новизны в литературе быть не может. Природа человека – штука консервативная. Большинство сюжетов, этой природой предопределённых, нашли отражение ещё в Библии. И тем не менее молодые прозаики вносят в литературу дыхание своего времени, его свежий, меняющийся образ.

Это выражается не только в содержании повестей и рассказов, но и в их стилистике. Порой тоже необычной, ломающей привычные каноны. лексика повестей и рассказов может пестрить молодёжным сленгом, подача материала нередко отражает клиповость сознания современного человека. И это нормально. очень важно бывает не отвергать всё названное с порога, не стараться переиначить на свой лад. Как редактор-составитель я видел свою задачу именно в таком подходе. Молодое вино должно играть.

Если говорить о представленных в сборнике произведениях более конкретно, современность каждого из них имеет свою особинку. По-хорошему традиционны рассказы Павла Черкашина и Александра Козловского с их сочувственным вниманием к человеку с непростой судьбой. Оценка жизненных перипетий с точки зрения православных ценностей в центре внимания произведений Сергея Козлова. Об извечной неуспокоенности молодых в реалиях нынешнего дня пишет Михаил Титов. О любви как единственно реальной ценности в жизни яркая проза Антона Салтанова.

Обращают на себя внимание рассказы Шимуна Врочека (Дмитрия овчинникова). Он работает в новом для югорской литературы жанре фэнтэзи. Экзотичность времени действия и героев этого автора не могут заслонить гуманистическую, порой окрашенную юмором позицию. О непростых, порой шокирующих нравах подростковой среды, о параллельной привычному миру взрослых молодёжной субкультуре повесть Евгения Века...

Одним словом, в сборник вошли произведения, дающие достаточно полное представление о состоянии молодой прозы Югры. И, разумеется, о состоянии нынешней жизни с её течениями, явными и подспудными. Рассказы и повести молодых позволяют утверждать, что цех прозаиков округа пополнили одарённые, остро чувствующие современность писатели.

Целая планета в подарок

Хорошая детская поэтическая книжка с яркими запоминающимися героями и целыми стихотворениями – все-таки большая редкость. Сложно, очень сложно писать для детей. Ведь для того, чтобы быть детским автором, нужно суметь сохранить в себе ту же чистоту и непосредственность, которая присуща миру детства. Причем надо жить такими чувствами, а не играть в них, иначе получится сюсюканье и фальшь.

Мегионскому автору – Лилии Такташевой удалось найти эту почти неуловимую грань, на которой и создаются произведения для детей. И в лучших своих стихотворениях она достигает высоты достойной классики детской литературы. «Про трусишку-хвастунишку», «Пошутилки», «Что жуют коровы», «Почемучки» и многие стихотворения, вошедшие особенно в первые шесть разделов этой книжки, могут войти в золотой фонд Югорской литературы.

Стихи Л. Такташевой наполнены искренностью и теплом, они в ненавязчивой форме воспитывают в юных читателях самые лучшие чувства – любовь, заботу о ближних, сострадание, верность дружбе.

В книге целый раздел посвящён «братьям нашим меньшим», в котором создаются замечательные картинки из жизни домашних животных. В этих картинках проявляется умение автора подмечать, казалось бы, в обыденных вещах, интересные и поучительные истории, что только усиливает его поэтический талант.

Любовью и трепетным отношением к родной природе наполнены стихи «Зорька», «Пузырили пузыри», «Морозята», «Стрекоза», и, самое главное, Лилии Такташевой удаётся заставить сопереживать все эти чувства и своего читателя. Такой отклик они находят не только в детской, но и взрослой душе.

В книге много находок и замечательных образов близких и понятных ребенку.

Как автор сам определил – эта книга предназначена для детей от 5 до 15 лет. И эта ориентированность прослеживается в разбиении по главам. Можно, конечно, оспорить такое решение автора, потому что стихи, написанные им для подростков, уступают произведениям, адресованным малышам. Однако это не мешает цельному восприятию книги, как замечательному явлению в литературной жизни округа.

Очарование странствий

Людмила КОВАЛЕВА

Для чего нужна культура

«…Все идеи, которые мы получаем из книг, можно назвать мёртвыми в сравнении с идеями очевидца…»
Н.М.Карамзин
Письма русского путешественника

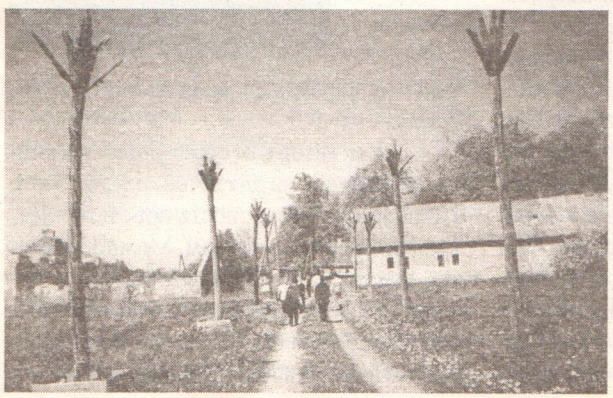
Путешествуют нынче многие. Дальними странами не удивишь никого. Накатаны и наезжены туристские маршруты во всех направлениях. И жанр путевых заметок далеко не новый. Ещё в конце XVIII молодой Карамзин, опубликовав свои «Письма русского путешественника», сделал этот жанр популярным.

С Карамзиным, как выяснилось, у нас обнаружились некоторые совпадения: знакомство с Европой и у него, и у меня начиналось с Риги. Правда, Николай Михайлович побывал в этом городе лет на 200 раньше меня, а маршрут его путешествия по Европе был несколько продолжительнее...

Тем не менее, я решилась последовать примеру знаменитого предшественника и поделиться своими впечатлениями о европейских культурных пейзажах.

1. Вместе весело шагать по просторам

Программа «Европейский диплом менеджера культурных проектов» существует больше десяти лет. В свое время европейские теоретики культуры

придумали её для того, чтобы помочь объединению Европы. Каким образом? Формула довольно проста: для того чтобы каждый человек, живущий на территории Европы, ощущал себя вместе с тем и частью европейской общности, нужно чтобы отдельно взятый итальянец, француз, немец и т.д., осознавал и разделял общие для всей Европы ценности. То есть, нужно выработать общеевропейское сознание, или, как сейчас принято говорить, «европейскую идентичность». Самосознание человека (его идентичность) формирует культура (в широком смысле этого слова). Общеевропейская культура складывается из множества разных культур, составляющих Европу. Но сама по себе культура не существует – её делают люди. Стало быть, нужно, чтобы люди, делающие культуру в разных уголках Европы, помогали сблизить народы своих стран, сделать их интересными и понятными друг другу с помощью разнообразных межкультурных акций, проектов или программ. А для этого менеджеров, операторов и администраторов культуры нужно научить, как и для чего осуществлять межкультурную кооперацию.

Примерно такие идеи легли в программу семинаров для менеджеров культуры «Европейский Диплом менеджмента культурных проектов». Случилось это в начале 90-х. И с этих пор ежегодно примерно 20 человек, представителей различных европейских государств, трижды в год съезжаются на двухнедельные сессии, которые проводятся в разных странах. Так, в полевых условиях народ постигает теоретические и практические премудрости работы над проектами. «Евродиплом» переезжает из одной страны в другую, давая возможность слушателям на собственном опыте изучать и сравнивать культурную политику принимающих стран. Кроме того, ежедневно и ежеминутно общаясь друг с другом, участники программы узнают об опыте культурной деятельности ещё как минимум десятка стран. Каждый год выбирается новый маршрут, конечным пунк-

том которого раз и навсегда стала Греция, а именно Дельфы – географический центр Европы и колыбель европейской цивилизации.

2. «Европейский диплом-2002»: коллективный портрет в латвийском интерьере

Маршрут Европейского диплома сезона 2002/2003 года – через Латвию и Францию в Грецию. Наша группа собрала музейщиков, музыкальных продюсеров, менеджеров крупных фестивалей и небольших проектов, администраторов и свободных художников из шестнадцати стран от Италии до Сенегала. Неплохая компания для первого знакомства с Европой. Энергичная блондинка Ауса из Исландии, похожая на Бьорк разве только маленьким ростом, – менеджер исландского фестиваля молодёжного искусства «Крылья будущего». Фестиваль проходит каждую осень в течение 9 дней, в нём участвуют молодые люди от 16 до 25 лет со всей Исландии, представляя самые разные виды искусства, включая классику и авангард. За 10 лет в фестивале приняло участие 75 миллионов человек. Ауса убеждена, что искусство – это лучшая возможность для молодёжи вы-

разить себя: «Мы должны дать молодым возможность высказаться!».

Шведка Гунилла из Финляндии работает в музее под открытом небом «Стундарс». Это шведская деревня прошлого века. Гунилла разработала детские игровые программы, которые переносят современных школьников в прошлое. Дети носят старинную одежду, получают новое имя и некоторое время живут обычной жизнью своих сверстников из прошлого: ходят в старинную школу, помогают по хозяйству: учатся растапливать печь, замешивать тесто, ткать, мастерить предметы домашней утвари. Так игра помогает сохранить традиции и культуру народа.

Турбион тоже швед, но он уже представитель национального большинства, так как живёт в самой Швеции. Сохранение народных традиций, а именно ремёсел – его конёк. Турбион готов говорить о ремёслах при любом удобном случае. Больше всего его раздражает термин «современное искусство». «Разве ремесло – не современное искусство, если им занимаются и в наше время? Это и есть самое современное искусство!» - убеждает он нас, хотя мы с ним не спорим. Турбион, также как и Гунилла, работает в музее под открытым небом, он ищет способ объединить ремёсла и искусство наших дней в пространстве музейной деревни и тем самым привлечь внимание посетителей.

Жюль (Бельгия) и Данас (Литва) – менеджеры музыкальных проектов. Жюль работает с молодыми джазовыми музыкантами, а Данас пытается в рамках Вильнюсской филармонии организовать новый музыкальный фестиваль, на котором звучали бы рядом музыкальная классика и авангард.

Бабакар в Министерстве культуры Сенегала курирует проект возрождения африканских деревень с помощью искусства. Художники специально отправляются в отдалённые поселения и вместе с жителями возрождают традиционные ремёсла, украшают дома, изменяя среду обитания и отношение к жизни. Француженка Беатрис также работает над проблемой, как средствами культуры преодолеть безработицу и упадок в беднейшем районе Марселя. Вторая сессия нашей программы состоится именно в Марселе.

В пёстрой компании европейцев нас, русских, трое. Говорят, что это много – обычно от одной страны бывает не более двух представителей, стало быть – на этот раз нам повезло! Интерес к России у наших сокурсников достаточно большой, правда, в основном со стороны представителей Западной Европы. Это понятно: Восточная Европа ещё не пришла в себя от опыта социалистического содружества и предпочитает лишний раз об этом не вспоминать.

3. Русские корни испанца Серджо

Наш переводчик, испанец Серджо, однажды рассказал нам, что его маме в молодости очень понравился роман Толстого, и поэтому, когда у неё родился сын, она назвала его Сергеем в честь сына Анны Карениной. Серджо в нашей группе любят все. Он приветлив, обаятелен и любознателен – у него масса вопросов к каждому из нас. Во время лекций, когда Серджо синхронно переводит с французского на английский, мы частенько забываем про лектора и смотрим на Серджо – настолько эмоционален и артистичен его перевод, сопровождаемый выразительной интонацией и даже жестами, словно именно от него, от Серджо зависит, насколько глубоко проникнет в наши мозги премудрость культурного проектирования.

Как-то в Лиепае, где проходила вторая половина нашего знакомства с культурными реалиями Латвии, нас привезли на берег Балтийского моря, где в начале прошлого века находились береговые укрепления российского флота. Построенные при Александре III, они были взорваны после поражения России в русско-японской войне в соответствии с условиями мирного договора. Прошло сто лет, и эти огромные глыбы искорёженного бетона, сохранившие кое-где черты военных сооружений, протянувшись на километры, образовали странный ландшафт, объединивший кротость прибрежных сосен, холодность моря и величие могучих когда-то развалин. Какой невероятной силы должны были быть взрывы, вывернувшие из земли многотонные глыбы! «Что ты об этом думаешь?» – спросил меня Серджо. Наверное, ему было интересно, что скажет русская, глядя на останки былого могущества России. «Мне напоминает это руины древнего Рима», – отвечаю я, и Серджо соглашается со мной.

Серджо – не единственная «жертва русской культуры» в нашей группе. Болгарка Татьяна стала Татьяной также по причине большой любви родителей к русской литературе. А именно – любви её отца к Пушкину вообще и к роману «Евгений Онегин» в частности. А отец бельгийца Жюля был известным в Брюсселе врачом. Коммунист по убеждениям, он выступал в защиту прав рабочих, однажды побывал в Москве, привёз оттуда записи русских песен, которые Жюль запомнил навсегда. Эту семейную легенду Жюль рассказывает нам в первый же день знакомства. Несколько позже, в автобусе, во время переезда из Юрмалы в Лиепайю, русско-бельгийско-

австрийско-литовский хор будет старательно выпевать «Дубинушку» и непременную «Калинку». Интерес к русской культуре греет наши русские души. Приятно, когда француженка говорит о своей любви к произведениям писателя Пелевина, а шведка – к стихам Владимира Высоцкого.

Сибирь – для европейцев такая же экзотика, как для нас Сенегал, к примеру. Расстояния в сотни и тысячи километров их просто потрясают. «Это край земли, это за пределами карты», любит повторять Жан-Пьер, отец программы «Европейский диплом» и её бессменный руководитель. Но, несмотря на это, мои новые друзья мечтают побывать в Сибири. «Я могу приехать со своими джазменами», говорит Жюль, – «Когда ты организуешь тур?» «Мы непременно должны организовать культурный обмен между библиотекарями!», – убеждает меня Кристина, моя итальянская коллега. У европейцев неискоренимый интерес к другим культурам. В последние десять лет идея «культурного разнообразия» прочно вошла в сознание и стала неотъемлемой частью культурных проектов и программ. Простой пример: норвежка Анне осуществила интереснейший проект кросскультурного воспита-

ния: она пригласила конголезского музыканта обучать норвежских детей …африканским танцам. Зачем? Это расширяет познание детей о мире и о собственных возможностях. Азы чужой культуры ребятишки постигали в Норвегии, а потом отправились в Африку и там продолжили обучение вместе со своими африканскими сверстниками. Мы смотрели видеофильм, снятый Анне, и было удивительно и радостно наблюдать, как белоголовые норвежцы с увлечением повторяют движения чернокожих танцоров, понимая друг друга без слов.

Наверное, культура нужна именно для этого – для того чтобы понять друг друга.

4. Человек с янтарным именем

Его действительно так и звали «Дзинтарс» – янтарный. Невысокий человек с удивительными глазами, улыбчивый, с мягким негромким голосом.- владелец плавучей галереи «Ноомус».

Галерея – это старая списанная баржа, в трюме которой и в рубке установлено видеооборудование и проходят выставки видео-арта. Баржа-галерея тихонечко плавает себе по Даугаве, или дремлет, пришвартованная к набережной, поближе к Старой Риге, пока любопытствующая публика наслаждается неклассическими произведениями визуального искусства.

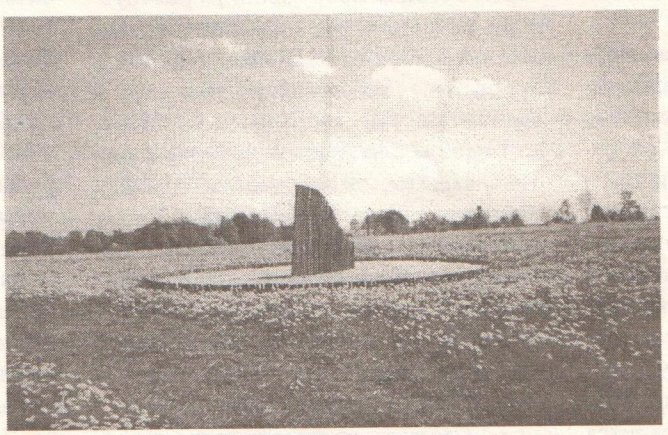
Видео-арт – искусство для нас новое и непривычное – в России только крупные культурные центры, такие как Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск, Екатеринбург могут похвастаться настоящими видеохудожниками. Произведения видеоарта – это нечто среднее между фильмом, клипом и видеоинсталляцией. Несколько минут полного погружения в чужую душу, как в чужой сон. Разумеется, если автор достаточно талантлив.

Мы спускаемся по трапу в проржавшее брюхо баржи. В центре пустого пространства – телевизор. В телевизоре бесконечно повторяется один и тот же сюжет – «День рождения старой обезьяны». Именно сегодня, в день нашего визита, Дзинтарс открыл эту экспозицию. Есть ещё зал на верхней палубе – здесь хранится коллекция произведений видео-арта, причём не только латышских, но и французских художников. Хозяин галереи демонстрирует нам несколько творений, после чего мы задаём ему вопросы. Дзинтарс рассказывает, что его галерея – некоммерческая. Денег он на этом не зарабатывает. Смысл своей работы он видит в том, чтобы дать молодым художникам возможность проявить себя. Его галерея не только для выставок, но и место для общения художников. А существует она за счёт поддержки спонсоров и друзей. «Сколько же друзей у галереи?», – спрашиваем мы. – «Человек тринадцать наберётся», – отвечает нам Дзинтарс. Совсем неплохо для некоммерческого предприятия.

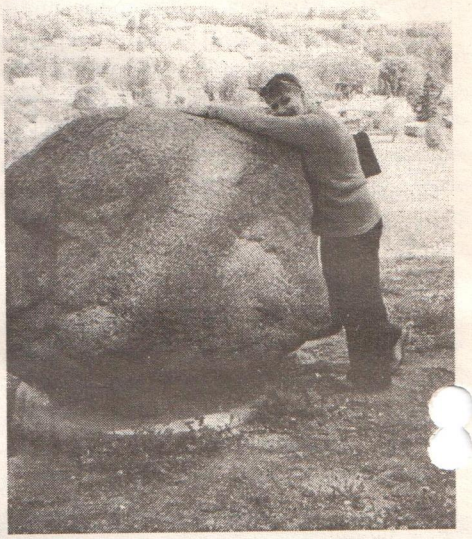
5. Педвала

Наш автобус движется по дороге из Юрмалы в Лиепая. Примерно посредине пути находится Педвала – местечко, где нам обещана остановка и отдых. Мы ещё не знаем, что такое Педвала. Мы едем в автобусе мимо озёр с дикими лебедями, и Эдита рассказывает, что именно в этом лесу снимался фильм про Робин Гуда, тот самый, в котором Робин Гуда играл Борис Хмельницкий, и звучат песни Владимира Высоцкого. Эдита – сотрудник Института нового театра – принимающей организации, в то далёкое, ещё советское время, работала на Рижской киностудии помощником режиссёра. Она не говорит по-английски и поэтому страшно рада, что наконец нашёлся заинтересованный русскоязычный слушатель, то есть я, рассказывает без остановки и так много интересного, что просто я не успеваю проглатывать информацию.

Педвала открывается внезапно: автобусы сворачивают к небольшим домикам у деревянной ограды, за которой

расстилается бесконечное поле жёлтых одуванчиков. Всё дальнейшее выглядит просто нереально. Тридцать гектар земли, которую человеческие руки превратили в огромный выставочный зал под открытым небом. Зал, где природа и современное искусство создают новую реальность. Старая перевёрнутая лодка на песчаном поле, брёвна, выкрашенные в голубой цвет перекинутые через овраг.

Огромный гриб с мозаичной шляпкой, неожиданно выглянувший на полянке. Деревянные коалы в густой листве машут австралийскими флажками, гигантский деревянный водосчётчик «считает», сколько воды бежит по ручью в овраге. Каждый поворот экскурсионной тропы готовит новые сюрпризы для путешественников. Тропа проложена не случайно – все достопримечательности местного ландшафта непременно попадают в поле зрения пешехода. Природные красоты дополняются произведениями человеческой фантазии и таланта.

Полуразрушенные сара брошенной деревни превращает в выставочные залы, где художник демонстрирует свои работы: инсталляции из камней. И сама деревня превращается в скульптурную композицию – одно большое произведение актуального искусства. Тропа выводит нас на откос, откуда открывается необыкновенно красивый вид на окружающий ландшафт. Три огромных – выше человеческого роста – камня установлены у края откоса, будто у края сцены. Тишина. Покой. Я обхватываю валун руками – он тёплый, можно закрыть глаза и так стоять долго и слушать тишину.

Однако пора двигаться дальше – экскурсия не закончилась и тропа петляет по оврагам и пригоркам, и снова нас ожидают чудеса.

… Педвала – любимое место отдыха латышей – мы видели, как вслед за нашим автобусом приезжали на автомобилях целые семьи: папы, мамы, разновозрастная детвора. И малышня радостно ползала по каменным скульптурам абсолютно авангардного вида, в буквальном смысле – вплотную общалась с искусством. Никто не запрещал карабкаться, трогать руками, ходить по газонам – наоборот – всё очень поощрялось.

Чуть позже, когда мы обедали на открытой веранде за грубо сколоченными столами, создатель и хранитель этого удивительного музея, подсел к нашей русской компании. И в разговоре выяснилось, что в середине 80-х годов он бывал в Нижневартовске. Тогда пытались осуществить новаторский проект по созданию городской среды. Романтические времена начала перестройки! Смелые идеи, открытия, глобальные планы! Но, грустит наш латышский хозяин, этот проект так и не состоялся, что-то не сложилось. Теперь он работает в горах Австрии и Италии – именно так – в природном ландшафте, а не в мастерской, не на городских площадях создает свои произведения. Мы с любопытством рассматриваем альбомы с фотографиями, на которых – такое новое для нас искусство. И не перестаём поражаться энергии и таланту этого человека. Придумать и осуществить идею целого парка современного искусства, сделать эту живую галерею частью образа жизни местного населения, органично вписать её не только в природный, но и в культурный ландшафт всей Латвии – это великое дело.

Педвала – это середина нашего пути по Латвии, самый полдень. Потом будет Лиепая, местечко Караоста, бывшая база советских войск, с целыми районами брошенных пятиэтажек, художники, семейная пара, которые, поселившись в неблагополучном районе, пытаются с помощью искусства вернуть населению, и главное детям – веру в себя и в будущее умирающего пригорода.

Закончится сессия, улягутся впечатления от многочисленных культурных событий и встреч с теми, кто творит культурную жизнь: художниками, галеристами, режиссёрами, руководителями культурных организаций и мэрами городов, закончатся лекции и кейс-стади, автобус доставит нас в Рижский аэропорт и наша группа разлетится в разные стороны: кто на Восток, а кто на Запад, чтобы через полгода встретиться в «сумасшедшем» Марселе и вновь попытаться понять для чего нужна культура.

Лев
ЛЕОНТЬЕВ
г. Излучинск

ПОЭЗИЯ

Письмо маме

Пообещал я написать письмо...
Бумагу взял и ручку, и – страдаю:
Оно ведь не напишется само,
А я – о чём писать – пока не знаю...

Писать о снах?.. Но мне не снятся сны...
Работа, дом?.. – О них – на пол-листочка.
Ну и зачем тебе они нужны –
Скупые и бесчувственные строчки?..

Нет ничего в их серой пустоте.
Бледны слова о ценах и погоде.
Такие письма сочиняют те,
В чьей жизни ничего не происходит.

А что творится в будних днях моих –
Вниманья я порой не обращаю, –
Текут ведь жизни наши – в нас самих,
А не вокруг, как многие считают...

Пожалуй, обещанье отменю:
Наступит день – рука сама напишет.
Ну а пока – я просто позвоню, –
Так я хотя бы голос твой услышу!..

Царевна-лягушка

Чудесный вечерок. Закат – в полнеба пламя.
Расщедрился сентябрь и радует теплом.
Отмечен день опять успешными делами,
И на душе моей – и тихо, и светло...

Вдруг вспомнил, как мечтал когда-то о любимой
И образ неземной нескромно представлял.
Я создавал портрет – её, неповторимой;
Ища свой идеал, детали изменял.

Но вот что оставлял всегда я неизменным:
Была она стройна, и ноги – от ушей.
Такую повстречай – и влюбишься мгновенно;
А я уже в мечтах в любви признался ей!..

Теперь я не один – со мной моя подруга.
Я слышу, как она посудою гремит.
Не призрак, не мечта – законная супруга;
В порядке держит дом и душу веселит...

Вошла в судьбу мою... невзрачная толстушка
Лишь пару лет назад, а кажется – давно.
Зову её порой царевною-лягушкой
(Которой кожу снять, увы, – не суждено).

Не знаю, чем она меня приворожила.
Хоть разумом силён – *как* сердцу повелю?..
Без исключенья, всё в моей супруге мило;
И странно самому, но ведь – люблю, люблю!..

– Что, милая, уже – закончила работу?..
Присядь же, без тебя я малость загрустил...
Чем занимался? – Так, задумался чего-то...
О чём? – О пустяках... Да я уже забыл...

Такая маленькая жизнь

Как я люблю души полёт свободный! –
Не знаю я прекраснее минут:
Она покинет кабинет удобный,
А тело – пусть пока побудет тут…
В награду ей – не рай, но – вдохновенье!,
А без него – писать и не берись, -
Не даст плодов и долгое мученье,
А брак творить – бесспорно, преступленье,
Когда вся жизнь – всего одно мгновенье,
И каждый день – как маленькая жизнь!..

Твой взгляд ловлю, а в нём – судьбы решенье
(Она теперь зависит от тебя);
И вряд ли б это вспыхнуло волненье,
Когда б к тебе тянулся, не любя…
Пришла любовь, иль снова – увлеченье?
Коль не решил ещё – остановись!..
Но есть на этот счёт другое мненье:
К чему, дружище, долгие сомненья?,
Когда вся жизнь – длиной в одно мгновенье,
Но каждый день – как маленькая жизнь!..

На переправах лошадь не меняют,
И я по жизни лихо мчу и мчу;
И дни мои – мелькают и мелькают,
Но знаю ль я уже, чего хочу?..
Вперёд влечёт безудержно теченье;
В нём утонуть легко, и лишь держись:
Сначала – взлёт, потом опять – паденье, –
Но вряд ли время есть на сожаленье,
Когда вся жизнь – длиной в одно мгновенье,
И каждый день – как маленькая жизнь!..

Мне просто тихо…

Мне просто тихо… и светло…
Мне хорошо… Мне просто чудно…
Ах, как сегодня повезло –
Не слышу жизни многотрудной…

Прирос к компьютеру душой,
И ручка правая – как зайчик! –
По клаве прыгает: «тип-той!»;
А в левой – теплится стаканчик…

И то, что прежде проклинал, –
Теперь – моё, теперь - не дам я!..
Я жить на свете – не устал, –
Но вот сейчас – не здесь, а ТАМ я!!!...

И мыслей глупых помело
Не жалит ветром преисподней……
Мне просто тихо… и светло…
И пусть так будет… хоть сегодня…

ГАРМОНИЯ

А. А. ЗУБАЙДУЛЛИН,
ООО «Сибирский научно-исследовательский и проектный институт рационального природопользования», г. Нижневартовск

НЕИЗБЕЖНОСТЬ КОСМИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ НА ПУТИ РЕШЕНИЯ ГЛОБАЛЬНЫХ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ

Человечество стремительно вошло в третье тысячелетие нашей эры, определённо став одной из ведущих геологических сил планеты, как это и предвосхищал в начале прошлого века наш соотечественник, гениальный ученый и мыслитель В.И. Вернадский. Совокупная хозяйственная деятельность человека давно сопоставляется в передовых научных исследованиях с общепланетарными природными процессами энерго- и массообмена, климатообразования, трансформации и перемещения вещества и др.

Наряду с этим современная технократическая цивилизация оказалась в глобальном кризисном состоянии во многих сферах своего проявления, включая и сферу взаимоотношений с природой. Её ценностная ориентация на безграничный рост материального потребления с целью постоянного улучшения благосостояния общества привела к тому, что природа стала рассматриваться, как всеобщий предмет труда и была низведена в массовом сознании до прагматично-потребительских понятий «природные ресурсы» и «окружающая среда». Наличие такой ориентации привело к взрывному развитию техносферы, а, следовательно, к интенсивному техногенному воздействию на биосферу, являющуюся колыбелью и средой обитания человека, так метко названному писателем-биологом В.Р.Дольником «непослушным дитём биосферы».

В настоящее время техногенное влияние цивилизации на биосферу нанесло ощутимый ущерб природной среде. «Покорение природы» звучавшее когда-то символически, для возвышения человека, постепенно стало пониматься в полном соответствии со звучанием и незаметно (но закономерно) превратилось в борьбу с ней. И эта «борьба» с природой достигла своей критической черты. Угроза глобального уничтожения жизни приобрела столь реальные очертания, что в структуре современных ценностей в качестве главнейшей в планетарном масштабе выступает сама жизнь.

Среди назревших экологических проблем наибольшую тревогу вызывают те из них, которые охватили значительные площади поверхности планеты и даже всю биосферу. Изменение климата, разрушение озонового слоя, загрязнение природной среды, истощение природных ресурсов, уменьшение площади лесов и опустынивание земель, деградация почвенного покрова, обеднение многообразия биоты, радиационное заражение земной поверхности, вот лишь малый перечень глобальных экологических проблем современности, требующих своего незамедлительного решения.

Масштабность и серьезную опасность указных экологических проблем можно легко продемонстрировать на примере стремительно разворачивающегося и очевидного для всех глобального потепления климата. За последние 100 лет средняя глобальная температура повысилась на 0,6 градуса[1]. Это достаточно большая величина, которая отразилась на значительном изменении многих физических и биологических параметров биосферы (возросли максимальные и минимальные среднесуточные температуры, увеличился объём ежегодных осадков над сушей, уменьшились площади снежного покрова, морского и континентального льда, уменьшились популяции некоторых видов растений и животных и др.). Тем не менее, это только начало. Согласно последнему докладу Межправительственной группы экспертов по изменению климата (МГЭИК), работающей под эгидой ООН, который был обнародован в начале апреля этого года, состояние климата в будущем будет только усугубляться и главным виновником этого является антропогенный фактор. К концу нынешнего столетия температура воздуха может повыситься на 6,4 градуса, а Мировой океан поднимется либо на 18, либо на все 59 сантиметров. Это катастрофически много. Резко увеличится число тайфунов и ураганов, а льды Северного Ледовитого океана в середине лета будут полностью таять. При этом до трёх миллиардов человек столкнутся с проблемой нехватки воды, а примерно пятая часть жителей Земли, наоборот, пострадает от наводнений. Средиземноморские страны из-за жары станут непригодными для обитания, Африка и Южная Азия потеряют сельское хозяйство, Альпы лишатся снега.

И это только небольшая часть предполагаемых негативных последствий глобального потепления климата, поддающаяся обоснованной научной оценке. Дело в том, что незнание суммарного механизма повреждения биосферы антропогенными факторами не позволяет современной науке спрогнозировать точного сценария развития событий, который в реальности может стать гораздо пессимистичнее.

Более того, сейчас становится ясно и это признается многими известными учеными-исследователями, что одной наукой и научно-техническим прогрессом с возникшим глобальным кризисом цивилизации не справиться. Ведь по оценкам разных экспертов, даже если человечеству удастся стабилизировать техногенное воздействие на биосферу на современном уровне, что само по себе весьма проблематично, глобальные тенденции негативного изменения биосферы могут лишь замедлить свой темп. Таким образом, традиционные пути социального и экономического развития общества, эффективность которых не подвергалась со-

мнению весь «индустриальный век» в сложившихся новых условиях не позволяют полностью решить стоящих перед человечеством глобальных проблем современности. Необходимо констатировать, что о каком-либо устойчивом коэволюционном (совместном) развитии общества и природы, которое было декларировано в 1992 г. на международной конференции ООН по охране окружающей природной среды в Рио-де-Жанейро, говорить не приходиться пока сохраняются неизменными существующая система ценностно-целевых ориентаций цивилизации и сложившийся характер взаимоотношений человека с природой.

По справедливому убеждению известного академика Н.Н. Моисеева[2], без смены современного научно-технократического мировоззрения экология, к сожалению, всегда будет оставаться заложницей экономики и политики. Подтверждением этого служат многочисленные примеры обширных техногенных или вызванных техногенезом природных катастроф (аварии, пожары и взрывы на опасных производствах и транспорте; землетрясения, наводнения, ураганы, тайфуны, небывалые морозы или засухи и др.), происходящих сегодня повсеместно. Ему вторит и американский эколог Л.Колдуэлл, как нельзя более точно определивший суть современного экологического кризиса: «Экологический кризис есть внешнее проявление кризиса ума и духа. Не может быть большего заблуждения, чем трактовать его только как угрозу дикой природе и загрязнение. Это частности, наиболее же важным является то, что кризис касается нас самих и ставит вопрос о том, что мы должны изменить в себе, чтобы выжить».

Таким образом, чтобы предотвратить развитие глобальных экологических проблем с их последующей трансформацией в общепланетарный экологический коллапс, необходимо выстраивание новой системы взаимоотношений, в которой будет строго соблюдаться паритет потребностей человека и возможностей природы в поступательном развитии общества. Преобразование системы выработки целей общества должно опереться на новое мировоззрение, новые смыслы в оценке человека, природы и их совместной эволюции. Фаза стихийного развития цивилизации закончилась, теперь только сознание должно и может определять бытие.

Соответствующий ценностно-мировоззренческий и энергетический потенциал имеется в формирующемся сейчас космическом мышлении, которое является фундаментом для перехода в будущем биосферы в качественно новое своё состояние, именуемое ноосферой.

Однако напомним, что поворот в сознании человечества невозможно осуществить единовременной массовой акцией. Печальный опыт тоталитарных обществ XX века еще раз подтвердил, что «только Личность, свободно мыслящая и свободно работающая, способна действовать по универсальному принципу «не навреди». Секрет выживаемости человеческого общества, таким образом, заключается в выживании отдельно взятого Человека наедине с Природой, Обществом и Мирозданием»[3].

Нам необходимо понять, что мир ожидает не заранее предопределенное будущее, а выбор. Каким он будет, это полностью зависит от нас с вами, ныне живущих людей.

1 - Наш будущий климат. Втто-№ 952. - Женева, швейцария, всемирная метеорологическая организация 2003.

2 - Моисеев Н. Н. Восхождение к разуму. – М., 1993.

3 - Чеурин Г. С. Школа экологического выживания. – Екатеринбург, 1995.

В начале было слово

Русские пословицы

Без правды веку не изживёшь.
Без правды жить – с бела света бежать.
В мелких словах и большое дело утопить можно.
В народе что в туче: в грозу всё наружу выйдет.
В правде счёт не теряется.
Вёдрами ветра не смеряешь.
Держись за землю-матушку – она одна не выдаст.

Китайские пословицы

Взволнованный человек – всё равно что оторвавшаяся от причала лодка.
Дверь, за которой скрыто хорошее, трудно открыть; дверь, за которой скрыто дурное – трудно закрыть.
Если есть закон, можно управиться и с ересью, если прав, можешь побить и господина.
Если название сочинения неудачно, то и слова не идут свободно.
Жизни человека есть предел, учению – нет.
И муха, прилепившись к хвосту коня, может проехать тысячу ли.
Каждый день идёшь – не бойся сотен тысяч ли, всё время работаешь, не бойся сотен тысяч дел.

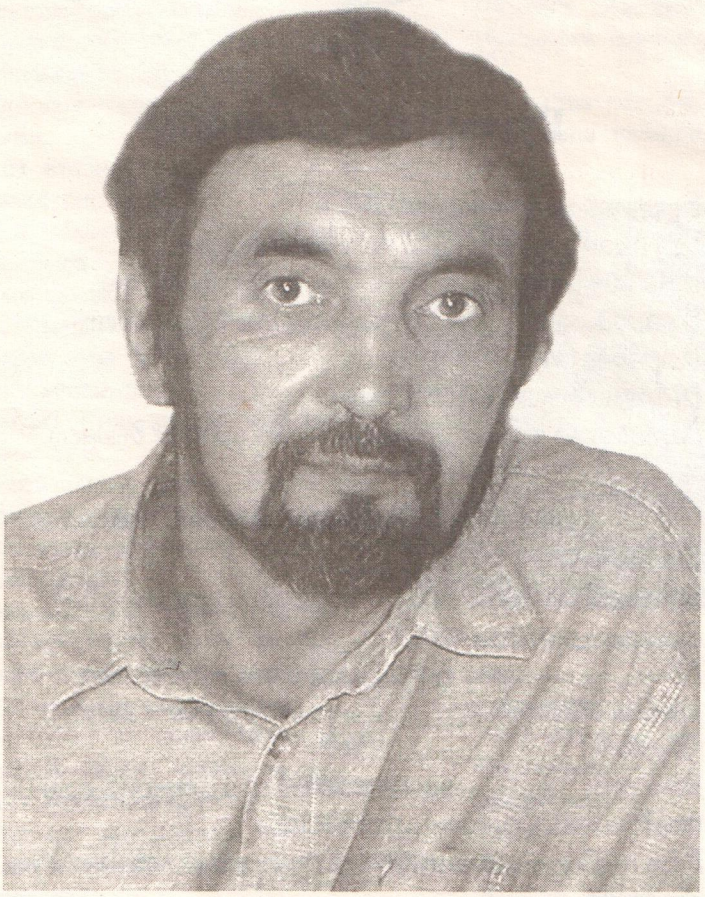
Шумерские пословицы

Из двух зол выбирать не стоит.
Кто чувствует стыд, тот начинает чувствовать долг.
Поднял бы ты гору, да тростинку на ветру не удержишь.
Словно бык - не знаешь, как отступить.
Развёл быков, да провонял навозом.
Сердце не породило ненависти, а речь породила.
Чужой вол ест траву, а свой - голодный лежит.

ПАЛИТРА

Елена ХРАПОВА

РАЗДУМЬЯ НЕНЕЦКИЕ, РАЗДУМЬЯ БАШКИРСКИЕ

Компьютеризация поделила творческих людей на тех, кто к ней относится положительно, и тех, кто её на дух не переносит. Маститые художники, в большинстве своём, компьютер не признают, работают традиционными методами. А в это время ребята, освоившие компьютерные технологии, но не имеющие ни художественного образования, ни элементарного чувства вкуса, заполняют улицы городов, страницы журналов своими аляпистыми и даже агрессивными творениями. Какое изобилие яркой рекламы, глуповато оформленных плакатов впитывают ежедневно наши глаза! Хочется клич бросить: «Художники, спасите нас и наших детей от сей безвкусицы!» Услышат ли?

И всё ж я знаю одного интересного художника, который освоил компьютер и занимается новым искусством – компьютерной графикой. Это **Рамазан Нурисламович Шайхулов**, преподаватель художественно-графического факультета Нижневартовского гуманитарного университета. У него есть работы, выполненные во всех техниках – и классические пейзажи, и вполне традиционные графические офорты, много графики, живопись, сделанная свободно растекающимися красками, он иллюстрирует книги. Свои работы выставлял на региональных, окружных, зональных выставках, получал дипломы.

В последнее время увлёкся компьютерными технологиями, и вот создал серию работ под общим названием «Раздумья», что посвящены жизни лесных ненцев.

Почти рядом с полярным кругом на стойбище живёт поэт и общественный деятель Юрий Кылевич Вэлла (Ай седа). Часто к нему в гости на стойбище приезжают дру – художники, писатели, и почти все уезжают, обогащён новыми идеями, творческими замыслами.

Вот и Рамазан, вернувшись от Юрия, создал серию новых работ. В этих, вроде бы простых фотоколлажах, поражает глубина. Коллажи и предполагают многослойность, но у Рамазана Шайхулова наложение одного слоя на другой приобрело почти метафизическое звучание. И создаётся ощущение, что не реальный мир отображён здесь, а мираж, призрачный, мифический мир, что каким-то чудом существует пока параллельно с нашей урбанистической цивилизацией.

– Рамазан, расскажи, как у тебя появилась идея делать компьютерные коллажи?

– Гостили на стойбище у Юрия Вэллы и сделали целую серию фотографий. Образы были настолько яркие, сама жизнь поразила меня своей простотой и целесообразностью. Для горожанина жизнь на стойбище может показаться малопонятной, неуютной, а для меня, выросшего в дерев эта жизнь более близка. Конечно, она сильно отличается деревни башкирской. Здесь всё крутится вокруг оленей. Е совершенно другое, возвращения в детство не было, я хочу сказать о другом – на стойбище мне всё кажется таким же разумным, как и в родной деревне.

Мне показалось, что народы наши чем-то близки. Возможно, своей древностью, поклонением природе. Хотя у башкир совсем другой уклад, но природа также священна. Мусульманская вера не смогла полностью вытеснить из памяти нашего народа язычество. Основа верований была одна. Потому мировоззрение Юры Вэллы, его поэзия мне очень близки.

Захотелось посредством фотографии показать всю жизнь стойбища, и не только быт, но и духовность лесных ненцев. И возник вопрос – как? Хоть как композицию кадра выстраивай – все равно одним снимком многого не добиться. А если собрать на лист ряд, который более полно раскрывает жизнь на стойбище? Таким образом, от одного кадра к другому, выбирая, делая наложения, располагая, выстроил композицию.

Первый лист я назвал «раздумья». Главный герой, естественно, Юра. И весь его мир вокруг отражает его мысли,

думы. Постройки на стойбище, олени.

– Почему не взять кисть и не написать тоже самое?

– В живописи свои законы, свои приёмы выразительности, композиционный строй. Здесь необходимо создавать изображения, пространство, состояние. В компьютерных же коллажах я пользуюсь готовыми изображениями, то есть кадрами из цифровых фотографий, обрабатывая их по цвету, тону, величине согласно создаваемому пространству и композиции. То есть, то, что я создаю на компьютере, совершенно отличается от живописных приёмов и задач. Если нную же тематику разрабатывать в живописи, результат дет совершенно другим.

И мне было интересно попробовать новый способ изобразительного искусства. Компьютерная техника предполагает серию работ, вот и появилась серия. Хочется написать и живописные полотна, но на них пока времени нет. Когда я сделал первые три работы, Юра их увидел и попросил сделать серию иллюстраций для его новой книги. Именно эти работы понравились ему больше других.

– Вот я смотрю на них, и возникает ощущение тревоги за людей, что здесь изображены. Кажется, что подует ветер, и подобно миражу в пустыне, их призрачный и неповторимый мир исчезнет навсегда. В твои планы и входило вызывать такие чувства?

– Если у зрителя возникают такие чувства, значит, частично, я достиг своей цели. Мир, который создал Юрий Вэлла, вызывает двоякие чувства. Во-первых – глубокое уважение за его титанический труд, стремление сохранить традиционную культуру, материальный, хозяйственный мир ненцев, передать всё это своим детям, внукам. И в этом он многого добился. Но мы наблюдаем, сколь стремительно и безжалостно движется прогресс, и возникает вопрос – надолго ли всё это? Не тщетны ли все Юрины усилия? Отсюда и другое чувство – тревога за его мир.

Да и если взять в мировом масштабе, то и вся наша планета не вечна, всё как бы висит на волоске, уж не говоря о жизни маленького стойбища, окруженного нефтяными гигантами. Поэтому разрушительный ветер, о котором ты говоришь, может быть и мировым катаклизмом и экологической катастрофой местного значения.

– Компьютерной графикой занимаются многие, но обычно профессиональные художники смотрят на это ремесло не совсем уважительно, считают недостойной их работой…

– Да, к сожалению, когда идут от возможностей компьютерных технологий, но не обладают знаниями, чутьём художника, то искусства нет. Чистое извращение… Поэтому безвкусица на улицах города: много безграмотных плакатов, в рекламных проспектах несуразица. Ни композиции, ни ритма, ни хороших цветовых сочетаний. Главенствует желание удивить техническими возможностями фотошопа, напичкают всем, на что способны, и зритель теряется перед этой безвкусицей.

А у меня за плечами хорошая школа живописи, графики, композиции, поэтому я подхожу к возможностям компьютера вооруженный знаниями художника. Далеко не все маститые художники, графики берутся за компьютер, отвергают его и тем самым отдают это новое искусство на откуп так называемым графоманам в художественном деле. Новому надо учиться. Я научился, и при этом сохранил знания, мыслительный аппарат художника-живописца, графика, и делаю в фотошопе вещи, в которых есть художественное видение. Для меня компьютер – это уже послушный инструмент для воплощения своих творческих замыслов, продолжение моих рук.

– Что тебе самому больше по душе – эти коллажи или добротный классический пейзаж?

– Нельзя говорить о каких-либо предпочтениях. Любой художник должен уметь работать в традиционных жанрах живописи и графики, а для меня это обязанность, так как я преподаватель, обучаю молодых. А самовыражение у каждого своё. Мне нравится свободная живопись, фактурная. В компьютерных коллажах нравится вариативность, возможность десятки раз перемещать изображения, менять размеры, тоновые соотношения, добиваясь максимальной выразительности. Нравится относительная свобода в самовыражении.

– Душа требует свободы или, может быть, устал от классики?

– Возможно, в этом менталитет башкирский отразился. Привлекает простота исполнения таких картин. В принципе, я стремлюсь не к авангарду, а к простой, но выразительной форме выражения. У нас шутят, что в черты характера башкирского народа не входит любовь к кропотливому труду. Вроде бы шутка, но она не на пустом месте родилась.

Если знать наши места, то можно понять, что башкирам не нужно было очень много трудиться для того, чтобы себя прокормить. Башкиры жили буквально в раю. Есть даже такая притча. Когда Бог распределял земли, башкиры по своей лености припоздали к раздаче. Пришли к нему, когда он всё уже распределил. И Бог отдал башкирам ту землю, которую хотел оставить для себя – Южный Урал. У нас там есть всё: реки, степи, леса, плодородные земли.

В армии я был художником в политотделе дивизии, одной из моих обязанностей была помощь частям дивизии

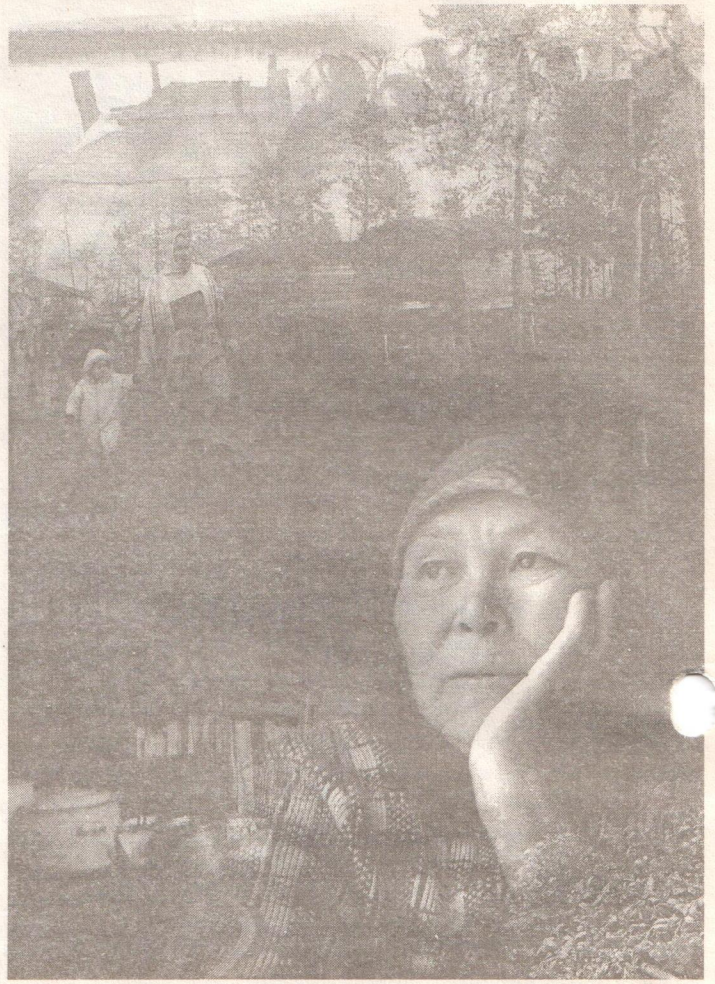
в оформлении ленинских комнат. Помню, как сильно меня поразила одна комната, где весь потолок был расписан тончайшей узбекской вязью – это постарались узбеки перед дембелем. Там такая кропотливая работа, для меня это казалось невероятным, неповторимым. Это черта очень трудолюбивого народа, у них уже в генах трудолюбие. У узбеков настолько сложный орнамент, там такая ритмика, сложнейшее переплетение, тщательно выписываются мельчайшие детали.

Узбеки прорывают в пустыне арыки, выращивают арбузы, потому что у них больше ничего не растёт. А башкир сел на коня, натянул тетиву лука – вот тебе и мясо, закинул удочку в реку – вот тебе и рыба, нашёл дупло с мёдом – накачал, сколько хочется. Образ жизни создал национальный характер башкир: радушие, гостеприимство и некое нежелание загружать себя лишней работой. Может быть, мне просто лень взять кисти и прописывать каждый мазок. Легче вылить краску на стекло и встряхнуть – а там как уж она сама растечётся.

Взять творчество Райшева, его картины тоже из минимального количества мазков. Здесь нельзя говорить о генетической предрасположенности к лености, скорее о заложенном в генах рационализме, экономии сил в тяжелейших условиях жизни.

– Кем ты в большей степени себя ощущаешь: преподавателем или художником? Или может быть, писателем?

– Я художник-педагог. Не всякий художник может быть педагогом, и не всякий педагог – художником. А у нас уже династия педагогов. Отец, Нурислам Фатхелисманович, преподавал в старших классах башкирский язык и литературу, и сам писал, он член Союза писателей. Оставил плеяду

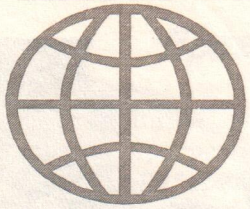

учеников, которые стали известными в Башкирии писателями. Он вёл в школе литературный кружок, из которого вышли Тайфур Сагитов, Сабир Шарипов, Сафуан Алибаев, это самые известные в Башкирии писатели. Когда отмечали 70-летие отца, писатели приезжали и с благодарностью вспоминали о нём как о первом учителе.

Рамазан создает разнообразные картины, но желание найти свой способ самовыражения неуёмно, иногда рамки художественного творчества уже кажутся тесными, и он пишет рассказы. Как художник-иллюстратор он автор 6 книг, у прозаика Шайхулова книги пока нет. В своих рассказах он предстаёт вдумчивым, внимательным к деталям, добрым и мудрым человеком. Часто обращается к прошлому, ему хочется запечатлеть уходящий мир башкирской деревни, хотя бы так сохранить его в памяти потомков. В этом его творчество также перекликается с творчеством Юрия Вэллы, для которого родовая память, память о поколениях, живших до него очень важна. На одной из работ Рамазан использовал фотографию их архива – взял снимок Утчани, бабушки Юры Вэллы, она сверху смотрит на мир, в котором жила, на своих правнуков, которые родились уже после её ухода в мир иной. В рассказах о башкирской деревне, о её стариках Рамазан также концентрирует внимание читателя на том, как важно помнить свои родовые корни. Связь между поколениями очень важна для Юрия, также она важна и для Рамазана, возможно, благодаря этому и получились у Рамазана такие замечательные работы, которые в скором времени станут иллюстрациями к новой книге Вэллы.

Только тот, кто с уважением относится к истории и культуре своего народа, способен понять и уважать прошлое и настоящее народов других.

LITSOVET.RU

«В интернете можно найти что угодно!» Честно говоря, никогда не задумывалась над тем, насколько это заявление может соответствовать действительности. Здесь, неожиданно для себя, я обнаружила самую настоящую современную литературу, которую, увы, почти не встретишь ни на прилавках книжных магазинов, ни на страницах толстых литературных журналов. Для первых – стихи и проза неизвестных и не занимающихся производством коммерческого чтива, авторов просто невыгодна, вторым – достаточно сложно выйти из уже накатанного русла, и признать, что молодая современная литература кардинально отличается от принятых, ставшими догматичными норм.

В этом смысле литературные сайты в интернете – самый демократичный способ автору найти своего читателя, а читателю – своих авторов…

Алиса Минина-Пожарская
США, штат Алабама

Старая школа

Конечно же, я тут всех знаю. Деревня-то небольшая – пятьдесят домов. Многие уже совсем заброшенные, в другие на лето приезжают. А если где и постоянно живут – так только старики одни. Раньше у нас даже школа была. Она и теперь есть – огромный дом, бревенчатый и обит досками, выкрашенными в рыжий цвет. В этой школе ещё моя мама училась. И как говорит, училась хорошо, на одни пятёрки. Только теперь уже не поверишь! Сейчас школа пустая с разбитыми окнами. От нас совсем недалеко. Проберёшься через крыжовник, потом в заборе лаз, ещё пробежишь по чужому саду и вот ты в школьном дворе. Там вишня растет, яблони. И внутрь зайти можно – дверь висит на одной петле, там даже парты есть. Старые деревянные, в центре отверстие выбито для чернильницы. На парте вечное «Петька – дурак!», на стене под побелкой увидишь сердечко стрелой пронзённое. Всё течёт, но ничего не меняется. Веранда ещё тут есть. Стеклышки разноцветные остались кое-где – ромбами, квадратами. На чердаке шуршание – может кошка, может ветер. В открытое окно смотрят любопытные ветки вишни. Знаешь эти чудесные дни в конце августа? Когда в воздухе чувствуется что-то щемящее, и теплота солнца растворяется в аромате яблок, в ярко-жёлтых золотых цветах. Цветы высокие, выше меня. Мама называет их золотые шары. Я всё думала, что они непременно и летать могут – шары всё же. Оказалось просто так назвали, для красоты. Старая школа вся залита светом – от солнца, от этих золотых шаров. И кажется какой-то умытой, прибранной словно. Но и в этом году в неё никто не придёт, не принесет учебники на парту, и на доске не появится новых уравнений. А школа ждёт, она каждый год ждёт. Только упадёт на крыльцо спелое антоновское яблоко…

Гербарий

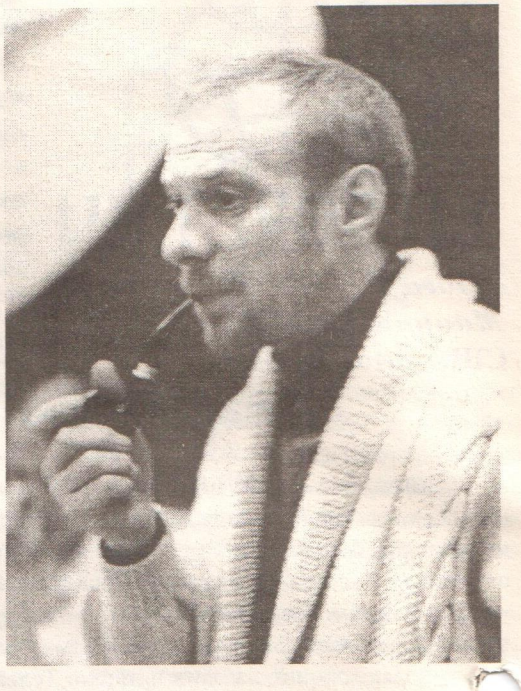
«Ибо в памяти роза пахнет сильнее
и слаще Розы стоящей
На подоконнике в вазе» ***Н.Д.***

Это про осень. Яркий день в конце сентября, когда солнце с утра сияет в небе начищенным пятаком, а небо такое свежее синее, умытое ночным дождем. Ты помнишь это загадочное слово – гербарий? Я так долго не могла его выговорить правильно. Вот гербарий мне и нужно собрать в альбом, чтобы принести в школу в понедельник. Мой гербарий в парке – на земле, на холодных лавочках, на деревьях. Красные звёзды клёна – это тоже гербарий, жёлтые сердечки липы туда же. А потом дубовые листья цвета тёмного золота, похожие на перевёрнутые ёлочки, и листик оранжевой рябины точь-в-точь как птичье растреёпанное пёрышко. И сирень, которая всё такая же зелёная, только с каждым морозом темнее становится, и ещё я возьму с ароматной горчинкой жёсткий тополиный листик, а потом ещё маленький круглый, как медалька, листок ольхи.. а потом… Буду просто ходить между деревьев, нарочно шаркая ногами и листья, как птицы, с шуршанием будут разлетаться в разные стороны, и мама будет ругаться, ну и пусть. Из парка идём с охапкой листьев. Это для всех просто охапка – для меня загадочный гербарий, который обязательно должен расцвести в альбоме для рисования к завтрашнему понедельнику. Ветер тихий, неслышный совсем, шёпотом. Закружился листок в воздухе и сел доверчиво на моё плечо. От неожиданности чуть не выронишь свое шуршащее богатство. Снимешь этот листик с плеча осторожно и положишь в карман, от других отдельно. Дома в книжку спрячу. Странный такой листик, как волшебное зеркало, посмотришь в него и вот этот день яркий осенний видишь как наяву...

Вишни

Я и не заметила, как оно появилось – прилепилось под крышей маленькое, с напёрсток, ласточкино гнездо. Это случилось в чудесный майский день. День, когда воздух становится таким душистым, что директора парфюмерных фабрик начинают с досады пить валерьянку. Мы с кошкой сидели на крыльце и наблюдали цветущую вишню. Вишни у нас много, когда в цвету, то и не отличишь от стада белоснежных барашков. Я смотрела на вишни и думала, что год будет хороший и будет много вишнёвого варенья. Впрочем, и кошка думала о том же. Вдруг высоко, с самого неба – нежные звуки, словно флейта. Ласточка. Она сидела на самом краю своего нового домика. Чёрная блестящая и маленькая, как подсолнечное семечко. Так и познакомились. А потом лето покатилось – быстрое, пёстрое. И вишня вскоре поспела, серёжки рубиновые развесив на ветках. На солнце ягоды переливались, и казалось, что вишня смотрит на тебя украдкой, с любопытством. Сказочное многоглазое дерево. А у Ласточки были свои заботы – в маленьком гнезде-напёрстке постоянно что-то пищало и звало на помощь. Конечно, я знала, что Ласточка вскоре улетит от нас, куда-то далеко – туда, где всё время тепло, где много красивых цветов, где есть пальмы похожие на перевёрнутые веники. Так и вышло – однажды гнездо опустело. Солнце всё ещё жарило по-летнему, и на клумбе цвели огромные надутые флоксы. Только в зелени деревьев, жёлтые листья как седая прядь. И год, ещё с января казавшийся таким новым, как-то сразу постарел и осунулся. Маленький домик остался без души, постепенно разрушаясь. Ласточка, наверное, не вернётся больше. Зачем? В нашей речке не водятся крокодилы и не цветут чудесные лотосы, солнце у нас не такое жаркое, а песок лишь сахарный, в пакете. Вот только весной опять цветут вишни и высоко-высоко, с самого неба, доносятся нежные звуки флейты… Знаешь, птицы всегда возвращаются… В отличие от людей.

ГОСТЬ

От каждого приезда в наш город этого удивительного человека уже ждешь какое-то чудо, которое непременно свершается под его руководством. Вот и этот, сентябрьский визит завершился резким пересмотром творческих планов коллектива школы искусств «Камертон». Весь прошлый год камертоновцы – педагоги работали над мюзиклом «Свадьба в Малиновке» и даже уже показали рабочую версию спектакля, однако...

Итак, что же все-таки произошло «Глаголу» рассказал Эдуард Терехов, Заслуженный артист России, режиссер, директор Ульяновского театра.

«Волга-Волга» зазвучит на сцене...

– Давай поговорим о новом проекте. Здесь работали над одним мюзиклом. Ты приезжаешь, резко все меняешь. На мой взгляд, в лучшую сторону, но чем это вызвано?

– Я не знаю на сколько политкорректно об этом говорить, я никого не хотел подставить тем, что материал был изменен. Материал был интересный, любопытный, заводной, но чего-то в нем такого не хватало. Не хватало масштаба, на мой взгляд, не хватало участия детей. Все-таки это школа искусств. Понятно, что взрослыми силами можно что-то сделать, но хочется, чтобы наши усилия были направлены на создание чего-то такого грандиозного, с серьезной, яркой, крупной целью. И вот здесь наши идеи с директором школы, Михаилом Ивановичем, полностью сошлись, мы решили, что то, что готовили без меня, не пропало даром.

Это был хороший тренинг, какая-то ступенька, трамплин, для того чтобы подойти к другому материалу. Это осознанная необходимость. Я бы не назвал это резким поворотом, скорее это логическое продолжение той работы, которая была сделана до сегодняшнего дня. А выбор материала «Волга-Волга» обусловлен, в первую очередь, тем, что в нем можно активно занять детей – учащихся школы искусств, то что в этом материале можно разнообразнее проявить возможности этой школы. Безусловно у этого материала замечательная сверхидея: таланты находятся вокруг нас, их просто надо только разглядеть и протянуть руку, для того чтобы помочь, а не ставить палки в колеса тем, кто что-то хочет делать. И совсем не обязательно, что кто-то из станет деятелем искусств, музыкантом или там хореографом, но во взрослой жизни, этот багаж творчества, багаж настоящего классического хорошего эстрадного материала, этот базис, который сейчас создается – пригодится... Не знаю, наверное, костляво сейчас говорю. Сформулирую так: если у человека есть базис, в котором участвует творчество, человеку просто всегда будет легче жить. То есть, если человек воспитан на творчестве, так надо говорить, то в дальнейшей жизни, в независимости от того, кем он будет: инженером, буровым мастером, педагогом ли он будет, в любом случае этот творческий багаж необходим человеку, чтобы его жизнь в дальнейшем была разнообразной, яркой, многоплановой и многоуровневой. И материал «Волга-Волга» целиком и полностью отвечает этой идее.

– В последний свой приезд ты говорил, что вряд ли еще приедешь в Мегион для работы. Но, получается, что Мегион тебя не отпускает?

– Да, Мегион меня не отпускает, я вот и сейчас, чес[illegible]тно говоря разрываюсь. Приехал по гигантской просьбе Людмилы Николаевны и Михаила Ивановича, для того, чтобы скорректировать ту работу, что была сделана. Но вот звезды так сложились, что мы затеяли новый проект. И опять же, я обещал приехать на выпуск этого проекта, теперь я вижу, что он получается настолько масштабным, что нужно будет еще изыскивать дополнительный временной ресурс, чтобы еще на каком-то этапе провести корректировку, свести все это. Да, не отпускает меня Мегион никак, но я, честно говоря, не сильно этому и сопротивляюсь. В общем, моя жизнь больше сопротивляется, отнимая у меня все больше времени для разных глобальных проектов. Все-таки руководить театром – это большая ответственность, и это огромное количество сил и времени. Но в Мегионе у меня столько родных и близких мне людей, и что-то, действительно, здесь есть такое, что не отпускает, хочется время от времени возвращаться, видеться с этими людьми, работать вместе с ними, творить вместе с ними. Причем, на сегодняшний день, это для меня не просто там какой-то творческий полигон, для

меня это скорей встреча с хорошими, добрыми друзьями.

– Какими глобальными проектами ты сейчас занимаешься, помимо этого, что сейчас назрел в Мегионе?

– Первый глобальный проект – это тот театр, что четыре года назад мы с молодым и интересным коллективом создали в Ульяновске. Сегодня мы его подняли, можно сказать, на российский уровень, участвовали во всероссийских фестивалях, номинировались на национальную премию «Арлекин» среди театров для детей, вошли в семерку лучших театров России. Это основной глобальный проект. Помимо этого есть достаточное количество приглашений в различные театры, где можно тоже попробовать свои творческие силы с новыми профессиональными коллективами. Сейчас, буквально отсюда я уеду в Тверь, на выпуск спектакля, над которым мы работали летом – это спектакль по пьесе Горина «Забыть Герострата». 13 октября состоится премьера в Твери, затем есть приглашения еще в другие города. В общем, жизнь предлагает много вариантов, предоставляет много шансов, для того чтобы использовать, и вот сейчас, наверное, я нахожусь в процессе определения – на что мне нужно больше потратить сил, и приходится немного корректировать свои планы.

– Судя, по всему, у тебя больше всего времени уходит на режиссерскую работу.

– На режиссерскую и организационную…

– А по актерской работе не скучаешь?

– Нет не скучаю. Более того скажу, что видимо я уже отработал вот эту стезю, вышел на какой-то другой уровень. Сейчас время от времени я возвращаюсь в тот театр, в котором 20 лет отработал. Меня попросили время от времени играть спектакль «Бумбараш», и вот раз в квартал там, блоками по 5-7 спектаклей я играю. И скажу честно, что какого-то такого сумасшедшего волнения я не испытываю, и восторга дикого тоже... То есть я, ну, нормально отношусь к этой работе, стараюсь ее делать также хорошо, как делал там пять лет назад, хотя это сложнее, я уже стал старше, и какие-то вещи тяжелее даются, приходится больше усилий прикладывать. Тяжеловато, скажем, как спортсмену, который ушел из большого спорта, немножко потеряна форма, и чтобы подготовиться, восстановиться, каждый раз, для каждого блока, приходится прикладывать огромные усилия.

На самом деле, режиссерская работа, административная работа сегодня мне приносят больше удовлетворения, потому что почувствовал вкус к управлению процессом. Возникает совсем особое чувство, когда ты контролируешь этот процесс, когда ты можешь делать это так, как ты считаешь нужным. Потому что, ну не секрет, всегда, когда участвуешь в проектах, которые ведут другие люди, думаешь – а вот это бы я по другому сделал, а вот это не очень правильно, на мой взгляд, не очень грамотно. Не факт, что я грамотно предложу, но, я вот так вот это вижу. И когда я стал руководителем, мне это доставило огромное удовольствие, нашел больше моментов для самовыражения, потому что работа все равно творческая. В плане энергетическом – на репетициях больше тратишь, чем во время игры спектаклей – за одну репетицию я проигрываю десять спектаклей. На самом деле, это все равно спектакль, у меня свои зрители – это актеры, у меня есть кураж. Это тот же спектакль, и я тот же актер, только актер, несущий другую ответственность, актер – дирижер.

– Вернемся к Мегиону. «Волга-Волга», это все-таки фильм, и он не звучал как мюзикл или оперетта, и для него надо будет писать самостоятельное либретто, прописывать героев. Кто будет этим заниматься?

– Этим буду заниматься я. Мы уже прописали с Антоном Александровичем Зориным музыкальные номера, которые выбрали. Он будет музыкальным руководителем этой затеи, будет делать аранжировки.

– Главный помощник…

– Ну, я бы не назвал его главным помощником, а, наверное, первый человек, который здесь будет не то что рулить процессом, а будет двигателем этого процесса. Мы определились сегодня с количеством номеров, с их насыщением. Сейчас я готовлю техническое задание для всех служб – для хореографии, для хорового класса. Хореографией будет заниматься Ольга Бажанова, хоровые номера будет готовить Татьяна Шереметьева. Будут заняты все педагоги, здесь всем работы хватит. Сейчас вот все находится на подготовительном уровне, для того чтобы точно раздать техническое задание. Потом уже по приезду домой буду искать время, чтобы как-то наладить номера…

– И делать спектакль…

– Не знаю, на сколько это получится спектакль, скорей всего это будет концертная версия, сценическая версия фильма «Волга-Волга». Естественно, там какие-то подробности может уйдут…

– А главный отрицательный персонаж останется?

– Останется…

– И есть претендент на эту роль?

– У меня всегда один претендент на роль отрицательных персонажей, это Михаил Иванович. *(с улыбкой)* Он пока не согласен, он никогда не согласен. Он говорит мне: «Что ты все время мне директоров подсовываешь?». И здесь тоже очередной начальник, и, конечно, ему, наверное, трудно будет отважиться. И все-таки я надеюсь, что удастся его уговорить, потому что Михаил Иванович, человек яркий, творческий, талантливый, артистичный.

– А на главную женскую роль?

– Уже есть героиня, но пусть это будет секретом. Я думаю, что в нашем коллективе нам удастся открыть новую звезду. Пусть будет сюрприз.

– И в смелых планах – когда премьера?

– Мы хотим пробу такую сделать к майским праздникам, чтобы показать это к первому мая, ко Дню Победы. Задача минимум – выйти в концертном варианте, посмотрим, как нам это удастся, и возможно мы будем еще дорабатывать.

– Ты сказал, что будут участвовать дети. Каким образом?

– Дети будут участвовать обязательно. Детей будет много. Они будут выступать совершенно в разных планах – там будет хореография детская и детский хор, и детские ансамбли, и возможно детский оркестр каких-то шумовых инструментов, и ребятки – солисты будут. В общем, проект глобальный в том плане, что все население школы искусств «Камертон» не останется в стороне.

– Как всегда это будет чудо, как всегда это будет праздник…

– Мы постараемся сделать, чтобы это действительно было праздником. Из такого материала грешно не сделать праздника.

Афиша

Центральная городская библиотека г. Нижневартовска
приглашает принять участие в конкурсе художественной декламации
«Во весь голос»

Участниками конкурса могут стать все желающие старше 14 лет.
Конкурсанты должны исполнить малоизвестное поэтическое или прозаическое произведение русской литературы второй половины 19 века.

Заявки на участие принимаются до 13 ноября в Колонном зале Центральной библиотеки

В заявку включается:
- отпечатанный текст произведения с указанием автора, названия, а также мотивов выбора произведения;
- биография участника (Ф.И.О., адрес, телефон, учебное заведение, данные паспорта, увлечения, читательские интересы, информация об участии в конкурсах).

Подробную информацию можно получить по телефонам 45-05-85,
46-88-38, Колонный зал Центральной библиотеки,
(Чумуркина Галина Анатольевна)
Библиотека находится по адресу:
ул. Дзержинского д.6 (за детской поликлиникой №5)

ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КРАЕВЕДЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«СЛОВЦОВСКИЕ ЧТЕНИЯ 2007»
СОСТОИТСЯ 13–16 НОЯБРЯ В ОБЛАСТНОМ КРАЕВЕДЧЕСКОМ МУЗЕЕ, Г. ТЮМЕНЬ

II Международный театральный фестиваль спектаклей малых форм *«Северные встречи»*, Нижневартовский Драмтеатр, 25-28 октября

25 октября
Церемония открытия фестиваля.
Э Ростан **«Сирано де Бержерак»** (г. Нижневартовск, Россия)
начало в 19.00

26 октября
Б. Дантонель **«Мимоза»** (Франция)
начало в 12.00
Аристофан **«Лисистрата»** (Германия)
начало в 15.15
А. Чехов **«Исповедь счастливчика»** (г. Омск, Россия)
начало в 19.00
М. Зайчикова **«Нет, я не жалею ни о чём»** (г. Нижневартовск, Россия)
начало в 20.30

27 октября
И. Кулев **«Жизнь в картонных коробках»** (Болгария)
начало в 16.15
В. Кунин **«Кыся»** (г. Вологда, Россия)
начало в 19.00
Б. Дантонель **«Мимоза»** (Франция)
начало в 20.30

28 октября
П. Вежинов **«Барьер»** (г. Нижневартовск, Россия)
начало в 12.00
Э. Мижит **«Как же ты без меня?!»** (Республика Тыва, Россия)
начало в 16.15
А.С. Пушкин **«Скупой рыцарь»** (г. Санкт-Петербург, Россия)
начало в 17.00
Ф. Чяпаускайте **«Спектакль после спектакля»** (Литва)
начало в 19.00
Церемония закрытия фестиваля. Начало в 20.15

Югорский Глаголъ
культурно-просветительская газета
№1 2007

Учредитель: Юргенсон Татьяна Владимировна

Газета отпечатана в издательстве «Приобье»
г. Нижневартовск, п. Дивный, 13. телефон:
8(3466) - 63-41-34

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС17-0252 от 7 ноября 2005 г.
e-mail: glagol66@mail.ru

Цена договорная
Тираж 1000 экз.

Главный редактор
Татьяна Юргенсон